

ISSN 2542-0364
ISSN-L 2219-6838

**ЭЛЕКТРОННОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ
К «РОССИЙСКОМУ
ЮРИДИЧЕСКОМУ ЖУРНАЛУ»**

**НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ,
ПРАКТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ**

2/2026

Научный журнал открытого доступа, посвященный фундаментальным и прикладным исследованиям права и смежных наук. Концепция открытости и доступности поощряет и способствует появлению неординарных и смелых идей в области права и академический обмен актуальной научной информацией. В журнале публикуются статьи, отвечающие требованиям научной новизны и актуальности, характеризующиеся академическим подходом к научному исследованию и изложению его результатов

Учредитель: Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Ю. С. Безбородов, главный редактор, д. ю. н., проф., УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, РФ

Андреева Ольга Ивановна, д. ю. н., доц., ТГУ, Томск, РФ

Болтинова Ольга Викторовна, д. ю. н., проф., Университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, РФ

Василевская Людмила Юрьевна, д. ю. н., проф., Университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, РФ

Волчецкая Татьяна Станиславовна, д. ю. н., проф., БФУ имени И. Канта, Калининград, РФ

Головина Светлана Юрьевна, д. ю. н., проф., УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, РФ

Ергашев Евгений Рашидович, д. ю. н., проф., УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, РФ

Загайнова Светлана Константиновна, д. ю. н., проф., УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, РФ

Заметина Тамара Владимировна, д. ю. н., проф., СГЮА, Саратов, РФ

Зигмунт Ольга Александровна, д. ф. н., Университет Фехты, Фехта, Германия

Игнатьева Инна Анатольевна, д. ю. н., проф., МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, РФ

Кодан Сергей Владимирович, д. ю. н., проф., УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, РФ

Козаченко Иван Яковлевич, д. ю. н., проф., УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, РФ

Козлова Наталия Владимировна, д. ю. н., проф., МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, РФ

Койстинен Ярмо, к. ю. н., Центральная криминальная полиция, Хельсинки, Финляндия

Комарова Валентина Викторовна, д. ю. н., проф., Университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, РФ

Кондрашова Татьяна Владимировна, к. ю. н., проф., УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, РФ

Кононов Павел Иванович, д. ю. н., проф., судья Второго арбитражного апелляционного суда, Киров, РФ

Кочкарова Эристина Азрет-Алиевна, д. ю. н., проф., КГЮА, Бишкек, Кыргызстан

Кудрявцева Елена Васильевна, д. ю. н., проф., МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, РФ

Кузнецов Петр Уварович, д. ю. н., проф., УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, РФ

Лисаченко Алексей Владимирович, к. ю. н., доц., УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, РФ

Логина Татьяна Евгеньевна, к. ю. н., доц., ПГНИУ, Пермь, РФ

Марковичева Елена Викторовна, д. ю. н., проф., РГУП, Москва, РФ

Марочкин Сергей Юрьевич, д. ю. н., проф., ТюмГУ, Тюмень, РФ

Мещанова Мария Валентиновна, д. ю. н., доц., БГУ, Минск, Беларусь

Мороз Светлана Павловна, д. ю. н., проф., КОУ, Алматы, Казахстан

Мотревич Владимир Павлович, д. ю. н., проф., УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, РФ

Никишин Владислав Васильевич, д. ю. н., проф., Санкт-Петербургская академия Следственного комитета

РФ, Санкт-Петербург, РФ

Осинцев Дмитрий Владимирович, д. ю. н., проф., УрЮИ МВД РФ, Екатеринбург, РФ

Поликастро Паскуале, доктор права, проф., Щецинский университет, Щецин, Польша

Поляков Сергей Борисович, д. ю. н., проф., НИУ «ВШЭ», Москва, РФ

Понаморенко Владислав Евгеньевич, д. ю. н., проф., НИУ «ВШЭ», Москва, РФ

Попондопуло Владимир Федорович, д. ю. н., проф., СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ

Рыбакова Светлана Викторовна, д. ю. н., доц., ИЗИСП, Москва, РФ

Сахнова Татьяна Владимировна, д. ю. н., проф., СФУ, Красноярск, РФ

Смахтин Евгений Владимирович, д. ю. н., проф., ТюмГУ, Тюмень, РФ

Стахов Александр Иванович, д. ю. н., проф., РГУП, Москва, РФ

Сюань Фей, доц., Восточно-китайский университет политики и права, Шанхай, Китай

Толстых Владислав Леонидович, д. ю. н., доц., проф., МГИМО МИД России, Москва, РФ

Трунк Александр, д. ю. н., проф., Кильский университет, Киль, Германия

Фёдоров Игорь Вадимович, к. ю. н., доц., УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, РФ

Фёдорова Марина Юрьевна, д. ю. н., проф., УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, РФ

Хазанов Сергей Дмитриевич, к. ю. н., доц., УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, РФ

Хуан Даосю, проф., Политико-юридический университет Китая, Пекин, Китай

Чалый Вадим Александрович, д. ф. н., проф., МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, РФ

Шафиров Владимир Моисеевич, д. ю. н., проф., РГУП, Москва, РФ

Шокинс Пол, проф., Католический университет Левена, Левен, Бельгия

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ, Единый государственный перечень научных изданий (Белый список) и индексируется в РИНЦ, DOAJ, Ulrich's, WorldCat, HeinOnline, ResearchBIB.

Все публикуемые материалы доступны под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License

The open access scientific journal dedicated to fundamental research in law and related sciences. The concept of openness and accessibility encourages and promotes the emergence of innovative ideas in the field of law and the academic exchange of scientific information. The journal publishes scientific articles distinguished by novelty, topicality and an academic approach to research and presentation of results.

Founder: Ural State Law University named after V. F. Yakovlev.

EDITORIAL BOARD

Bezborodov Yury, editor-in-chief, doctor of legal sciences, prof., Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg

Andreeva Olga, doctor of legal sciences, assoc. prof., Tomsk State University, Tomsk

Boltinova Olga, doctor of legal sciences, prof., Moscow State Law University named after O. E. Kutafin, Moscow

Chaly Vadim, doctor of philosophy, prof., Lomonosov Moscow State University, Moscow

Ergashev Evgeny, doctor of legal sciences, prof., Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg

Fedorov Igor, candidate of legal sciences, assoc. prof., Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg

Fedorova Marina, doctor of legal sciences, prof., Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg

Golovina Svetlana, doctor of legal sciences, prof., Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg

Huang Daoxiu, prof., Political Law University, Beijing (China)

Ignatieva Inna, doctor of legal sciences, prof., Lomonosov Moscow State University, Moscow

Khazanov Sergey, candidate of legal sciences, assoc. prof., Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg

Kochkarova Eristina, doctor of legal sciences, prof., Kyrgyz State Law University, Bishkek (Kyrgyzstan)

Kodan Sergey, doctor of legal sciences, prof., Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg

Kodinen Jarmo, candidate of legal sciences, Central Criminal Police, Helsinki (Finland)

Komarova Valentina, doctor of legal sciences, prof., Moscow State Law University named after O. E. Kutafin, Moscow

Kondrashova Tatyana, candidate of legal sciences, prof., Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg

Kononov Pavel, doctor of legal sciences, prof., judge of the Second Arbitration Appeal Court, Kirov

Kozachenko Ivan, doctor of legal sciences, prof., Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg

Kozlova Natalia, doctor of legal sciences, prof., Lomonosov Moscow State University, Moscow

Kudryavtseva Elena, doctor of legal sciences, prof., Lomonosov Moscow State University, Moscow

Kuznetsov Petr, doctor of legal sciences, prof., Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg

Lisachenko Aleksey, candidate of legal sciences, assoc. prof., Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg

Loginova Tatyana, candidate of legal sciences, assoc. prof., Perm State University, Perm

Markovicheva Elena, doctor of legal sciences, prof., Russian State University of Justice, Moscow

Marochkin Sergey, doctor of legal sciences, prof., Tyumen State University, Tyumen

Miashchanava Maryia, doctor of legal sciences, prof., Belarusian State University, Minsk (Belarus)

Moroz Svetlana, doctor of legal sciences, prof., Caspian University, Almaty (Kazakhstan)

Motrevitch Vladimir, doctor of legal sciences, prof., Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg

Nikishin Vladislav, doctor of legal sciences, prof., Saint-Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Saint-Petersburg

Osintsev Dmitriy, doctor of legal sciences, prof., Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Yekaterinburg

Policastro Pasquale, doctor of legal sciences, prof., University of Szczecin (Poland)

Polyakov Sergey, doctor of legal sciences, prof., HSE University, Moscow

Ponamorenko Vladislav, doctor of legal sciences, prof., HSE University, Moscow

Popondopulo Vladimir, doctor of legal sciences, prof., Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg

Rybakova Svetlana, doctor of legal sciences, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the RF, Moscow

Sakhnova Tatyana, doctor of legal sciences, prof., Siberian Federal University, Krasnoyarsk

Schoukens Paul, doctor of legal sciences, Research Unit Labour and Social Security Law of KU Leuven (Belgium)

Shafirov Vladimir, doctor of legal sciences, prof., Russian State University of Justice, Moscow

Siegmunt Olga, doctor of legal sciences, University of Vechta, Vechta (Germany)

Smakhtin Evgeniy, doctor of legal sciences, prof., Tyumen State University, Tyumen

Stakhov Aleksandr, doctor of legal sciences, prof., Russian State University of Justice, Moscow

Tolstykh Vladislav, doctor of legal sciences, prof., Moscow State Institute of International Relations (University) MFA Russia, Moscow

Trunk Alexander, doctor of legal sciences, prof., Kiel University, Kiel (Germany)

Vasilevskaya Lyudmila, doctor of legal sciences, prof., Moscow State Law University named after O. E. Kutafin, Moscow

Volchetskaya Tatyana, doctor of legal sciences, prof., Baltic Federal University named after I. Kant, Kaliningrad

Xiuyan Fei, assoc. prof., International Law School and Institute of BRICS Legal Studies, East China University of Political Science and Law, Shanghai (China)

Zagaynova Svetlana, doctor of legal sciences, prof., Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg

Zametina Tamara, doctor of legal sciences, prof., Saratov State Law Academy, Saratov

The journal is included in the List of Peer-reviewed Scientific Publications of the Higher Attestation Commission, the Unified State List of Scientific Publications (White List) and is indexed in RSCI, DOAJ, Ulrich's, WorldCat, HeinOnline, ResearchBIB.

All published materials are available under the Creative Commons Attribution 4.0 License

© Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, 2026

СОДЕРЖАНИЕ**JUS GENTIUM**

- Войников В. В.** Проблемы реализации и защиты прав физических лиц в правовом порядке ЕАЭС 6
- Толстых В. Л.** Кочевые народы и международное право: к постановке проблемы 17
- Кочанов А. К.** Нормы о невмешательстве в правовом порядке ООН: введение в проблему 34
- Нургалиева Е. Р.** Проблема GPS-спуфинга в международном морском праве 42

JUS PUBLICUM

- Бояринцева О. А., Устюжанина Е. В.** Документы стратегического планирования как источники информационного права: постановка проблемы 53
- Агафонов А. С.** Цифровой суверенитет Российской Федерации и государственный суверенитет 59

JUS PRIVATUM

- Лунев К. А.** Роль суда в доказывании фактов процессуальных злоупотреблений 64
- Писков И. А.** Стандарты разумности и добросовестности как составляющие субъективной добросовестности в российском праве 71
- Чалая С. В.** Критерии для привлечения к субсидиарной ответственности юристов 79

TERRA JUVENTUTIS

- Насонова П. С.** К проблеме совершенствования юридического образования в России: из опыта УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева 85

BIBLIOTHECA

- Семитко А. П.** Правовое будущее России как правовой прогресс. Рец. на кн.: **Архипов С. И.** Правовой прогресс: зарождение, развитие, кризис идеи: монография. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2025. – 272 с. 94

CONTENTS

JUS GENTIUM

- Voynikov V.* Problems of implementation and protection of the rights of individuals in the legal order of the EAEU 6
- Tolstykh V.* Nomadic peoples and international law: framing the issue 17
- Kochanov A.* The UN non-intervention framework: an introduction..... 34
- Nurgalieva E.* The problem of GPS spoofing in the Law of the Sea 42

JUS PUBLICUM

- Boyarintseva O., Ustyuzhanina E.* Strategic planning documents as sources of information law: problem statement 53
- Agafonov A.* Digital sovereignty of the Russian Federation and state sovereignty 59

JUS PRIVATUM

- Lunev K.* The court's role in providing procedural abuses 64
- Piskov I.* Standards of reasonableness and good faith as components of subjective good faith in Russian law 71
- Chalaya S.* Criteria for involving legal counsels in subsidiary responsibility 79

TERRA JUVENTUTIS

- Nasonova P.* To the problem of improving legal education in Russia: from the experience of the Ural State Law University named after V. F. Yakovlev 85

BIBLIOTHECA

- Semitko A.* The legal future of Russia as legal progress. Review of the book: *Arkhipov S. I.* Legal Progress: The Emergence, Development and Crisis of an Idea: monography. – Moscow: Norma: INFRA-M, 2025. – 272 p. 94

УДК / UDC 341

DOI: 10.34076/22196838_2026_2_6

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ И ЗАЩИТЫ ПРАВ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ В ПРАВОПОРЯДКЕ ЕАЭС

Войников Вадим Валентинович

Профессор Балтийского федерального университета имени И. Канта (Калининград), профессор кафедры интеграционного права и прав человека Московского государственного института международных отношений (университет) МИД России (Москва), ведущий научный сотрудник Центра европейских и евразийских правовых исследований юридического факультета Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского (Нижний Новгород), доктор юридических наук, ORCID: 0000-0003-1495-3227, e-mail: voinicov@yandex.ru.

Статья посвящена проблеме участия физических лиц, не имеющих статуса предпринимателя, в отношениях, регулируемых правом ЕАЭС. Несмотря на экономическую сущность ЕАЭС, деятельность Союза затрагивает права и обязанности не только хозяйствующих субъектов, но и рядовых граждан, не участвующих в предпринимательской деятельности. Автором выявлены основные сферы общественной жизни, в которых физические лица осуществляют права и несут обязанности, непосредственно вытекающие из права ЕАЭС. В частности, к таким сферам можно отнести: трудовую миграцию, защиту конкуренции на трансграничных рынках, таможенную сферу, международную гражданскую службу. Указанные сферы полностью или частично регулируются нормами права ЕАЭС. Цель настоящей статьи заключается в определении степени участия физических лиц в отношениях, регулируемых нормами права ЕАЭС, а также существующих форм защиты прав и законных интересов физических лиц в правовом порядке ЕАЭС. В результате исследования автор приходит к выводу о том, что физические лица достаточно активно участвуют в правоотношениях, регулируемых нормами права Союза. При этом право Союза не предусматривает адекватный уровень правовой защиты физических лиц, лишая их доступа к интеграционному правосудию, а также оставляя состояние правовой неопределенности в части регулирования правоотношений с их участием. В этой ситуации автор считает необходимым укрепить правовой статус физических лиц, обеспечив возможность их полноправного участия в общественных отношениях, регулируемых правом Союза.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз, физические лица, Суд ЕАЭС, трудовая миграция, международная гражданская служба, таможенный союз, правила конкуренции на трансграничных рынках

Для цитирования: Войников В. В. Проблемы реализации и защиты прав физических лиц в правовом порядке ЕАЭС // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2026. № 2. С. 6–16. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2026_2_6.

PROBLEMS OF IMPLEMENTATION AND PROTECTION OF THE RIGHTS OF INDIVIDUALS IN THE LEGAL ORDER OF THE EAEU

Voynikov Vadim

Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad), Moscow State Institute of International Relations (Moscow), leading researcher, Center for European and Eurasian Legal Studies, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod), doctor of legal sciences, ORCID: 0000-0003-1495-3227, e-mail: voinicov@yandex.ru.

This article examines the participation of individuals without entrepreneur status in relations governed by EAEU law. Despite the economic nature of the EAEU, its activities affect the rights and obligations of not only business entities but also ordinary citizens not engaged in entrepreneurial activity. The author identifies the key areas of public

life in which individuals exercise rights and bear obligations directly arising from EAEU law. These areas include, in particular, labor migration, protection of competition in cross-border markets, customs union and international civil service. These areas are fully or partially regulated by EAEU law. The purpose of this article is to determine the extent of participation of individuals in relations governed by EAEU law, as well as the existing forms of protection of the rights and legitimate interests of individuals within the EAEU legal order. As a result of this study the author concludes that individuals are quite actively involved in legal relations governed by Union law. At the same time Union law does not provide an adequate level of legal protection for individuals, depriving them of access to integration justice and leaving a state of legal uncertainty regarding the regulation of legal relations involving them. In this situation the author believes it is necessary to strengthen the legal status of individuals, ensuring their full participation in relations governed by Union law.

Key words: Eurasian Economic Union, individuals, EAEU Court, labor migration, international civil service, customs union, rules on competition within cross-border markets

*For citation: Voynikov V. (2026) Problems of implementation and protection of the rights of individuals in the legal order of the EAEU. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu juridicheskomu zhurnalu»*, no. 2, pp. 6–16, DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2026_2_6.*

Введение

Евразийский экономический союз (далее – ЕАЭС) представляет собой организацию региональной экономической интеграции, в рамках которой обеспечивается свободное передвижение товаров, лиц, услуг и капиталов.

В ст. 4 Договора о ЕАЭС среди основных целей Союза указано создание условий для стабильного развития экономик государств-членов в интересах повышения жизненного уровня их населения, формирование единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов в рамках Союза, повышение конкурентоспособности национальных экономик в условиях глобальной экономики. Следовательно, ЕАЭС призван решать глобальные задачи по экономическому развитию государств-членов и упрощению условий ведения бизнеса для предпринимателей, участвующих в трансграничной торговле.

Это может создать представление, что ЕАЭС лишь опосредованно влияет на рядовых граждан государств-членов. В действительности нормы права ЕАЭС не только регулируют отношения между государствами, но и создают права и обязанности у частных субъектов, включая граждан, не участвующих в хозяйственной деятельности. Иными словами, несмотря на важную роль государств-членов в деле экономической интеграции, Договор о ЕАЭС содержит значимые положения, касающиеся статуса физических лиц¹. В частности, физические лица участвуют в таможенных правоотношениях, которые регулируются в основном нормами права ЕАЭС, в отношениях, связанных с трудовой миграцией, и, наконец, могут быть участниками правоотношений, возникающих в связи с защитой конкуренции на трансграничных рынках.

По этой причине ЕАЭС напрямую влияет на жизнь рядовых граждан государств-членов, которые выступают адресатами правовых норм, принимаемых на уровне Союза. Вместе с тем на сегодняшний момент с точки зрения права ЕАЭС физические лица пока не рассматриваются в качестве одного из основных субъектов правоотношений, регулируемых на уровне Союза. Это проявляется также в том, что для физических лиц, не обладающих статусом предпринимателя, не созданы необходимые гарантии, обеспечивающие защиту их прав и законных интересов. При этом такие лица наряду с хозяйствующими субъектами пользуются правами и несут обязанности, предусмотренные правом ЕАЭС.

Следует различать деятельность интеграционного объединения по защите нарушенных прав, вытекающих из правопорядка указанного интеграционного объединения, и деятельность интеграционного объединения по защите прав и основных сво-

¹ Энтин К., Пиркер Б. Свободное движение лиц в ЕАЭС: между *Civis Eurasiaticus* и *Homo Oeconomicus* // *Международное правосудие*. 2020. № 1. С. 83–84.

бод человека¹. К примеру, ЕС наделен компетенцией по защите прав и свобод человека, в рамках ЕС действует Хартия об основных правах, отнесенная к первичному праву Союза. Для ЕАЭС такие положения не характерны, права человека напрямую не причислены к компетенции ЕАЭС. Однако при применении права Союза национальные и союзные правоприменительные органы обязаны соблюдать права человека, гарантированные национальным и международным правом.

Трудовая миграция

Под трудовой миграцией в праве ЕАЭС понимается один из принципов внутреннего рынка Союза, согласно которому граждане государств-членов вправе осуществлять трудовую деятельность на территории любого государства Союза без получения разрешения на работу и на тех же условиях, что и граждане страны трудоустройства, а работодатели вправе привлекать к осуществлению трудовой деятельности граждан других стран ЕАЭС без учета ограничений по защите национального рынка труда (ст. 97 Договора о ЕАЭС).

Таким образом, согласно ст. 97 Договора о ЕАЭС предусмотрен национальный режим, который государства обеспечивают трудящимся иных членов Союза².

Как отметил Суд ЕАЭС в консультативном заключении от 7 декабря 2018 г., «тот факт, что формулировки пунктов 1 и 2 статьи 97 Договора наделяют работодателей, заказчиков работ (услуг) и трудящихся государств-членов правами, а также являются достаточно четкими и ясными, не требуют имплементации в национальное законодательство, позволяет констатировать наличие у них свойств прямого действия и непосредственного применения»³. Кроме того, Суд признал за нормами союзного права верховенство над национальным законодательством⁴.

В ст. 96 Договора о ЕАЭС введено понятие «трудящийся государства-члена», под которым понимается лицо, являющееся гражданином государства-члена, законно находящееся и на законном основании осуществляющее трудовую деятельность на территории государства трудоустройства, гражданином которого оно не является и в котором постоянно не проживает. При этом к трудовой относится как деятельность на основании трудового договора, так и деятельность, вытекающая из договора гражданско-правового характера.

Нормы права ЕАЭС, касающиеся трудовой миграции, порождают права и обязанности у трех групп субъектов.

Во-первых, указанные нормы адресованы самим государствам-членам. К примеру, в п. 2 ст. 97 Договора о ЕАЭС предусмотрена обязанность государств-членов не устанавливать и не применять ограничения, установленные их законодательством в целях защиты национального рынка труда.

Во-вторых, нормы Договора адресованы работодателям и заказчикам услуг, т. е. хозяйствующим субъектам. Так, в силу п. 1 ст. 97 Договора о ЕАЭС работодатели и (или) заказчики работ (услуг) вправе привлекать к осуществлению трудовой деятельности трудящихся государств-членов без учета ограничений по защите национального рынка труда.

В-третьих, нормы права ЕАЭС, касающиеся трудовой миграции, адресованы самим работникам и членам их семей, т. е. физическим лицам, которые не являются субъектами предпринимательской деятельности или даже выступают экономически неактивными мигрантами (в отношении членов семьи). В п. 1 ст. 97 Договора о ЕАЭС предусмотрено право трудящегося осуществлять трудовую деятельность в другом государстве ЕАЭС без получения разрешения на работу. А ст. 97 и 98 Договора о ЕАЭС наделяют определенными правами и обязанностями членов семьи трудящегося.

Таким образом, нормы права Союза, касающиеся трудовой миграции, регулируют отношения, участниками которых выступают физические лица, не являющиеся хозяйствующими субъектами, т. е. не имеющие статуса индивидуального предпринимателя.

¹ Михалева Т. Н. Доступ частных лиц к интеграционному правосудию // Право.by. 2024. № 5. С. 116.

² Захарова Л. Влияние Консультативного заключения Суда ЕАЭС от 7 декабря 2018 года на осуществление трудовой деятельности профессиональными спортсменами // Международное правосудие. 2020. № 1. С. 98–99.

³ Консультативное заключение Суда Евразийского экономического союза от 7 декабря 2018 г. № СЕ-2-2/5-18-БК.

⁴ Энтин К., Пиркер Б. Указ. соч. С. 83–84.

В силу прямого действия норм Договора о ЕАЭС в части трудовой миграции указанные положения не нуждаются в имплементации на национальном уровне.

Право Союза предоставляет трудящимся и членам их семей определенный набор социальных гарантий, в том числе право на социальное обеспечение, медицинское страхование, образование и т. д. Пенсионное обеспечение трудящихся и членов их семей регулируется отдельным международным договором между государствами-членами, а также национальным законодательством. В декабре 2019 г. в Санкт-Петербурге было заключено соглашение о пенсионном обеспечении трудящихся государств-членов ЕАЭС¹.

Одной из особенностей права ЕАЭС является то, что в силу п. 5 ст. 97 Договора о ЕАЭС срок временного пребывания (проживания) трудящегося и членов семьи на территории государства трудоустройства зависит от срока действия трудового или гражданско-правового договора. Иными словами, реализация права на труд в другом государстве-члене не влечет за собой право постоянного проживания в этом государстве. Это означает, что после окончания трудовой деятельности такой гражданин должен покинуть территорию государства трудоустройства либо получить иной статус в соответствии с национальным законодательством страны пребывания, т. е. все права трудящегося и членов его семьи, гарантированные правом Союза, прекращаются одновременно с завершением трудовой деятельности.

Права на свободное передвижение трудящихся обладают свойством юрисдикционной защищенности, т. е. трудящиеся, а также работодатели имеют возможность защищать свои права в судебном или административном порядке. Если права трудящихся на свободное передвижение внутри Союза нарушаются работодателем, такие права подлежат защите в национальных судах в соответствии с национальным законодательством государства трудоустройства. Однако возникают ситуации, когда право на свободное передвижение трудящихся нарушает государство-член либо органы Союза. В таком случае защита нарушенного права осуществляется согласно праву ЕАЭС. При этом сами трудящиеся лишены права на обращение в Суд ЕАЭС по вопросам защиты своих прав в области трудовой миграции. В указанной ситуации в распоряжении трудящихся остается косвенный порядок защиты своих прав путем обращения в национальные органы или ЕЭК, которые могут инициировать консультативную процедуру в Суде ЕАЭС² или использовать иные механизмы разрешения спорного вопроса. Однако инициирование консультативной процедуры целиком зависит от усмотрения соответствующего органа. Иными словами, если национальный орган или ЕЭК не найдут оснований для начала процедуры защиты прав трудящегося, последний остается без средств правовой защиты.

Таможенные правоотношения

В соответствии с Договором о ЕАЭС таможенный союз выступает одной из основ ЕАЭС. Согласно ст. 2 Договора о ЕАЭС таможенный союз представляет собой форму торгово-экономической интеграции государств-членов, предусматривающую единую таможенную территорию, в пределах которой во взаимной торговле не применяются таможенные пошлины (иные пошлины, налоги и сборы, имеющие эквивалентное действие), меры нетарифного регулирования, специальные защитные, антидемпинговые и компенсационные меры, действуют Единый таможенный тариф ЕАЭС и единые меры регулирования внешней торговли товарами с третьей стороной.

В таможенной сфере ЕАЭС реализует единую политику посредством унифицированного правового регулирования, при этом нормы права ЕАЭС заменяют соответствующее национальное таможенное законодательство.

Как правило, участниками таможенных отношений выступают субъекты внешне-экономической деятельности, т. е. предприниматели и юридические лица. Однако нередко нормы права ЕАЭС в таможенной сфере адресованы физическим лицам, не обладающим статусом предпринимателя. К примеру, положения гл. 37 Таможенного

¹ Соглашение о пенсионном обеспечении трудящихся государств-членов Евразийского экономического союза (заключено в г. Санкт-Петербурге 20 декабря 2019 г.).

² Князькин С. И. Право на судебную защиту в Евразийском экономическом союзе: процессуальный и материально-правовой аспекты // Актуальные проблемы российского права. 2025. Т. 20. № 2. С. 51. DOI: 10.17803/1994-1471.2025.171.2.044-057.

кодекса ЕАЭС, регулирующие порядок перемещения через таможенную границу Союза товаров для личного пользования, а также денежных средств, адресованы физическим лицам, не участвующим в экономической деятельности.

В таможенной сфере правоприменительными органами выступают национальные таможенные службы. В связи с этим таможенные споры разрешаются в соответствии с национальным законодательством в административных органах и судах государств-членов. Таким образом, процедура защиты прав участников таможенных правоотношений определяется национальным законодательством. К примеру, за нарушение правил ввоза товаров физическими лицами для личного пользования виновное лицо привлекается к административной ответственности по решению таможенного органа, а оспаривание таких решений осуществляется в вышестоящий административный орган или суд. При этом дело рассматривается в соответствии с национальным материальным и процессуальным правом. Таким образом, все три измерения деятельности по привлечению к административной ответственности (материальный, процессуальный и институциональный) подчинены национальному правопорядку.

Вместе с тем возникают ситуации, при которых для разрешения того или иного таможенного спора с участием физического лица необходимо участие Суда ЕАЭС. В частности, такая ситуация возникла при разрешении вопроса, связанного с ввозом в Республику Беларусь наличных денежных средств в размере 20 000 долл. США гражданином Казахстана, следующим воздушным транспортом из Казахстана в Беларусь транзитом через Украину.

Таможенные органы Республики Беларусь посчитали, что гражданин Казахстана нарушил правила ввоза наличных денежных средств, поскольку прибыл из третьей страны, в то же время гражданин Казахстана утверждал, что он не покидал территорию таможенного союза и находился лишь в транзитной зоне аэропорта третьей страны.

Для получения толкования от Суда ЕАЭС запрос был направлен Министерством национальной экономики Республики Казахстан. По результатам рассмотрения Суд ЕАЭС вынес консультативное заключение, согласно которому обязанность по декларированию наличных денежных средств распространяется на физических лиц, которые передвигаются между государствами-членами Союза через третьи государства, в том числе при следовании физических лиц транзитом через трансферные зоны международных аэропортов третьих государств¹.

При этом инициирование консультативной процедуры в Суде ЕАЭС по данному вопросу полностью зависело от усмотрения уполномоченного национального органа Республики Казахстан, поскольку само физическое лицо правом на обращение в Суд Союза не обладало.

Кроме того, физические лица лишены возможности оспаривать акты вторичного права ЕАЭС, принятые ЕЭК и непосредственно затрагивающие их права и обязанности. В частности, во исполнение Таможенного кодекса ЕАЭС принято решение Совета ЕЭК об отдельных вопросах, связанных с товарами для личного пользования², решение Коллегии ЕЭК о таможенном декларировании товаров для личного пользования и т. д.³ Законность таких решений не может быть предметом рассмотрения национальных судов⁴, а правом на обращение в Суд ЕАЭС физические лица не обладают. Здесь можно усмотреть снижение уровня гарантий, предоставляемых физическим лицам, по сравнению с национальным регулированием, существовавшим до созда-

¹ Консультативное заключение Суда Евразийского экономического союза от 15 октября 2018 г. № СЕ-2-1/3-18-БК.

² Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 20 декабря 2017 г. № 107 (ред. от 18 октября 2024 г.) «Об отдельных вопросах, связанных с товарами для личного пользования».

³ Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 23 июля 2019 г. № 124 (ред. от 14 февраля 2023 г.) «О таможенном декларировании товаров для личного пользования» (вместе с «Порядком заполнения пассажирской таможенной декларации и совершения таможенных операций, связанных с изменением (дополнением) сведений, заявленных в пассажирской таможенной декларации»).

⁴ Чайка К. Л. Усиление эффективности права Евразийского экономического союза через совершенствование правовых основ деятельности Суда Евразийского экономического союза и евразийской экономической комиссии // Международное правосудие и укрепление интеграционных процессов: междунар. конф. (18–19 окт. 2018 г., г. Минск): сб. материалов / отв. ред. А. С. Бугаева, К. В. Энтин. Минск: Четыре четверти, 2019. С. 132; Михалева Т. Н. Указ. соч. С. 116.

ния Союза и передачи отдельных полномочий на наднациональный уровень¹. К примеру, согласно ст. 96 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ» граждане вправе обращаться в Конституционный Суд РФ с жалобой на нарушение конституционных прав и свобод примененными в конкретном деле федеральным законом, нормативным актом органов государственной власти. Кроме того, согласно Кодексу административного судопроизводства РФ, а до 2015 г. в соответствии с Гражданским процессуальным кодексом РФ граждане вправе оспаривать нормативные акты, включая акты в области таможенных правоотношений.

Таким образом, в сфере таможенного регулирования права физических лиц, не обладающих статусом индивидуального предпринимателя, не в полной мере защищены правом Союза.

Защита конкуренции на трансграничных рынках

В соответствии с Договором о ЕАЭС Союз наделен полномочиями по установлению общих принципов и правил конкуренции на трансграничных рынках.

Согласно подп. 8 п. 2 Приложения № 19 к Договору о ЕАЭС конкуренция представляет собой состязательность хозяйствующих субъектов (субъектов рынка), при которой самостоятельными действиями каждого из них исключается или ограничивается возможность в одностороннем порядке воздействовать на общие условия обращения товаров на соответствующем товарном рынке.

Из этого определения следует, что правила конкуренции регулируют отношения, возникающие между субъектами предпринимательской деятельности, которые отнесены к категории хозяйствующего субъекта (субъекта рынка). Согласно Приложению № 19 к Договору о ЕАЭС таким субъектом признаются коммерческая организация, некоммерческая организация, осуществляющая деятельность, приносящую ей доход, индивидуальный предприниматель, а также физическое лицо, чья профессиональная деятельность, приносящая доход, в соответствии с законодательством государств-членов подлежит государственной регистрации и (или) лицензированию.

В отличие от таможенной сферы, в области защиты конкуренции Союз не только устанавливает правила поведения, но и в лице ЕЭК осуществляет функции правоприменителя. Согласно п. 7 ст. 76 Договора о ЕАЭС пресечение нарушений хозяйствующими субъектами (субъектами рынка) государств-членов, а также физическими лицами и некоммерческими организациями, не осуществляющими предпринимательскую деятельность, общих правил конкуренции на трансграничных рынках, осуществляется Комиссией в порядке, предусмотренном Приложением № 19 к Договору о ЕАЭС. Иными словами, Комиссия вправе привлекать лиц, нарушающих правила конкуренции, к ответственности. При этом порядок рассмотрения дел о нарушении правил конкуренции регулируется нормами права Союза. В соответствии с Протоколом № 19 Комиссия вправе привлекать к ответственности за нарушение общих правил конкуренции и накладывать штрафные санкции как на юридические лица и индивидуальных предпринимателей, так и на физических лиц.

Как отметил Суд ЕАЭС в консультативном заключении от 12 февраля 2025 г.², анализ Протокола № 19 и Методики расчета и порядка наложения штрафов за нарушение общих правил конкуренции позволяет выделить четыре категории физических лиц, которые могут быть привлечены к ответственности за нарушение общих правил конкуренции: 1) индивидуальные предприниматели; 2) физические лица, чья профессиональная деятельность, приносящая доход, в соответствии с законодательством государств-членов подлежит государственной регистрации и (или) лицензированию; 3) должностные лица хозяйствующих субъектов (субъектов рынка); 4) иные физические лица, которые могут быть привлечены к ответственности исключительно за координацию экономической деятельности, а также за непредставление либо несвоевременное представление в Комиссию по ее требованию сведений (информации), представление заведомо недостоверных сведений (информации) или за невыполнение решений Комиссии.

¹ Чайка К. Л. Защита прав частных лиц при применении норм права Евразийского экономического союза в сфере таможенных правоотношений // Вестник Российской таможенной академии. 2020. № 4. С. 29.

² Консультативное заключение Суда Евразийского экономического союза от 12 февраля 2025 г. № P-6/24 «О разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года».

Согласно Протоколу № 19 первые две категории физических лиц отнесены к хозяйствующим субъектам (субъектам рынка), однако согласно Статуту Суда ЕАЭС (п. 39) к хозяйствующим субъектам, имеющим право на обращение в Суд, может быть отнесена только первая категория физических лиц, а именно индивидуальные предприниматели.

В отношении трех других категорий физических лиц право Союза устанавливает определенные правила поведения, накладывает обязанности, предусматривает ответственность за нарушение общих правил конкуренции, однако не предоставляет никаких мер правовой защиты. При этом Суд ЕАЭС неоднократно в своих судебных актах отмечал, что право на судебную защиту выступает одним из основополагающих принципов международного права, содержится в конституциях всех государств-членов и гарантируется в качестве общего принципа права Союза¹.

Наиболее остро проблема отсутствия у физических лиц права на судебную защиту в сфере защиты конкуренции на трансграничных рынках проявилась в связи с привлечением ООО «ДИАМЕД-фарма» и его генерального директора Н. Н. Беленького-Гордонова к ответственности за непредставление информации, запрошенной ЕЭК в рамках антимонопольного расследования.

23 мая 2023 г. Коллегия ЕЭК вынесла решение № 67 о признании действий (бездействия) ООО «ДИАМЕД-фарма» и генерального директора Н. Н. Беленького-Гордонова нарушением положений Приложения № 19 к Договору о ЕАЭС, а также о наложении на юридическое лицо и должностное лицо штрафа.

Должностное лицо ООО «ДИАМЕД-фарма» Н. Н. Беленький-Гордонов не смог оспорить вынесенное в отношении него решение Коллегии ЕЭК ни в Суде ЕАЭС, ни в судах Российской Федерации. При этом Суд ЕАЭС письменно отказал в принятии заявления² в связи с отсутствием у него соответствующей компетенции. В рамках упомянутой выше консультативной процедуры по рассмотрению заявления ЕЭК (дело № Р-6/24) Суд Союза пришел к выводу, что он не наделен компетенцией по рассмотрению споров по заявлению физических лиц, не имеющих статуса предпринимателя, а изменение компетенции Суда возможно лишь путем внесения изменений в Статут³.

Верховный Суд РФ пришел к выводу, что рассмотрение требований о соответствии решений Комиссии о наложении штрафов в сфере конкуренции на трансграничных рынках Договору о ЕАЭС отнесено к исключительной компетенции Суда Союза. При этом, по мнению Верховного Суда РФ, решение Коллегии ЕЭК о назначении Н. Н. Беленькому-Гордонову штрафа подлежало оспариванию в Суде Союза⁴.

Таким образом, Верховный Суд РФ пришел к выводу о том, что оспаривание решений ЕЭК отнесено к исключительной компетенции Суда ЕАЭС, а Суд ЕАЭС посчитал, что у него отсутствует компетенция по рассмотрению подобных дел по заявлению физических лиц. Несмотря на внешнюю противоречивость позиций двух судов, и Суд ЕАЭС, и Верховный Суд РФ пришли к правильным выводам, что данный спор им не подсуден.

Ситуация, при которой Комиссия наделена компетенцией по привлечению физических лиц к ответственности, а физические лица лишены права на судебную защиту, представляет собой явный пробел в праве, который не может быть устранен Судом самостоятельно. Поэтому Суд ЕАЭС в деле № Р-6/24 констатировал наличие указанного пробела, а также указал на механизм его устранения путем внесения изменений в Договор.

Необходимо отметить, что подобная ситуация возникала и ранее, когда Комиссия привлекала к ответственности физических лиц, не имеющих статуса предпринимателя. К примеру, в рамках рассмотрения первого спора об оспаривании решения ЕЭК о нарушении общих правил конкуренции на трансграничных рынках (ЗАО «Дельрус» и ТОО «Дельрус РК»)⁵ заявителем выступили только юридические лица, хотя Комис-

¹ Энтин К. Консультативное заключение Суда ЕАЭС по делу № Р-6/24 о доступе физических лиц к правосудию: развернутый комментарий // Международное правосудие. 2025. Т. 15. № 2. С. 3–17.

² Там же.

³ Пункты 8.1 и 8.2 консультативного заключения Суда Евразийского экономического союза от 12 февраля 2025 г. № Р-6/24.

⁴ Кассационное определение Верховного Суда РФ от 21 февраля 2025 г. по делу № 5-КАД24-70-К2.

⁵ Решение Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 11 февраля 2020 г. (дело № СЕ-1-2/8-19-КС) и решение Суда Евразийского экономического союза от 6 ноября 2020 г. (дело № СЕ-1-2/4-20-АП).

сия вынесла оспариваемое решение в отношении как юридических, так и должностных лиц. Необходимо отметить, что тогда указанная ситуация не приобрела широкий резонанс, поскольку, очевидно, что должностные лица не имели правового интереса по оспариванию решения Коллегии ЕЭК.

Международная гражданская служба

Право Союза непосредственно затрагивает еще одну категорию физических лиц – международных гражданских служащих органов ЕАЭС. В настоящее время в рамках ЕАЭС созданы два постоянно действующих органа Союза: Суд ЕАЭС и ЕЭК, в которых трудятся чуть более 1100 сотрудников. Несмотря на то что указанная цифра кажется ничтожно малой по сравнению с общей численностью населения стран ЕАЭС, международные служащие составляют особую категорию граждан, требующих особого внимания и специального правового регулирования.

На данный момент трудовые отношения служащих Союза регулируются сложным комплексом правовых норм, включая нормы первичного и вторичного права Союза, а также нормы трудового законодательства государств пребывания соответствующих органов ЕАЭС. При этом право ЕАЭС лишь фрагментарно регулирует трудовые отношения международных служащих¹.

Такая ситуация порождает спорные ситуации в процессе правоприменения, которые во многом обусловлены отсутствием в рамках ЕАЭС единой системы правового регулирования статуса служащих органов Союза. Как неоднократно указывал Суд Союза, комплексным решением данной проблемы может стать разработка и принятие нормативного акта, более широко регламентирующего различные аспекты труда и социального обеспечения международных служащих в органах Союза с учетом необходимости обеспечения их независимости, а также надлежащей социальной и правовой защищенности². В консультативных заключениях от 3 июня 2016 г.³, 12 сентября 2017 г.⁴ и 11 декабря 2017 г.⁵ Большая коллегия Суда отметила целесообразность развития норм трудового права Союза, принятия внутренних положений (правил) о персонале в рамках Союза, последовательного ухода от регулирования внутренних вопросов организации национальным правом. Так, в консультативном заключении от 12 сентября 2017 г. Суд отметил, что «в случае, когда отсылка к национальному законодательству будет применима к нескольким государствам-членам Союза (например, государствам пребывания различных органов Союза), правовое регулирование трудовых отношений внутренним законодательством может привести к дифференциации и отличиям правового статуса лиц, занимающих равнозначные и аналогичные должности сотрудников, поскольку национальное трудовое законодательство не унифицировано. Это нарушит принцип равенства, единства правового регулирования, принцип эффективности функционирования международной организации».

Таким образом, разработка союзных правил регулирования труда служащих Союза позволила бы снять противоречия, возникающие из-за того, что трудовые отношения служащих Союза регламентированы разными нормами в зависимости от страны размещения. Международная служба в рамках Союза должна быть подчинена единым правилам, которые обеспечивали бы единый правовой статус и одинаковый уровень социальных гарантий. В перспективе аналогичный подход можно было бы распространить и на пенсионное обеспечение служащих органов Союза.

Регулирование трудовых отношений международных служащих нормами союзного и национального права порождает также проблему соотношения между указанными нормами применительно к конкретным ситуациям. По данному вопросу Суд ЕАЭС сформулировал правило, согласно которому нормы законодательства государ-

¹ Томашевский К. Л. Правовое регулирование увольнений международных служащих в ЕАЭС: коллизии, пробелы, предложения // Ежегодник трудового права. 2021. № 11. С. 261.

² Дьяченко Е. Б., Энтин К. В. Обзор практики Суда Евразийского экономического союза в 2017–2018 годах // Закон. 2019. № 3. С. 88–109.

³ Консультативное заключение Суда Евразийского экономического союза от 3 июня 2016 г. по делу № СЕ-2-3/1-16-БК.

⁴ Консультативное заключение Суда Евразийского экономического союза от 12 сентября 2017 г. по делу № СЕ-2-2/1-17-БК.

⁵ Консультативное заключение Суда Евразийского экономического союза от 11 декабря 2017 г. по делу № СЕ-2-3/1-17-БК.

ства пребывания применяются к тем элементам трудового статуса служащих Союза, которые не урегулированы правом Союза, при этом в случае конфликта норм национального и союзного права нормы права ЕАЭС имеют приоритет (п. 7 консультативного заключения от 12 сентября 2017 г. по делу № СЕ-2-2/1-17-БК). Сформулированная Судом ЕАЭС позиция по данному вопросу имеет большое значение для правоприменительной практики, однако не снимает всех потенциальных вопросов, которые могут возникнуть в рассматриваемой сфере.

Еще один пробел в регулировании трудовых отношений служащих Союза – это отсутствие определенности по вопросу защиты трудовых прав. На сегодняшний момент служащие органов Союза практически лишены возможности судебной защиты своих трудовых прав. В особом мнении судьи Т. Н. Нешатаевой по делу № СЕ-2-2/1-17-БК отмечается, что в силу действующих иммунитетов споры по делам международной службы Союза неподсудны национальным судебным органам государства пребывания. Хотя московские суды принимали к производству иски по трудовым спорам служащих ЕЭК (см. дело № 2-1231/20 / апелляция дело № 33-416671)¹.

Трудовые споры не могут быть разрешены и в Суде ЕАЭС, действующий Договор о ЕАЭС предусматривает лишь возможность обращения служащих Союза в Суд ЕАЭС с заявлением о разъяснении по вопросу трудовых правоотношений. Иными словами, трудовой спор может быть разрешен только путем вынесения Судом ЕАЭС консультативного заключения и разрешения возникшего конфликта на основе предписания Суда в органах Союза. Однако консультативная процедура не всегда позволяет эффективно обеспечить защиту трудовых прав, поскольку консультативное заключение не является юридически обязывающим. По этой причине необходим иной порядок разрешения трудовых споров, предусматривающий рассмотрение дела по существу в национальном суде или в Суде Союза. Это позволит усилить гарантии служащих Союза и повысить эффективность международной гражданской службы.

Наиболее правильным вариантом было бы наделение Суда ЕАЭС полномочиями по рассмотрению индивидуальных трудовых споров служащих Союза. Иными словами, служащим органов ЕАЭС необходимо предоставить право на обращение в Суд не только в рамках консультативной процедуры, но и в рамках исковой процедуры².

Создание специального трибунала³ представляется нецелесообразным ввиду потенциально небольшого количества таких споров и относительно малой численности самих международных служащих. Это позволило бы обеспечить единство правоприменительной практики в области трудовых и социальных отношений в сфере международной гражданской службы. Однако трудовые споры нет необходимости рассматривать в коллегиальном составе, такие дела могли бы рассматриваться единолично одним судьей, что, безусловно, снизило бы нагрузку на Суд.

Таким образом, существующая система правового регулирования ставит служащих органов Союза в уязвимое положение по сравнению с другими работниками публичной службы. Во-первых, отсутствует определенность относительно того, какая норма (национальная или союзная) применяется к той или иной ситуации. Во-вторых, в силу того, что органы Союза находятся в разных странах, отсылка к национальному законодательству приводит к дифференциации правового регулирования международных служащих, работающих в разных органах Союза (Суде и Комиссии). В-третьих, отсутствует эффективный механизм судебной защиты, поскольку любые решения и действия органов Союза, в том числе в трудовой сфере, неподсудны национальным судам, а Суд ЕАЭС не наделен компетенцией по разрешению трудовых споров.

Заключение

Несмотря на экономическую направленность, деятельность ЕАЭС затрагивает права физических лиц, включая тех, кто непосредственно не участвует в экономической деятельности. Можно сказать, что деятельность ЕАЭС затрагивает практически каждого,

¹ Информация по делу № 02-1231/2020 // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/hamovnicheskij/services/cases/civil/details/750365fc-ff5e-4109-9752-0231534f33b7> (дата обращения: 10.03.2026).

² Сейтимова В. Х. Международная гражданская служба: вопросы судебной юрисдикции и применения национального права // Журнал международного права и международных отношений. 2018. № 1-2. С. 24.

³ Томашевский К. Л. Указ. соч. С. 261–276.

кто проживает или ведет бизнес на его территории, поскольку нормы права Союза создают права и обязанности не только у государств и предпринимателей, но и у рядовых граждан.

При этом нередко нормы права ЕАЭС регулируют отношения, в которых непосредственно участвуют граждане, не занимающиеся предпринимательской деятельностью. Физические лица выступают участниками правоотношений в сфере трудовой миграции, защиты конкуренции, в таможенной сфере, в области международной гражданской службы, которые полностью или частично регулируются нормами права ЕАЭС. Данная ситуация существенно меняет представления о ЕАЭС. В связи с этим ЕАЭС воспринимается не просто как одно из межгосударственных объединений, а как организация, деятельность которой проникает во многие сферы общественной жизни и непосредственно порождая права и обязанности у рядовых граждан.

Вместе с тем на сегодняшний момент, создавая права и обязанности у физических лиц, ЕАЭС не гарантирует должный уровень юрисдикционной защищенности. Фактически физические лица не включены в существующие правовые процессы на уровне ЕАЭС. Наглядным примером является отсутствие у физических лиц права на обращение в Суд ЕАЭС.

Возникает необходимость прямого доступа физических лиц к интеграционному правосудию в рамках ЕАЭС. При этом граждане должны получить право на обращение в Суд ЕАЭС не по любым вопросам, а только в связи с нарушением прав, которые непосредственно предусмотрены и гарантированы правом Союза.

Несмотря на многочисленные призывы со стороны экспертного¹ и профессионального сообщества² о необходимости включения физических лиц в число заявителей по делам о разрешении споров, до настоящего времени указанный вопрос не решен.

Анализ права ЕАЭС и правоприменительной практики показывает, что физические лица достаточно активно вовлечены в правоотношения, регулируемые нормами права Союза. И по мере развития евразийской интеграции степень их участия будет только увеличиваться. По этой причине в рамках дальнейшего совершенствования правовой базы ЕАЭС необходимо укрепить правовой статус физических лиц, предоставив им возможность полноправного участия в общественных отношениях, регулируемых правом Союза.

Список литературы

Дьяченко Е. Б., Энтин К. В. Обзор практики Суда Евразийского экономического союза в 2017–2018 годах // Закон. 2019. № 3. С. 88–109.

Захарова Л. Влияние Консультативного заключения Суда ЕАЭС от 7 декабря 2018 года на осуществление трудовой деятельности профессиональными спортсменами // Международное правосудие. 2020. № 1. С. 97–106.

Князькин С. И. Право на судебную защиту в Евразийском экономическом союзе: процессуальный и материально-правовой аспекты // Актуальные проблемы российского права. 2025. Т. 20. № 2. С. 44–57. DOI: 10.17803/1994-1471.2025.171.2.044-057.

Михалева Т. Н. Доступ частных лиц к интеграционному правосудию // Право.by. 2024. № 5. С. 114–123.

Сейтимова В. Х. Международная гражданская служба: вопросы судебной юрисдикции и применения национального права // Журнал международного права и международных отношений. 2018. № 1-2. С. 18–25.

Томашевский К. Л. Правовое регулирование увольнений международных служащих в ЕАЭС: коллизии, пробелы, предложения // Ежегодник трудового права. 2021. № 11. С. 261–276.

Чайка К. Л. Усиление эффективности права Евразийского экономического союза через совершенствование правовых основ деятельности Суда Евразийского экономического союза и евразийской экономической комиссии // Международное правосудие и укрепление интеграционных процессов: междунар. конф. (18–19 окт. 2018 г., г. Минск): сб. материалов / отв. ред. А. С. Бугаева, К. В. Энтин. Минск: Четыре четверти, 2019. С. 128–138.

Чайка К. Л. Защита прав частных лиц при применении норм права Евразийского экономического союза в сфере таможенных правоотношений // Вестник Российской таможенной академии. 2020. № 4. С. 25–31.

¹ Михалева Т. Н. Указ. соч. С. 116.

² Физические лица должны получить право обращаться в Суд ЕАЭС – судья КС. URL: https://rapsinews.ru/judicial_news/20250519/310868799.html (дата обращения: 10.03.2026); Суд ЕАЭС может начать разрешать споры физлиц. URL: <https://pravo.ru/news/253458/> (дата обращения: 10.03.2026).

Энтин К. Консультативное заключение Суда ЕАЭС по делу № Р-6/24 о доступе физических лиц к правосудию: развернутый комментарий // *Международное правосудие*. 2025. Т. 15. № 2. С. 3–17.

Энтин К., Пиркер Б. Свободное движение лиц в ЕАЭС: между *Civis Eurasiaticus* и *Homo Oeconomicus* // *Международное правосудие*. 2020. № 1. С. 79–96.

References

Chaika K. L. (2019) Usilenie effektivnosti prava Evraziiskogo ekonomicheskogo soyuza cherez sovershenstvovanie pravovykh osnov deyatelnosti Suda Evraziiskogo ekonomicheskogo soyuza i evraziiskoi ekonomicheskoi komissii [Strengthening the effectiveness of the law of the Eurasian Economic Union by improving the legal framework for the activities of the Court of the Eurasian Economic Union and the Eurasian Economic Commission]. In Bugaeva A. S., Entin K. V. (Eds.) *Mezhdunarodnoe pravosudie i ukreplenie integratsionnykh protsessov: conference papers*. Minsk, Chetyre chetverti, pp. 128–138.

Chaika K. L. (2020) Zashchita prav chastnykh lits pri primenenii norm prava Evraziiskogo ekonomicheskogo soyuza v sfere tamozhennykh pravootnoshenii [Protecting the Rights of Individuals in the Application of Eurasian Economic Union Law in Customs Relations]. In *Vestnik Rossiiskoi tamozhennoi akademii*, no. 4, pp. 25–31.

D'yachenko E. B., Entin K. V. (2019) Obzor praktiki Suda Evraziiskogo ekonomicheskogo soyuza v 2017–2018 godakh [Review of the Court of the Eurasian Economic Union's Practice in 2017–2018]. In *Zakon*, no. 3, pp. 88–109.

Entin K. (2025) Konsul'tativnoe zaklyuchenie Suda EAES po delu № R-6/24 o dostupe fizicheskikh lits k pravosudiyu: razvernutyi kommentarii [Advisory Opinion of the EAEU Court in Case No. R-6/24 on Access to Justice for Individuals: An Extended Commentary]. In *Mezhdunarodnoe pravosudie*, vol. 15, no. 2, pp. 3–17.

Entin K., Pirker B. (2020) Svobodnoe dvizhenie lits v EAES: mezhdru *Civis Eurasiaticus* i *Homo Oeconomicus* [Free Movement of Persons in the EAEU: Between *Civis Eurasiaticus* and *Homo Oeconomicus*]. In *Mezhdunarodnoe pravosudie*, no. 1, pp. 79–96.

Knyaz'kin S. I. (2025) Pravo na sudebnuyu zashchitu v Evraziiskom ekonomicheskom soyuze: protsessual'nyi i material'no-pravovoi aspekty [The Right to Judicial Protection in the Eurasian Economic Union: Procedural and Substantive Law Aspects]. In *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava*, vol. 20, no. 2, pp. 44–57, DOI: 10.17803/1994-1471.2025.171.2.044-057.

Mikhaleva T. N. (2024) Dostup chastnykh lits k integratsionnomu pravosudiyu [Access of Individuals to Integration Justice]. In *Pravo.by*, no. 5, pp. 114–123.

Seitimova V. Kh. (2018) Mezhdunarodnaya grazhdanskaya sluzhba: voprosy sudebnoi yurisdiktsii i primeneniya national'nogo prava [International Civil Service: Issues of Judicial Jurisdiction and Application of National Laws]. In *Zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnykh otnoshenii*, no. 1-2, pp. 18–25.

Tomashevskii K. L. (2021). Pravovoe regulirovanie uvolnenii mezhdunarodnykh sluzhashchikh v EAES: kollizii, probely, predlozheniya [Legal Regulation of Dismissals of International Employees in the EAEU: Conflicts, Gaps, and Proposals]. In *Ezhagodnik trudovogo prava*, no. 11, pp. 261–276.

Zakharova L. (2020) Vliyanie Konsul'tativnogo zaklyucheniya Suda EAES ot 7 dekabrya 2018 goda na osushchestvlenie trudovoi deyatelnosti professional'nymi sportsmenami [The Impact of the EAEU Court's Advisory Opinion of December 7, 2018, on the Employment of Professional Athletes]. In *Mezhdunarodnoe pravosudie*, no. 1, pp. 97–106.

Дата поступления рукописи в редакцию: 28.01.2026

Дата принятия рукописи в печать: 23.03.2026

УДК / UDC 341

DOI: 10.34076/22196838_2026_2_17

КОЧЕВЫЕ НАРОДЫ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Толстых Владислав Леонидович

Доктор юридических наук, профессор Российско-китайского центра сравнительного правоведения Университета МГУ-ППИ в Шэньдзэне, ведущий научный сотрудник Института востоковедения Российской академии наук (Москва), ORCID: 0000-0001-5103-5324, e-mail: vlt73@mail.ru.

Эволюция международно-правового статуса кочевников и современные проблемы, с которыми они сталкиваются, иллюстрируют дискриминационный характер международного права. Эта черта международного права проявляется на двух уровнях: инструментальном (международное право использовалось и используется для порабощения незападных обществ) и структурном (категории международного права обобщают исторический опыт западной цивилизации и не учитывают политические феномены, присущие незападным обществам). Она не обязательно приводит к выводу о необходимости отказа от международного права; возможно, международное право, действительно, выполнило цивилизационную миссию; кроме того, возможно, существует потенциал для его совершенствования и адаптации к незападным обществам. Применительно к кочевым народам данная адаптация может осуществляться путем разработки гибких инструментов, обеспечивающих сохранение культурной идентичности кочевников, их политическую автономию, их право на трансграничное перемещение, их право на использование исконных земель (в том числе в форме узуфрукта) и т. д. Отдельные усилия в этом направлении уже принимаются – на универсальном, региональном и национальном уровнях. Эти усилия, однако, недостаточны – в том смысле, что они едва ли способны обратить вспять процессы седентаризации и маргинализации кочевников. В связи с этим главная проблема, с которой сталкивается кочевая культура – это не дискриминация со стороны международного права, а несовместимость этой культуры с индустриальной экономикой, принципом устойчивого развития и экологической повесткой.

Ключевые слова: международное право, кочевые сообщества, колонизация, дискриминация, государственность, права человека

Для цитирования: Толстых В. Л. Кочевые народы и международное право: к постановке проблемы // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2026. № 2. С. 17–33. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2026_2_17.

NOMADIC PEOPLES AND INTERNATIONAL LAW: FRAMING THE ISSUE

Tolstykh Vladislav

Doctor of legal sciences, professor, Sino-Russian Comparative Law Research Center at the Shenzhen MSU-BIT University, leading researcher, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow), ORCID: 0000-0001-5103-5324, e-mail: vlt73@mail.ru.

The evolution of the international legal status of nomads and the contemporary problems they face illustrate the discriminatory nature of international law. This feature of international law manifests itself on two levels: instrumental (international law has been and continues to be used to enslave non-Western societies) and structural (the categories of international law generalize the historical experience of Western civilization and do not take into account political phenomena inherent in non-Western societies). This does not necessarily lead to the conclusion that international law should be rejected; it is possible that international law has indeed fulfilled its civilizational mission; moreover, there may be a potential for its improvement and adaptation to non-

Western societies. With regard to nomadic peoples, this adaptation can be achieved by developing flexible instruments that ensure the preservation of the cultural identity of nomads, their political autonomy, their right to cross-border movement, their right to use their ancestral lands (including in the form of usufruct), etc. Some efforts in this direction are already being made at the universal, regional and national levels. These efforts, however, are insufficient in the sense that they are hardly capable of reversing the processes of sedentarization and marginalization of nomads. In this regard, the main problem facing nomadic culture is not discrimination under international law, but the incompatibility of this culture with the industrial economy, the principle of sustainable development and the environmental agenda.

Key words: international law, nomadic communities, colonization, discrimination, statehood, human rights

For citation: Tolstykh V. (2026) Nomadic peoples and international law: framing the issue. In Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu», no. 2, pp. 17–33, DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2026_2_17.

Введение

Отношение международного права к кочевникам – предмет немногочисленных и специальных исследований. Основная проблематика этих исследований – дискриминация политических сообществ кочевников в ходе западной колонизации и обеспечение прав кочевников как представителей коренного населения в настоящее время. Параллельно ставятся и освещаются важные вопросы, связанные с эволюцией доктрины международного права, ее ориентированностью на защиту интересов западных держав, развитием права прав человека и т. д. Наибольший интерес к этой теме проявляют французские авторы – М. Моретти, Ж. Жильбер, А. Буржо и др.; отдельные работы написаны представителями Германии, США и других стран. Среди работ, опубликованных на постсоветском пространстве, следует отметить монографию М. А. Сарсембаева «Казахское ханство как суверенное государство средневековой эпохи» (2015), где уделено много внимания международно-правовым аспектам. Отечественные авторы практически не занимаются данной темой, что отчасти компенсируется огромным вкладом российских историков в изучение кочевой культуры в целом. Настоящая статья призвана восполнить существующий пробел: автор рассматривает эволюцию международно-правового режима кочевых сообществ, ориентируясь на периодизацию, предложенную М. Моретти.

1. Кочевники и государство

Политическая организация кочевников довольно хорошо исследована как западными, так и отечественными историками. Несмотря на расхождения в отдельных деталях, большинство ученых считает, что в силу особенностей подвижного скотоводства кочевники не способны создать сложное и устойчивое государство. Главным импульсом для строительства кочевых империй является внешняя экспансия; элиты этих империй образуются из числа завоевателей, а форма заимствуется у завоеванных обществ¹.

Так, А. М. Хазанов исходит из того, что экономическая специализация кочевников опосредует их образ жизни и политическую систему; она же предопределяет неизбежный упадок кочевой культуры, не способной конкурировать с культурой оседлых обществ. Упадок кочевых обществ начался в Новом времени, когда оседлые жители усовершенствовали военное дело и начали подчинять, ассимилировать и уничтожать кочевников. Основная форма экспансии – вторжение земледельцев (Центральная Азия, север Китая, Южная Африка, Ближний Восток); иногда ареал кочевников сокращался внутри их родных обществ (Иран, Сирия). Рентабельное подвижное скотоводство в рамках индустриальной экономики невозможно; его сохранение ведет к маргинализации и инкапсуляции кочевников. Высшие звенья социополитической

¹ Обзор точек зрения см.: Крадин Н. Н. Кочевники в мировом историческом процессе // Философия и общество. 2001. № 2. С. 108–138.

организации кочевников непостоянны, так как производственный цикл обеспечивается на низших уровнях. Они возникают по мере необходимости и исчезают, когда она отпадает. Такая необходимость обуславливается потребностями распределения ресурсов, регуляции маршрутов, установления порядка, миграции и войны, взаимодействия с внешним миром и т. д. Кочевое племя не походит на административно-территориальную единицу: во-первых, территориальные связи у кочевников в чистом виде не проявляются, а опосредуются происхождением; во-вторых, племя также выступает социальной и политической единицей; в-третьих, племя нельзя отделить от отношений собственности на ресурсы. Особенность кочевых объединений – диффузный характер власти; лишь при определенных условиях она приобретает централизованные формы, при этом небольшое число решений принимается на высшем уровне (ситуационная централизация). Будучи неавтаркичным, кочевничество не может функционировать в изоляции; кочевники всегда заинтересованы в торговле и войне. Внешний мир по отношению к ним выступает не пассивным фоном, а активной силой. Существуют два вида адаптации кочевников к внешнему миру: экономическая (седентаризация и др.) и социально-политическая (набеги и др.); наиболее выгодна вторая. Ряд обстоятельств ограничивали социальную дифференциацию кочевников и возникновение у них государства; чаще всего появление государства связано с завоеваниями оседлых стран; при этом кочевники использовали существующие политические и социальные структуры и утрачивали черты, сделавшие возможной успешную экспансию. Симбиотические государства кочевников характеризуются разной степенью интеграции кочевников с оседлым населением¹.

Похожую позицию отстаивает Н. Н. Крадин. По его мнению, государственность не была для кочевников внутренне необходимой, так как экономические процессы в их обществе осуществлялись в рамках отдельных хозяйств, нужды в «бюрократическом» аппарате, занимающемся управленческо-редистрибутивной деятельностью, не было, а все противоречия решались в рамках традиционных институтов. Сильное давление на кочевников могло привести к откочевке или к ответному насилию, поскольку каждый кочевник был одновременно и воином. Нужда в объединении кочевников возникает только в случае войн за ресурсы, организации грабежей земледельцев или экспансии на их территорию. Образование кочевых империй есть одновременно и продукт интеграции, и следствие конфликта кочевников и земледельцев².

Западные авторы в основном разделяют эту точку зрения.

А. Дж. Тойнби весьма пренебрежительно отзывается об исторической роли кочевников: «*Tour de force* кочевого образа жизни требует весьма высокого уровня характера и поведения, и наказание, которому подвергся кочевник, по сути, то же, что и наказание эскимоса. Грозное окружение, которое ему удалось завоевать, коварно поработило его. Кочевники, так же как и эскимосы, стали пленниками климатического и вегетационного годового цикла. Перехватив инициативу в степи, они утратили ее в других частях света... Время от времени они покидали свои владения, врываясь во владения соседних оседлых цивилизаций и в некоторых случаях мгновенно сметали перед собой все... Когда кочевник выходил из степи и посягал на сады земледельца, им двигало не намеренное стремление выйти из своего обычного цикла. Он лишь механически отвечал на вызов тех сил, которые самому ему были неподконтрольны»³.

Т. Барфилд заканчивает свою книгу следующими словами: «Создание железных дорог изменило характер связей между внешними и внутренними землями Китая. Отныне товары с окраин можно было дешево доставлять по железной дороге в городские центры, а китайские колонисты, следуя за железнодорожными путями, заселяли все большие и большие пространства монгольской территории. Поскольку с запада в степь проникали русские, разгромившие на своем пути казахов и киргизов, свободной территории, на которой могли бы укрыться кочевники, не оставалось. Па-

¹ Хазанов А. М. Кочевники и внешний мир. 3-е изд., доп. Алматы: Дайк-Пресс, 2002. 604 с.

² Крадин Н. Н. Кочевые общества (проблемы формационной характеристики). Владивосток: Дальнаука, 1992. 240 с.

³ Тойнби А. Дж. Исследование истории: Возникновение, рост и распад цивилизаций. М.: АСТ, 2009. С. 333.

дение династии Цин в Китае, а затем царского режима в России положило конец существованию старой системы, но не привело к возрождению власти кочевников в степи. Один из самых старых циклов в международных отношениях, долгое время находившийся в состоянии угасания, закончился. Традиционного кочевого мира торговли, политики, внешних контактов, войн и подвигов более не существовало»¹.

Эта точка зрения рассматривается некоторыми авторами как несправедливо приносящая кочевников. По мнению М. А. Сарсембаева, кочевники внесли важный вклад в мировую цивилизацию: проложили Великий шелковый путь, создали систему управления на огромной территории, внедрили выборную демократию и сформировали четкую правовую систему. А. М. Хазанов и др. игнорировали то, что «кочевое» общество представляло собой совокупность тесно связанных кочевых, полукочевых и оседлых элементов. Отсутствие классового деления в обществе не исключает государственности. Государство возникает не только вследствие классовой борьбы, но и для организации экономики, духовной жизни и обороны; к тому же казахское общество было дифференцировано. Существуют три основные модели кочевых империй: типичная (кочевники и земледельцы живут на расстоянии; номады осуществляют набеги), данническая и завоевательная. Казахское ханство относится к четвертой модели, предполагающей мирное сосуществование в рамках своего рода конфедерации. Основной формой связи была не война, а обмен дарами, торговля, земледелие части населения. В целом Казахское ханство было средневековой монархией с особенностями, адаптированными под оптимальное ведение кочевого хозяйства. Его родовая организация не исключала территориальное управление (хан проводил советы биев и собирал ополчения). В XVIII–XIX вв. Россия осуществила колониальный захват казахских земель и ликвидировала казахскую государственность, хотя изначально имели место отношения протектората².

2. Дополнительные комментарии

Первая точка зрения представляется более обоснованной, в том числе в силу ее поддержки подавляющим большинством историков. К ней, однако, следует сделать несколько комментариев.

Во-первых, государственное развитие у кочевников в Азии тормозилось не одним, а несколькими факторами. Помимо способа хозяйствования к ним относится *религия*³. В отличие от христианства, ислам не прошел через процесс секуляризации; поэтому он является не только религией, но еще и политической программой, отдельные положения которой препятствуют развитию государства. Речь идет о концепции единой уммы (несовместимой с множеством государств); разделении мира на области мира (*dār al-Islām*) и войны (*dār al-ḥarb*); божественной легитимации власти; а также методологии принятия решений (использовании прецедента и аналогий). Результатом является отторжение западной модели, основанной на подавлении религиозного начала и самодостаточности суверена; восприятие международных отношений как отношений уммы с внешним миром и отношений внутри уммы по поводу лидерства; неразвитость формальных институтов; акцент на переговорной дипломатии и общий дефицит рационализма⁴.

Другой важный фактор – *транзитное положение*: через Ближний Восток и Центральную Азию проходит Великий шелковый путь, столетиями образующий главное направление мировой торговли. Торговые цивилизации редко создают устойчивые политические структуры: их элиты не заинтересованы в территориальном контроле и эксплуатации больших масс населения. Их главный ресурс – торговый путь, эксплуатация которого предполагает осуществление перевозок, взимание пошлин, организацию рынков и производство редких товаров, а иногда пиратство, работоторговлю

¹ Барфилд Т. Опасная граница: кочевые империи и Китай (221 г. до н. э. – 1757 г. н. э.). СПб.: Нестор-История, 2009. С. 238.

² Сарсембаев М. А. Казахское ханство как суверенное государство средневековой эпохи. Астана: Ин-т законодательства РК, 2015. 342 с.

³ Подробнее см.: Толстых В. Л. Азия и международное право: между адаптацией и игнорированием (Часть 1) // ВОСТОК. Афро-азиатские общества: история и современность. 2025. № 2. С. 198–210.

⁴ Westbrook D. A. Islamic International Law and Public International Law: Separate Expressions of World Order // Virginia Journal of International Law. 1993. Vol. 33. P. 819–897.

и контрабанду. Неизбежным следствием транзитности является отсутствие (дефицит) общественного договора, т. е. устойчивых связей между элитами и населением и, как результат, слабость государственных институтов.

Во-вторых, неразвитость государственных институтов не предполагает социальной ущербности кочевников – так же, как узкая специализация не означает узости их мышления. М. Моретти пишет: «Централизованные и бюрократические государства западного образца необязательно лучше организованы и эффективны, чем гибкая система организации кочевых обществ... Кочевые народы обладают сильным чувством идентичности, которое сочетается с развитым представлением о праве владения и использования их территории... Кочевые народы также имеют надлежащие институты и законы, которые, хотя и отличаются друг от друга, характеризуются общей чертой: эффективностью. В ряде случаев они смогли создать сложные институты... В целом, кочевые общества заслуживают того же уважения и внимания, что и другие организованные человеческие группы»¹. Ж. Делез и Ф. Гваттари пишут: «Историки – буржуазные или советские – рассматривают кочевников как убогих людей, которые ничего не понимают... Между тем трудно понять, как кочевники могли бы пытаться разрушать города и Государства, если не от имени номадической организации и машины войны, которые определяются не невежеством, а своими позитивными характеристиками, своим специфическим пространством, своей собственной композицией, порывающей с родством и предотвращающей форму-Государство»².

Более того, государственность все чаще подвергается критике как институт, который не только масштабирует и делает регулярным насилие, но и в пределе разрушает саму человеческую природу. По мнению Р. Брукс, европейское государство является преходящей и условной формой, его история коротка и отмечена постоянным насилием. В Азии же государство представляло собой фиктивную смесь институтов, маскирующих предшествующие формы, дополненную функцией насилия, которая была заимствована у европейцев: «Задача состоит в том, чтобы разработать альтернативы государству, которые бы уважали права человека и демократические императивы, но не были бы парализованы необходимостью подражать государственным структурам, которые практически не имеют самостоятельной ценности»³. В связи с этим кочевничество представляет собой ценностную альтернативу – как государству, так и неразрывно связанному с ним капитализму. Е. И. Дэс отмечает: «Во многих отношениях коренные народы бросают вызов фундаментальным установкам глобализации. Они не принимают установку на то, что человечество выиграет от построения мировой культуры потребления»⁴.

В-третьих, государственность – это не единственный критерий ценности культуры того или иного общества; помимо политического существуют экономический, экологический и духовный критерии. М. Кернан определяет знание коренных народов как глобальное благо; оно целостно, динамично и адаптивно; вместо того чтобы обеспечивать интересы транснациональных компаний, международное право должно защищать древние знания и системы, которые их питают⁵. Отдельные авторы считают подвижное скотоводство оптимальным способом поддержания баланса между природой и человеком, противоречащим, однако, капиталистическим концепциям частной собственности и экономического развития⁶.

3. Период признания субъектности кочевых сообществ

М. Моретти выделяет три периода эволюции международно-правового статуса кочевников: период признания субъектности кочевых сообществ (с XVI в. до середины

¹ *Moretti M.* International Law and Nomadic People. Institut européen. AutorHouse, 2012.

² *Делез Ж., Гваттари Ф.* Тысяча плато: капитализм и шизофрения. М.: Астрель, 2010. С. 664–665.

³ *Brooks R. E.* Failed States, or the State as Failure? // *The University of Chicago Law Review.* 2005. Vol. 72. № 4. P. 1159–1196.

⁴ *Daes E.-I.* The impact of globalization on Indigenous Intellectual Property and Cultures. Lecture, 25 May 2004, Museum of Sydney. Цит. по: *Kernan M.* The Displacement of Tibetan Nomads, *International Law and the Loss of Global Indigenous Culture* // *Global Policy Essay.* 2013. March. P. 5.

⁵ *Kernan M.* Op. cit.

⁶ *Bourgeot A.* Nomads and the modern state. An Unsettled Freedom // *UNESCO Courier.* 1994. November. P. 8–11.

XIX в.), период отрицания их субъектности (с середины XIX в. до середины XX в.), период защиты прав кочевников (современность).

В первый период государственность не рассматривалась как условие международной правосубъектности; такие образования, как церковь, города, корпорации и пр., являлись субъектами международного права, не будучи государствами. Данный подход позволил европейским авторам определить кочевые сообщества как образования, подчиненные законам естественного права и способные вступать в договоры. Наиболее известный сторонник этой точки зрения – Ф. де Витория (1480–1546), автор трактата «Relectiones de Indis et de jure belli» (1532). По его мнению, существование отдельных наций не отменяет естественную торговлю, которая предполагает обмен товарами и идеями (в частности, право проповедовать Евангелие). Закрытие нацией своих границ нарушает естественное право и создает законный повод для войны. Испанское господство не может основываться на тезисе о господстве папы и императора (так как Америка им не принадлежит), тезисе об оккупации (поскольку у Америки уже есть хозяин – индейцы), тезисе о том, что индейцы – животные (потому что у них есть социальное устройство). Оно, однако, может базироваться на завоевании. Война, которую вели испанцы, была справедливой: ведь индейцы пытались изгнать их купцов и испанский король должен защищать индейцев, ставших христианами¹. Отношение Ф. Витории разделял Ф. Суарес: «Не существует народа варварского настолько, что он не смог бы сформировать политическое сообщество, управляемое собственными законами и институтами»; война против индейцев, однако, может быть оправдана необходимостью организации их должного управления.

В работе «De Mare Liberum» Г. Гроций повторил многие доводы Витории, но оспорил тезис о справедливой войне; по его мнению, испанцы использовали его просто как предлог. Еще более критичен по отношению к Витории С. фон Пуфендорф (1632–1694): «Не следует предоставлять другим людям столь неопределенное право путешествовать и жить среди нас, не задумываясь о том, в каком количестве они приезжают, с какой целью, а также о том, собираются ли они... остаться на короткое время или поселиться среди нас навсегда». Гроций и Пуфендорф также оспорили аргумент, согласно которому туземцы, не установившие частную собственность, не могут закрепить право владения землей; по их словам, коллективная собственность на землю также соответствует естественному праву².

Отдельно следует упомянуть позицию Э. де Ваттеля, являющуюся исключением: «Спрашивают, может ли нация законно занять часть обширной страны, в которой находятся лишь кочевые народы, не могущие из-за своей малочисленности жить по всей этой стране... Эти народы не могут присваивать себе больше земли, чем им действительно нужно и чем они в состоянии населить и обработать. Их неустойчивое проживание в этих обширных областях не может считаться подлинным и законным обладанием, и европейские народы, слишком стесненные у себя дома, находя землю, в которой дикари не имели никакой специальной нужды и которой они не пользовались действительно и непрерывно, могли законно овладеть такой землей и установить в ней колонии... Земля принадлежит роду человеческому для его существования. Если каждая нация захотела бы с самого начала присвоить себе обширную страну, чтобы жить только охотой, рыболовством и дикими кореньями, то наша планета не удовлетворяла бы потребностей десятой части людей, которые живут на ней в настоящее время. Поэтому не нарушают целей природы те, кто оттесняет дикарей в более узкие пределы»³.

Признание правосубъектности коренных народов означало, что их территории могли быть приобретены только двумя способами: в результате справедливой войны и на основе договора. Ссылка на естественное право торговли использовалась как предлог для вмешательства вплоть до XIX в., например во время Опиумных войн. Что

¹ Толстых В. Л. Курс международного права. М.: Междунар. отношения, 2022. С. 135–136.

² Обзор этих авторов см.: Империя, колония, геноцид. Завоевания, оккупация и сопротивление покоренных в мировой истории / под ред. Д. Мозеса. М.: Прогресскнига, 2025; Moretti M. Op. cit.; Chetail V. Sovereignty and Migration in the Doctrine of the Law of Nations: An Intellectual History of Hospitality from Vitoria to Vattel // European Journal of International Law. 2016. Vol. 27. № 4. P. 901–922.

³ Ваттель Э. де. Право народов. М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1960. С. 170.

касается соглашений о передаче территорий, то они были широко распространены в Северной Америке. Такие соглашения оформляли не только передачу территорий, но и союзы, протектораты, торговлю и т. д. и, как результат, служили не только интересам колонизаторов, но и интересам индейцев (так, благодаря союзу с Францией алгонкины и гуроны одержали верх над ирокезами). Они принимались на торжественных собраниях, часто имели устную форму и сопровождалась преподнесением подарков. Такие соглашения заключались и в других частях света: Франция в 1687 г. заключила договор об уступке части гвинейского берега с королем Комендо; Великобритания в 1826 г. подписала договор об уступке земель с королем Барры (Гамбия), в 1843 г. – договор о мире с королем зулусов Пандой (уступка участка побережья), в 1836 и 1888 гг. – договоры о союзе с вождями машона и матабеле (Зимбабве). Колонизаторы, однако, игнорировали местное население, если оно было малочисленным или находилось на низком уровне развития (оккупация Австралии).

Территориальные права и самоуправление индейцев сохранялись после перехода их под покровительство западных держав. Указ Людовика XIV 1665 г. требовал, чтобы «люди не посягали на земли, которые они [индейцы] обычно занимают под тем предлогом, что они более удобны или полезны для французов». Декларация 1763 г., изданная Георгом III после приобретения Великобританией французских территорий и окончания Семилетней войны, запрещала жителям колоний селиться и покупать земли на индейских территориях к западу от Аппалачей.

Статус индейских племен был концептуализирован в ряде решений председателя Верховного суда США Д. Маршалла, вынесенных в 1823–1832 гг. По его мнению, индейские племена являлись полусуверенными образованиями, обладающими международной субъектностью; их права, однако, были ограничены в результате европейской колонизации (в этом смысле подход Маршалла походит на подход Ваттеля). В решении по делу *«Johnson and Graham's Lessee v. William McIntosh»*¹ Маршалл рассмотрел договор о покупке земли, заключенный частным лицом с индейцами. Он счел, что право индейцев свободно распоряжаться своей землей было ограничено в результате открытия соответствующей территории англичанами. Титул, основанный на открытии, дает государству исключительное право поддерживать отношения с коренным населением, приобретать их земли или завоевывать их. Индейцы сохранили право владения своими землями, но их независимость была ограничена принципом открытия: следовательно, они имеют право вступать в отношения только с нацией в целом (а не с ее отдельными членами)².

Ситуация в Азии имела некоторые особенности. Во-первых, евразийские империи и западные державы часто обосновывали расширение своих владений не тезисом о свободной торговле (в которой просто не было нужды), а необходимостью защиты от пиратов, разбойников и т. д. Так, китайская историография определяет многие войны Китая как рейды против пиратов и мятежников, камуфлируя таким образом насильственный характер экспансии³. Российские власти руководствовались похожими соображениями в Центральной Азии: в Циркулярной депеше от 21 ноября 1864 г. министр иностранных дел Горчаков указывал: «Россия занимает в Центральной Азии такую же позицию, как и все цивилизованные государства, которые сталкиваются с полудиким, кочевым населением, не имеющим никакой определенной социальной организации. В подобных случаях, как правило, более цивилизованное государство вынуждено, во имя безопасности собственной границы и своих коммерческих намерений, осуществлять некоторое господство над теми, чей бурный и неукротимый нрав превращает их в нежелательных соседей. В первую очередь необходимо прекратить набеги и грабежи. Для того чтобы положить этому конец, приграничные племена должны быть более или менее подчинены»⁴. Такую же стратегию использовала Великобритания: в начале XIX в. она обвинила шейхов Аль-Касими, контролировав-

¹ 21 U.S. 543. 8 Wheat. 543; 5 L. Ed. 681; 1823 U.S. LEXIS 293.

² Обзор решений судьи Маршалла см.: *Moretti M.* Op. cit. См. также: *Королев С. В., Лялина И. С., Сангаджиева К. В.* «Индийский вопрос» США в фокусе теории международного права и английского земельного права // *Образование и право.* 2020. № 7. С. 301–307.

³ *Perdue P. C.* The Tenacious Tributary System // *Journal of Contemporary China.* 2015. Vol. 24. № 96. P. 1008.

⁴ Цит. по: *Казем-Заде Ф.* Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М.: Центрполиграф, 2011. С. 14–15.

ших Персидский залив, в пиратстве и в 1819 г. захватила их оплот Рас-эль-Хайму. Во вторых, присоединение земель кочевых народов иногда оформлялось путем принятия в подданство: принятие хана Абулхайра и его сторонников (Младший жуз) в российское подданство было оформлено грамотой императрицы Анны Иоанновны и присягой самого хана (1731)¹.

Правовые доктрины и инструменты, использовавшиеся для присоединения территорий кочевых народов в этот период, не должны переоцениваться: часто речь шла просто об удобном, рациональном и соответствующем европейской традиции обосновании *завоевания*. Соглашения с местными жителями не являлись обязательным условием перехода территориальных прав; они, однако, выступали важной гарантией порядка, исключали претензии других колониальных держав, создавали условия для деятельности миссионеров и т. д.

4. Период отрицания международной субъектности кочевых сообществ

Во второй период коренные народы утратили статус субъектов международного права. Предпосылкой для этого стало распространение позитивистских теорий, предоставлявших данный статус исключительно государствам. Американский юрист Г. Уитон писал: «Государство также отличается от кочевой орды или блуждающих дикарей, не сформированных в гражданское общество. Правовая идея государства с необходимостью предполагает идею постоянного повиновения его членов лицам, наделенным суверенитетом, а также идею фиксированного пребывания и определенной территории, принадлежащей народу, который ее занимает»². Ф. Ф. Мартенс отмечал: «Для участия в международном общении безусловно необходимо, чтобы данный народ находился на определенной территории и подчинялся организованной политической власти. Поэтому не могут считаться субъектами международного права кочующие племена или различного рода общественные группы, как бы ни были они влиятельны в международном отношении»³. Британский юрист В. Э. Холл делает очень пронизательное замечание: «В отрыве от контекста нет причин, по которым даже кочевое племя или общество не должны чувствовать себя связанными столь же строго, как и оседлое сообщество, определенными правилами поведения по отношению к другим сообществам... Степень, в которой доктрины международного права основаны на владении землей, в основном следует объяснять связью между правами суверенитета или верховного контроля над людьми с правами территориальной собственности в сознании юристов в период закладывания основ международного права. Понятие племенного или национального суверенитета, распространившееся после падения Римской империи, исчезло в Средние века, после чего возникла феодальная идея, объединившая право контроля с владением участками земли. Замена концепций феодализма концепциями римского права способствовала укреплению этой связи. В результате этой замены земля, находящаяся в управлении конкретного лица, освободилась от верховного права или власти других; было введено понятие *dominium*; к XVI в. лица, обладающие суверенитетом на определенной территории, считались ее абсолютными владельцами. Переход от исключительной связи земли с суверенитетом (с исключительным контролем над членами определенного общества) к необходимой связи такого контроля с владением землей – шаг, который было легко сделать и который стал неизбежным в отсутствие примеров цивилизованных обществ без постоянных мест пребывания»⁴.

Другим фактором стало интенсивное развитие капитализма и обострение империалистической борьбы (прежде всего в Африке): прямое насилие стало более эффективным и простым способом завладения территорией по сравнению с заключением соглашений. Колониальная экспансия обосновывалась двумя новыми аргумен-

¹ Р. Ю. Почекаев отмечает: «Перечисление в грамоте не только обязанностей, но и прав новых подданных дает основание считать, что, несмотря на формальный характер пожалования со стороны императрицы... фактически это был договор между Российской империей и ее новыми подданными» (Памятники российского права: в 35 т. Т. 5: Памятники права 1725–1762 гг. / под ред. Р. Л. Хачатурова. М.: Юрлитинформ, 2014).

² *Wheaton H. Elements of International Law. Washington: John Byrne and Co., 1866. P. 26.*

³ *Мартенс Ф. Ф. Современное международное право цивилизованных народов: в 2 т. М.: Зерцало, 2008. С. 126.*

⁴ *Hall W. E. Treatise on International Law. Oxford: Clarendon Press, 1895. P. 20–21.*

тами: согласно первому кочевые народы не способны осуществлять эффективную юрисдикцию и, в частности, защищать иностранцев; в связи с этим они не обладают суверенитетом над занимаемыми землями, которые могут рассматриваться как *terra nullius*; согласно второму западные державы должны выполнить цивилизационную миссию, т. е. окультурить незападные сообщества и организовать их в государства. Концепция «священной миссии цивилизации» возникла на основе христианского прозелитизма, широко распространилась в либеральной среде в середине XIX в. (Дж. Ст. Милль, А. де Токвиль) и была поддержана многими юристами, в том числе А. Ривье, Д. Лоримером и Ф. Ф. Мартенсом. В результате распространения нового подхода основным инструментом регулирования положения коренных народов стали односторонние акты, а заключенные с этими народами договоры стали рассматриваться как контракты с частными лицами, форма организации местной власти либо соглашения о намерениях.

Политика США по отношению к индейцам изменилась в 1830-х гг. Закон о переселении индейцев 1830 г. (*Indian Removal Act*) уполномочил президента США заключать договоры и применять силу для переселения индейцев на запад от реки Миссисипи. Закон об ассигнованиях 1851 г. (*Indian Appropriations Act*) предусмотрел выделение средств на переселение западных индейцев в резервации, где они должны были находиться под защитой США. Закон об ассигнованиях 1871 г. отменил международную правосубъектность племен: «Ни одна индейская нация или племя на территории США не должны признаваться независимой нацией, племенем или державой, с которыми США могут заключать договор» (одновременно Закон оставил в силе обязательства по договорам, заключенным до 1871 г.).

В Канаде ситуация развивалась похожим образом. В Нижней Канаде Акт 1850 г. создал должность комиссара, ответственного за управление индейскими землями. В 1867 г. канадские провинции были объединены в федерацию; Конституционный акт 1867 г. возложил обязанность принимать законы в отношении индейцев и их земель на парламент. Закон об индейцах 1876 г. (*Indian Act*) урегулировал различные вопросы управления, землепользования, образования, определил порядок создания племен и условия принадлежности к ним и т. п. Начиная с Закона 1857 г., предоставившего образованным индейцам избирательное право, власти Канады стремились цивилизовать индейцев, что на практике приводило к действиям, близким к геноциду (деятельность школ-интернатов, стерилизация женщин и др.)¹.

Позиция, согласно которой коренные племена не являются субъектами международного права, была поддержана международными судами. В решении по делу об индейцах каюга (Великобритания против США) от 22 января 1926 г. арбитражный суд указал: «Племя не является субъектом международного права. Американские индейцы никогда не рассматривались как таковые. Со времени открытия Америки индейские племена находились под исключительной защитой державы, которая посредством открытия, завоевания или уступки завладела землями, которые они занимали... Держава, обладающая суверенитетом над соответствующей территорией, всегда считалась единственным судьей в своих отношениях с племенами, проживающими в ее владениях»². В решении по делу Пальмас от 4 апреля 1928 г. арбитражный суд указал, что договоры между государством или компанией и вождями народов, не признанных членами сообщества наций, не создают международные права и обязанности: «По сути это не соглашение между равными, а скорее форма внутренней организации колониальной территории на основе автономии для местного населения»³.

В Африке, Азии и на Ближнем Востоке процесс присвоения территорий имел свои особенности: с одной стороны, он предполагал отрицание международной субъектности туземных общин и отношение к ним с позиций политического и культурного

¹ Canada's Colonial Genocide of Indigenous Peoples: A Review of the Psychosocial and Neurobiological Processes Linking Trauma and Intergenerational Outcomes / K. Matheson [et al.] // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2022. Vol. 19. URL: <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC9179992> (дата обращения: 01.03.2026).

² *Cayuga Indians (Great Britain) v. United States*, 22 January 1926 // *Reports of International Arbitral Awards*. 2006. Vol. VI. P. 176.

³ *Island of Palmas case (Netherlands, USA)*, 4 April 1928 // *Ibid.* Vol. II. P. 858.

превосходства; с другой – он часто сопровождался соглашениями, оформлявшими политическую зависимость. К числу последних относятся соглашения о протекторате и капитуляциях. Соглашения о протекторате часто предшествовали образованию колониальных единиц или даже аннексии территорий. Примерами являются соглашения о протекторате, заключенные Великобританией с сомалийскими племенами в 1884 и 1886 гг., договоры между Германией и племенами Намибии 1885 г., Шаарский договор, заключенный Россией с Бухарским эмиратом в 1873 г.

Генеральный акт Берлинской конференции, посвященной разделу Африки, от 26 февраля 1885 г. также отражал указанные изменения. Согласно ст. XXXIV держава, завладевшая территорией в Африке, должна уведомлять об этом другие державы, чтобы дать им возможность заявить свои требования; согласно ст. XXXV державы признали «обязательство обеспечить в занимаемых ими территориях существование такой власти, которая достаточна для охраны приобретенных ими прав, и, в потребном случае, для охраны свободы торговли и транзита»¹. Таким образом, эти положения не ставили приобретение территорий в зависимость от согласия коренного населения, единственная обязанность оккупанта состояла в осуществлении эффективной власти (контроля); в отсутствие такого контроля территория становилась открытой для приобретения другими государствами².

Отрицание правосубъектности кочевых народов необязательно означало отказ от проведения с ними консультаций и умаление их интересов. Так, в процессе экспансии России в Центральной Азии и на Кавказе сформировалось убеждение, что тюрок легче обратить к европейской (русской) цивилизации, поскольку их дух все еще свободен от мусульманских догм; они, соответственно, будут более лояльными подданными по сравнению с оседлыми мусульманами³. Вероятно, эта идея повлияла на национальное размежевание союзных республик 1923–1924 гг., в процессе которого Азербайджан получил Нагорный Карабах, населенный преимущественно армянами, Кыргызстан – Ош (узбеки), Узбекистан – Бухару и Самарканд (таджики)⁴. Другой пример – политика Великобритании на Ближнем Востоке, сопровождавшаяся решением спорных территориальных вопросов в пользу союзных им арабских племен (а не Ирана)⁵.

5. Период признания и защиты прав кочевников

В третий период, начавшийся в середине XX в., коренным народам, в том числе кочевым, была предоставлена международно-правовая защита. Основные институты, формировавшие эту защиту, – право на самоопределение и право прав человека.

1. В современном международном праве принцип самоопределения выполняет три функции: во-первых, он регулирует процесс образования новых субъектов международного права, предоставляя народам, не имеющим государственности, право на нее; во-вторых, он постулирует существование интересов народов, отдельных от интересов их правительств, и необходимость их защиты; в-третьих, он дублирует некоторые иные принципы, прежде всего невмешательства и неприменения силы. Изначально право на самоопределение предполагало возможность приобретения не-

¹ Сборник договоров России с другими государствами (1856–1917) / под ред. Е. А. Адамова; сост. И. В. Козьменко. М.: Госполитиздат, 1952. С. 240–259.

² М. Моретти отмечает, что из протоколов и деклараций официальных лиц следует, что эти нормы не воспринимались как исключающие суверенитет местных сообществ: термин «оккупация» (завладение), использованный в этих статьях, указывал не на одностороннее занятие ничейной земли, а скорее на приобретение суверенитета путем заключения договора или завоевания. См.: *Moretti M. Op. cit.*

³ Горшенина С. М. Изобретение концепта Средней / Центральной Азии: между наукой и геополитикой. Вашингтон: Программа изучения Центральной Азии, Ун-т Джорджа Вашингтона, 2019. Автор указывает, что у истоков этой позиции был востоковед Вильгельм (Василий) Радлов (1837–1918), первый генерал-губернатор Туркестана Кауфман (1818–1882); она также была поддержана в докладах ревизионных комиссий, работавших в Туркестанском, Оренбургском и Степном генерал-губернаторствах (доклады Ф. Гирса 1882 г. и К. Палена 1908 г.).

⁴ Толстых В. Л. Национально-государственное размежевание 1924 года и его международно-правовые последствия // Сравнительное конституционное обозрение. 2023. № 2. С. 13–32; Его же. Международно-правовая квалификация конфликта в Нагорном Карабахе // Российский юридический журнал. 2021. № 1. С. 83–102.

⁵ Толстых В. Л. Спор между Ираном и Объединенными Арабскими Эмиратами по поводу островов в Ормузском проливе: проблемы правовой квалификации // Международное правосудие. 2024. Т. 14. № 3. С. 149–165.

зависимости народами, находящимися в колониальной зависимости или проживающими на оккупированной территории (Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам 1960 г.). Позднее оно было распространено на народы, которым препятствуют в осуществлении внутреннего самоопределения, т. е. отказывают в политических и иных правах.

Возможность деколонизации кочевых народов в форме создания самостоятельно-го государства была подтверждена в консультативном заключении Международного суда ООН по Западной Сахаре от 16 октября 1975 г. Марокко утверждало, что этот регион был отторгнут у него в ходе колонизации, настаивало на его реинтеграции и просило учесть специфику государства Шерифов, основанного на общей религии и лояльности различных племен султану. Оно ссылалось на сбор налогов, назначение султаном кади, его визиты в регион, ведение военных действий против иностранцев и пр. Суд счел, что общая религия не свидетельствует о едином государстве, а лояльность должна выражаться в актах признания политической власти. Доказательства Марокко неубедительны: оно не осуществляло территориального суверенитета в отношении Западной Сахары, хотя султан осуществлял власть над некоторыми кочевыми племенами¹. Таким образом, население Западной Сахары может реализовать право на самоопределение (т. е. учредить независимое государство).

2. Права кочевых народов также защищаются правом прав человека и его специализированными институтами – правом меньшинств и правом коренных народов. Права меньшинств закреплены в ст. 27 Пакта о гражданских и политических правах 1966 г., Декларации о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам 1992 г., Европейской рамочной конвенции о защите национальных меньшинств 1995 г. и др.; права коренных народов – в Конвенции МОТ № 169 о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах, 1989 г., Декларации ООН о правах коренных народов 2007 г. и др.

Право меньшинств и права коренных народов во многом схожи: в обоих случаях подчеркивается необходимость уважения культурной идентичности нации. Речь идет о праве пользоваться своим культурным достоянием в частной жизни, при этом государство не обязано гарантировать этому достоянию место в публичном пространстве, например предоставлять языку меньшинств статус национального. Проще говоря, меньшинства имеют лишь право на невмешательство со стороны государства, которое в условиях поддержки титульной нации не всегда способно защитить их достояние от постепенного угасания и превращения в музейный экспонат.

Кроме того, указанные инструменты не решают две важные задачи: они не гарантируют кочевым народам право на земли, являющиеся их традиционным ареалом обитания, а также право на политическую автономию. Что касается первой проблемы, ст. 14 Конвенции МОТ № 169, закрепляющая право кочевников на их землю, не была реализована на практике; при этом в Конвенции участвуют всего 24 государства². Что касается второй проблемы, ст. 4 Декларации ООН носит слишком общий характер и относится к *soft law*³. В таких обстоятельствах обеспечение соответствующих прав в основном зависит от усмотрения самих государств и региональных организаций.

¹ Этот вывод был подвергнут критике со стороны судей, заявивших особые мнения. Судья И. Форстер (Сенегал) упрекнул суд в пренебрежении контекстом: от Африки нельзя требовать, чтобы ее институты копировали европейские, ибо тогда почти весь континент должен быть объявлен *terra nullius*; правовые связи, установленные судом, следовало сопоставить с понятиями «государство» и «суверенитет». А. Бони (Кот-д'Ивуар) указал, что для племен Сахары султан был представителем Бога на земле, поэтому связь с ним носила характер территориального суверенитета.

² «За соответствующими народами признаются права собственности и владения на земли, которые они традиционно занимают. Кроме того, в случае необходимости, применяются меры для гарантирования этим народам прав пользования землями, которые заняты не только ими, но к которым у них есть традиционный доступ для осуществления их жизненно необходимой и традиционной деятельности. Особое внимание обращается на положение кочевых народов и народов, практикующих переложное земледелие». Как отмечает Ж. Жильбер, данная норма не повлияла на развитие международного права и остается неэффективной. *Gilbert J. Le droit international et les peuples nomades: entresilence et victimization // Nomopolis. 2025. № 3. P. 58. См. также: Gilbert J. Nomadic Territories: A Human Rights Approach to Nomadic Peoples' Land Rights // Human Rights Law Review. 2007. Vol. 7. № 4. P. 681-716.*

³ «Коренные народы при осуществлении их права на самоопределение имеют право на автономию или самоуправление в вопросах, относящихся к их внутренним и местным делам, а также путям и средствам финансирования их автономных функций».

Первая проблема достаточно эффективно решается на уровне Организации американских государств: в последние годы Межамериканский суд по правам человека вынес несколько знаковых решений, делающих акцент на позитивных обязательствах государств. В решении по делу «Коренная община Яке Акса против Парагвая» от 17 июня 2005 г. суд признал, что государство обязано обеспечить права коренных народов на землю, являющуюся их традиционным местом проживания. В решении по делу «Народ Сарاماка против Суринама» от 28 ноября 2007 г. он постановил, что государство должно воздерживаться от действий, которые могут помешать кочевому образу жизни, таких как выдача концессий на добычу ресурсов без проведения консультаций с местными общинами. В решении по делу «Ассоциация коренных общин Лхака Хонхат против Аргентины» от 6 февраля 2020 г. он обязал государство выдать общинам документ, подтверждающий их права на землю, и выселить с нее креольское население. Основой этих решений стали ст. 21 (право на собственность) и ст. 23 (право на участие в управлении) Американской конвенции о правах человека 1969 г. В решении по делу «Коренные народы Тагаери и Тароменане против Эквадора» суд признал право кочевников, живущих в изоляции, на бесконтактное существование¹.

Национальная практика не является единообразной; тем не менее многие государства проявляют заботу в отношении кочевых народов и разрабатывают механизмы защиты их прав. Так, скандинавские государства признали право саамов мигрировать через границы и консультируются с их представительными органами. Канада предоставила политическую автономию инуитам, образовав в 1999 г. территорию Нунавут, 80 % населения которой составляют инуиты. Дания предоставила Гренландии, большинство населения которой также составляют инуиты, автономию еще в 1979 г. 3 июня 1992 г. Высокий суд Австралии принял решение по делу «Мабо против Квинсленда (№ 2)», в котором признал, что право коренных народов на земли, существовавшее до колонизации и основанное на обычае (*native title*), не прекратилось в результате приобретения данных земель Коронай и не исключается доктриной *terra nullius*; вскоре после этого был принят Закон о правах коренных народов на землю (*Native Title Act 1993*), разрешивший аборигенам требовать возврата своих земель у государства. Некоторые государства Латинской Америки закрепили в своих конституциях и законах право кочевников использовать свои традиционные земли (как исключительно, так и неисключительно)².

6. Доклад Специального докладчика ООН по вопросу о правах коренных народов «Мобильные коренные народы» 2024 г.

Современная ситуация в данной сфере освещена в опубликованном в 2024 г. докладе Специального докладчика ООН по вопросу о правах коренных народов Х. Ф. Кали Цая «Мобильные коренные народы» (A/79/160)³. Доклад занимает 30 страниц и состоит из описания кочевых народов, правовой базы и актуальных проблем, а также выводов и рекомендаций. Автор отказывается от использования термина «кочевые», полагая, что он намекает на отсутствие корней и самобытности, и использует термин «мобильные коренные народы» (МКН), определяя их как народы, которые «стратегически перемещаются и меняют места проживания в пределах обширных родных земель», «как правило, обитают в уязвимых экосистемах, имеющих большую экологическую ценность», в основе их образа жизни лежат долгосрочные циклические модели жизнеобеспечения, использование общих ресурсов и стратегии, способствующие биоразнообразию. К МКН относятся скотоводы и пастухи, охотники-собиратели и морские кочевники. Некоторые из МКН живут в добровольной изоляции. Работа в отношении МКН проводится ЮНЕП, секретариатами конвенций о биологическом разнообразии и по борьбе с опустыниванием и некоторыми региональными организациями. 200 МКН из 48 стран объединены в рамках НПО «Всемирный альянс мобиль-

¹ Комментарий этого решения см.: *Haertel L. M. From the Right to be Consulted to the Right to No Contact: The Inter-American Court Faces Its First Case on Indigenous Peoples in Voluntary Isolation // EJIL:Talk! Blog of the European Journal of International Law. 2025. March 20. URL: <https://www.ejiltalk.org/from-the-right-to-be-consulted-to-the-right-to-no-contact-the-inter-american-court-faces-its-first-case-on-indigenous-peoples-in-voluntary-isolation> (дата обращения: 01.03.2026).*

² *Moretti M. Op. cit.*

³ URL: <https://docs.un.org/r/A/79/160> (дата обращения: 01.03.2026).

ных коренных народов» (2003)¹. ООН посвящает МКН свои мероприятия: 2026 г. был объявлен Международным годом пастбищных угодий и пастбищных животноводов.

К числу актуальных проблем МКН, по мнению Специального докладчика, относятся следующие:

1) юридическое признание и участие в политической жизни: некоторые МКН не признаны коренными народами, что приводит к их маргинализации (племена, живущие на территории Ботсваны, Южной Африки, Конго, Уганды и Индии);

2) мобильность и права на землю: у некоторых МКН отбирают землю под тем предлогом, что она ими не используется, некоторые МКН подвергаются седентаризации (канадские инуиты). Положительные примеры – Таджикистан, Узбекистан, Кыргызстан, Индия, Эфиопия и др.;

3) изменение климата: некоторые МКН утрачивают доступ к пищевым ресурсам и вынуждены откочевывать в отдаленные районы; пользуясь этим, власти и инвесторы забирают их земли; на землях некоторых МКН без их согласия создаются национальные парки;

4) добывающая и иная промышленность: на землях некоторых МКН без их согласия реализуются крупномасштабные проекты, связанные с развитием (Кения, Уганда, Танзания, Амазония, Монголия, Швеция, Индия);

5) туризм: открытие туристических объектов часто сопровождается переселением МКН, например, были выселены бедуины из Петры (Иордания), гуарани лишены доступа к своим землям из-за строительства курорта (Бразилия);

6) свобода передвижения: некоторые МКН разделены, и их представители, прибывая в другое государство, причисляются к мигрантам (саамы, проживающие в скандинавских странах, скотоводы Африки, инуиты, бедуины, морские народы Юго-Восточной Азии);

7) воздействие вооруженных конфликтов: на землях некоторых МКН разбиваются лагеря беженцев (Кения, Иордания), некоторые МКН подвергаются насильственному переселению (бедуины пустыни Негев) или системному насилию (синайские бедуины);

8) реализация экономических, социальных и культурных прав: некоторые МКН не имеют возможностей трудоустройства и доступа к медицине и образованию, испытывают трудности с адаптацией (Латинская Америка, Африка, арабские страны, Индия).

Докладчик рекомендовал государствам признать особый статус МКН, гарантировать право на консультации, содействовать их участию в политической жизни, предоставить им гарантии землевладения, создавать для них неприкосновенные зоны, компенсировать причиненный им ущерб, защищать их образ жизни, обеспечить их перемещение через границы, развивать международное сотрудничество и др.

В целом доклад «Мобильные коренные народы» производит неоднозначное впечатление. С одной стороны, он систематизирует конкретные проблемы МКН и иллюстрирует их примерами. С другой стороны, он имеет несколько недостатков. Во-первых, приведенное в нем определение МКН выглядит нечетким, создавая тем самым возможность для отказа тем или иным народам в соответствующем статусе. Во-вторых, доклад выглядит антропологическим исследованием, а не юридическим документом: в нем не систематизированы передовые практики и не предложены конкретные способы решения проблем МКН. В-третьих, доклад в основном освещает проблемы МКН Латинской Америки, Африки, Монголии, Индии, а также инуитов и саамов и не затрагивает проблемы, связанные с правами индейцев в США и Канаде, тибетцев в КНР; довольно скудно освещено и положение морских народов Юго-Восточной Азии. В-четвертых, доклад не выходит за рамки «минимального» подхода, предполагающего консервацию образа жизни МКН. Докладчик не попытался ответить на более общие вопросы, например о совместимости парадигмы устойчивого развития с кочевым образом жизни. В-пятых, доклад исходит из того, что основную ответственность за защиту прав МКН несут национальные правительства; в нем не предлагаются конкретные меры, которые могли бы быть приняты международными организациями, такими как МВФ, *Green Climate Fund* и др., а также меры в сфере международного правотворчества.

¹ World alliance of mobile indigenous peoples & pastoralists. URL: <http://wamipglobal.com> (дата обращения: 01.03.2026).

Выводы

Эволюция международно-правового статуса кочевников и современные проблемы, с которыми они сталкиваются, иллюстрируют дискриминационный характер международного права. Эта черта международного права проявляется на двух уровнях: инструментальном (международное право использовалось и используется для порабощения незападных обществ) и структурном (категории международного права обобщают исторический опыт западной цивилизации и не учитывают политические феномены, присущие незападным обществам). Она достаточно хорошо исследована представителями TWAIL (*Third World approaches to international law*)¹ и необязательно приводит к выводу о необходимости отказа от международного права; возможно, международное право действительно выполнило цивилизационную миссию; кроме того, возможно, существует потенциал для его совершенствования и адаптации к незападным обществам.

Применительно к кочевым народам данная адаптация может осуществляться путем разработки гибких инструментов, обеспечивающих сохранение культурной идентичности кочевников, их политическую автономию, их право на трансграничное перемещение, их право на использование исконных земель (в том числе в виде узурпации) и т. д. Отдельные усилия в этом направлении уже принимаются – на универсальном, региональном и национальном уровнях. Эти усилия, однако, недостаточны – в том смысле, что они едва ли способны обратить вспять процессы седентаризации и маргинализации кочевников; максимальный результат, который может быть достигнут, – создание изолированных от остального мира заповедников, в которых кочевники будут вести традиционный образ жизни, создавая хороший имидж для своих государств и служа развлечением для туристов.

В связи с этим главная проблема, с которой сталкивается кочевая культура, – это, конечно, не дискриминация со стороны международного права, а несовместимость этой культуры с индустриальной экономикой, принципом устойчивого развития и экологической повесткой. Правовая защита кочевников не предполагает отмены этих базовых структур современного общества, как результат, в долгосрочной перспективе кочевничество как образ жизни больших масс людей обречено. Анализ кочевой культуры, однако, остается крайне интересной задачей – не только для историков, но и для правоведов, политологов, экономистов и философов, ведь, по сути, речь идет о наиболее масштабном проекте создания альтернативы современному государству – со свойственными ему тоталитаризмом, отчуждением, насилием и беззаконием.

Список литературы

Барфилд Т. Опасная граница: кочевые империи и Китай (221 г. до н. э. – 1757 г. н. э.). СПб.: Нестор-История, 2009. 248 с.

Ваттель Э. де. Право народов. М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1960. 720 с.

Горшенина С. М. Изобретение концепта Средней / Центральной Азии: между наукой и геополитикой. Вашингтон: Программа изучения Центральной Азии, Ун-т Джорджа Вашингтона, 2019. 120 с.

Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: капитализм и шизофрения. М.: Астрель, 2010. 895 с.

Империя, колония, геноцид. Завоевания, оккупация и сопротивление покоренных в мировой истории / под ред. Д. Мозеса. М.: Прогресскнига, 2025. 851 с.

Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М.: Центрполиграф, 2011. 544 с.

Королев С. В., Лялина И. С., Сангаджиева К. В. «Индийский вопрос» США в фокусе теории международного права и английского земельного права // Образование и право. 2020. № 7. С. 301–307.

Крадин Н. Н. Кочевые общества (проблемы формационной характеристики). Владивосток: Дальнаука, 1992. 240 с.

Крадин Н. Н. Кочевники в мировом историческом процессе // Философия и общество. 2001. № 2. С. 108–138.

Мартенс Ф. Ф. Современное международное право цивилизованных народов: в 2 т. Т. 1. М.: Зерцало, 2008. 209 с.

¹ Anghie A. The Evolution of International Law: colonial and postcolonial realities // Third World Quarterly. 2006. Vol. 27. № 5. P. 739–753; Eslava L., Pahuja S. The State and International Law: A Reading from the Global South // Humanity: An International Journal of Human Rights, Humanitarianism and Development. 2020. Vol. 11. № 1. P. 118–138.

Памятники российского права: в 35 т. Т. 5: Памятники права 1725–1762 гг. / под ред. Р. Л. Хачатурова. М.: Юрлитинформ, 2014. 592 с.

Сарсембаев М. А. Казахское ханство как суверенное государство средневековой эпохи. Астана: Ин-т законодательства РК, 2015. 342 с.

Сборник договоров России с другими государствами (1856–1917) / под ред. Е. А. Адамова; сост. И. В. Козьменко. М.: Госполитиздат, 1952. 462 с.

Тойнби А. Дж. Исследование истории: Возникновение, рост и распад цивилизаций. М.: АСТ, 2009. 670 с.

Толстых В. Л. Азия и международное право: между адаптацией и игнорированием (Часть 1) // ВОСТОК. Афро-азиатские общества: история и современность. 2025. № 2. С. 198–210.

Толстых В. Л. Курс международного права. М.: Междунар. отношения, 2022. 1016 с.

Толстых В. Л. Международно-правовая квалификация конфликта в Нагорном Карабахе // Российский юридический журнал. 2021. № 1. С. 83–102.

Толстых В. Л. Национально-государственное размежевание 1924 года и его международно-правовые последствия // Сравнительное конституционное обозрение. 2023. № 2. С. 13–32.

Толстых В. Л. Спор между Ираном и Объединенными Арабскими Эмиратами по поводу островов в Ормузском проливе: проблемы правовой квалификации // Международное правосудие. 2024. Т. 14. № 3. С. 149–165.

Хазанов А. М. Кочевники и внешний мир. 3-е изд., доп. Алматы: Дайк-Пресс, 2002. 604 с.

Anghie A. The Evolution of International Law: colonial and postcolonial realities // *Third World Quarterly*. 2006. Vol. 27. № 5. P. 739–753.

Bourgeot A. Nomads and the modern state. *An Unsettled Freedom* // *UNESCO Courier*. 1994. November. P. 8–11.

Brooks R. E. Failed States, or the State as Failure? // *The University of Chicago Law Review*. 2005. Vol. 72. № 4. P. 1159–1196.

Chetail V. Sovereignty and Migration in the Doctrine of the Law of Nations: An Intellectual History of Hospitality from Vitoria to Vattel // *European Journal of International Law*. 2016. Vol. 27. № 4. P. 901–922.

Eslava L., Pahuja S. The State and International Law: A Reading from the Global South // *Humanity: An International Journal of Human Rights, Humanitarianism and Development*. 2020. Vol. 11. № 1. P. 118–138.

Gilbert J. Le droit international et les peuples nomades: entresilence et victimization // *Nomopolis*. 2025. № 3. P. 53–63.

Gilbert J. Nomadic Territories: A Human Rights Approach to Nomadic Peoples' Land Rights // *Human Rights Law Review*. 2007. Vol. 7. № 4. P. 681–716.

Haertel L. M. From the Right to be Consulted to the Right to No Contact: The Inter-American Court Faces Its First Case on Indigenous Peoples in Voluntary Isolation // *EJIL:Talk! Blog of the European Journal of International Law*. 2025. March 20. URL: <https://www.ejiltalk.org/from-the-right-to-be-consulted-to-the-right-to-no-contact-the-inter-american-court-faces-its-first-case-on-indigenous-peoples-in-voluntary-isolation> (дата обращения: 01.03.2026).

Hall W. E. *Treatise on International Law*. Oxford: Clarendon Press, 1895. 828 p.

Kernan M. The Displacement of Tibetan Nomads, International Law and the Loss of Global Indigenous Culture // *Global Policy Essay*. 2013. March. 12 p.

Canada's Colonial Genocide of Indigenous Peoples: A Review of the Psychosocial and Neurobiological Processes Linking Trauma and Intergenerational Outcomes / K. Matheson [et al.] // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2022. Vol. 19. URL: <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC9179992> (дата обращения: 01.03.2026).

Moretti M. *International Law and Nomadic People*. Institut européen. AutorHouse, 2012. 318 p.

Perdue P. C. The Tenacious Tributary System // *Journal of Contemporary China*. 2015. Vol. 24. № 96. P. 1002–1014.

Westbrook D. A. Islamic International Law and Public International Law: Separate Expressions of World Order // *Virginia Journal of International Law*. 1993. Vol. 33. P. 819–897.

Wheaton H. *Elements of International Law*. Washington: John Byrne and Co., 1866. 750 p.

References

Adamov E. A. (Ed.) (1952) *Sbornik dogovorov Rossii s drugimi gosudarstvami (1856–1917)* [Collection of treaties between Russia and other states (1856–1917)]. Moscow, Gospolitizdat, 462 p.

Anghie A. (2006) The Evolution of International Law: colonial and postcolonial realities. In *Third World Quarterly*, vol. 27, no. 5, pp. 739–753.

Barfield T. (2009) *Opasnaya granitsa: kochevye imperii i Kitai (221 g. do n. e. – 1757 g. n. e.)* [The Perilous Frontier: Nomadic Empires and China, 221 BC to AD 1757]. Saint-Petersburg, Nestor-Istoriya, 248 p.

Bourgeot A. (1994) Nomads and the modern state. *An Unsettled Freedom*. In *UNESCO Courier*, November, pp. 8–11.

Brooks R. E. (2005) Failed States, or the State as Failure? In *The University of Chicago Law Review*, vol. 72, no. 4, pp. 1159–1196.

Chetail V. (2016) Sovereignty and Migration in the Doctrine of the Law of Nations: An Intellectual History of Hospitality from Vitoria to Vattel. In *European Journal of International Law*, vol. 27, no. 4, pp. 901–922.

Deleuze Zh., Guattari F. (2010) *Tysyacha plato: kapitalizm i shizofreniya* [Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia]. Moscow, Astrel', 895 p.

Eslava L., Pahuja S. (2020) The State and International Law: A Reading from the Global South. In *Humanity: An International Journal of Human Rights, Humanitarianism and Development*, vol. 11, no. 1, pp. 118–138.

Gilbert J. (2007) Nomadic Territories: A Human Rights Approach to Nomadic Peoples' Land Rights. In *Human Rights Law Review*, vol. 7, no. 4, pp. 681–716.

Gilbert J. (2025) Le droit international et les peuples nomades: entresilence et victimization. In *Nomopolis*, no. 3, pp. 53–63.

Gorshenina S. M. (2019) *Izobretenie kontsepta Srednei / Tsentral'noi Azii: mezhdru naukoj i geopolitikoj* [The Invention of the Concept of Central Asia: Between Science and Geopolitics]. Washington, Programma izucheniya Tsentral'noi Azii, Universitet Dzhordzha Vashingtona, 120 p.

Haertel L. M. (2025) From the Right to be Consulted to the Right to No Contact: The Inter-American Court Faces Its First Case on Indigenous Peoples in Voluntary Isolation. In *EJIL:Talk! Blog of the European Journal of International Law*, March 20, available at: <https://www.ejiltalk.org/from-the-right-to-be-consulted-to-the-right-to-no-contact-the-inter-american-court-faces-its-first-case-on-indigenous-peoples-in-voluntary-isolation> (accessed: 01.06.2025).

Hall W. E. (1895) *Treatise on International Law*. Oxford, Clarendon Press, 828 p.

Kazem-Zade F. (2011) *Bor'ba za vliyanie v Persii. Diplomacheskoe protivostoyanie Rossii i Anglii* [The Struggle for Influence in Persia: The Diplomatic Confrontation between Russia and England]. Moscow, Tsentrpoligraf, 544 p.

Kernan M. (2013) The Displacement of Tibetan Nomads, International Law and the Loss of Global Indigenous Culture. In *Global Policy Essay*, March, 12 p.

Khachaturov R. L. (Ed.) (2014) *Pamyatniki rossijskogo prava: v 35 t. T. 5: Pamyatniki prava 1725–1762 gg.* [Monuments of Russian law: in 35 volumes. Vol. 5: Monuments of law 1725–1762]. Moscow, Yurlitinform, 592 p.

Khazanov A. M. (2002) *Kochevniki i vneshnii mir* [Nomads and the Outside World], 3rd ed., add. Almaty, Daik-Press, 604 p.

Korolev S. V., Lyalina I. S., Sangadzhieva K. V. (2020) «Indeiskii vopros» SSHA v fokuse teorii mezhdunarodnogo prava i anglijskogo zemel'nogo prava [«The Indian Question» of the United States in the Focus of the Theory of International Law and English Land Law]. In *Obrazovanie i pravo*, no. 7, pp. 301–307.

Kradin N. N. (1992) *Kochevye obshchestva (problemy formatsionnoi kharakteristiki)* [Nomadic Societies (Problems of Formational Characteristics)]. Vladivostok, Dal'nauka, 240 p.

Kradin N. N. (2001) Kochevniki v mirovom istoricheskom protsesse [Nomads in the Global Historical Process]. In *Filosofiya i obshchestvo*, no. 2, pp. 108–138.

Martens F. F. (2008) *Sovremennoe mezhdunarodnoe pravo tsivilizovannykh narodov: v 2 t.* [Modern International Law of Civilized Nations: in 2 volumes]. Moscow, Zertsalo, vol. 1, 209 p.

Matheson K., et al. (2022) Canada's Colonial Genocide of Indigenous Peoples: A Review of the Psychosocial and Neurobiological Processes Linking Trauma and Intergenerational Outcomes. In *International Journal of Environmental Research and Public Health*, vol. 19, available at: <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC9179992> (accessed: 01.06.2025).

Moretti M. (2012) *International Law and Nomadic People*. Institut européen, AutorHouse, 318 p.

Moses D. (Ed.) (2025) *Imperiya, koloniya, genotsid. Zavoevaniya, okkupatsiya i soprotivlenie pokorennykh v mirovoi istorii* [Empire, Colony, Genocide. Conquests, Occupation, and Resistance of the Subjugated in World History]. Moscow, Progresskniga, 851 p.

Perdue P. C. (2015) The Tenacious Tributary System. In *Journal of Contemporary China*, vol. 24, no. 96, pp. 1002–1014.

Sarsembaev M. A. (2015) *Kazakhskoe khanstvo kak suverennoe gosudarstvo srednevekovoi epokhi* [Kazakh Khanate as a Sovereign State of the Medieval Era]. Astana, Institut zakonodatel'stva RK, 342 p.

Tolstykh V. L. (2021) Mezhdunarodno-pravovaya kvalifikatsiya konflikta v Nagornom Karabakhe [International legal qualification of the conflict in Nagorno-Karabakh]. In *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal*, no. 1, pp. 83–102.

Tolstykh V. L. (2022) *Kurs mezhdunarodnogo prava* [Treatise of International Law]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, 1016 p.

Tolstykh V. L. (2023) Natsional'no-gosudarstvennoe razmezhevanie 1924 goda i ego mezhdunarodno-pravovye posledstviya [The national-state demarcation of 1924 and its international legal consequences]. In *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, vol. 32, no. 2, pp. 13–32.

Tolstykh V. L. (2024) Spor mezhdu Iranom i Ob"edinennymi Arabskimi Emiratami po povodu ostrovov v Ormuzskom prolive: problemy pravovoi kvalifikatsii [Dispute between Iran and the United Arab Emirates about Islands in the Strait of Hormuz: problems of legal qualification]. In *Mezhdunarodnoe pravosudie*, vol. 14, no. 3, pp. 149–165.

Tolstykh V. L. (2025) Aziya i mezhdunarodnoe pravo: mezhdu adaptatsiei i ignorirovaniem (Chast' 1) [Asia and International Law: Between Adaptation and Disregard (Part 1)]. In *VOSTOK. Afro-aziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost'*, no. 2, pp. 198–210.

Toynbee A. J. (2009) *Issledovanie istorii: Vozniknovenie, rost i raspad tsivilizatsii* [Study of History: The Rise, Development, and Fall of Civilizations]. Moscow, AST, 670 p.

Vattel E. de (1960) *Pravo narodov* [The Law of Nations]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo yuridicheskoi literatury, 720 p.

Westbrook D. A. (1993) Islamic International Law and Public International Law: Separate Expressions of World Order. In *Virginia Journal of International Law*, vol. 33, pp. 819–897.

Wheaton H. (1866) *Elements of International Law*. Washington, John Byrne and Co., 750 p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 05.03.2026

Дата принятия рукописи в печать: 23.03.2026

УДК / UDC 341

DOI: 10.34076/22196838_2026_2_34

НОРМЫ О НЕВМЕШАТЕЛЬСТВЕ В ПРАВОПОРЯДКЕ ООН: ВВЕДЕНИЕ В ПРОБЛЕМУ

Кочанов Алексей Константинович

Аспирант кафедры международного права Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева (Екатеринбург), ORCID: 0009-0003-9269-6243, e-mail: 338alex20004150@mail.ru.

В рамках исследования автор произвел анализ существующей нормативной базы договорного международного права ООН и определил невмешательство в системе норм международного права ООН. Выборка норм была осуществлена с применением методологии восхождения к правовым абстракциям: осуществлен сбор эмпирических данных в виде конкретных норм и источников прав; произведена систематизация выявленных норм и источников; обращено внимание на свойства, объединяющие эти нормы; составлено определение норм невмешательства в системе норм международного права ООН. Во многом подход, реализованный в настоящей статье, может быть подвергнут обоснованной критике ввиду отсутствия правовой аргументации выборки норм и источников, необходимой для применения в рамках указанной методологии. Это объясняется нормативно закрепленным принципиальным для системы норм международного права ООН характером норм о невмешательстве. В качестве признака для выборки норм и источников, таким образом, выступает указанный характер нормы-принципа, который в итоге был положен в основу разработанного определения.

Ключевые слова: нормы о невмешательстве, Устав ООН, договорные нормы системы ООН, право международной безопасности, норма-принцип, воля субъектов международного права

Для цитирования: Кочанов А. К. Нормы о невмешательстве в правопорядке ООН: введение в проблему // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2026. № 2. С. 34–41. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2026_2_34.

THE UN NON-INTERVENTION FRAMEWORK: AN INTRODUCTION

Kochanov Alexey

Post-graduate, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg), ORCID: 0009-0003-9269-6243, e-mail: 338alex20004150@mail.ru.

This article attempts to define non-intervention within the UN international law system. The author has conducted a significant analysis of the existing normative framework of the UN treaty-based international law. The selection of norms was carried out using the methodology of ascending to legal abstractions: empirical data was collected in the form of specific norms and sources of international law; the identified norms and sources were systematized; attention was paid to the properties that unite these norms; and a definition of the norms of non-intervention in the UN international law system was developed. In many respects, the approach implemented in this article can be subject to justified criticism due to the lack of legal argumentation for the selection of norms and sources necessary for application within the framework of the specified methodology. This is explained by the norms on non-intervention, which are normatively enshrined as fundamental for the UN international law system. The specified nature of the norm-principle, which ultimately served as the basis for the developed definition, thus serves as a feature for the selection of norms and sources.

Key words: non-intervention law, the UN Charter, treaty norms of the UN system, international security law, norm-principle, will of subjects of international law

For citation: Kochanov A. (2026) The UN non-intervention framework: an introduction. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 2, pp. 34–41, DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2026_2_34.

Нормы о невмешательстве во внутренние дела государства были возведены на уровень принципа более семидесяти лет назад Уставом ООН. Однако предметом настоящей работы не являются проблемы истолкования п. 7 ст. 2 Устава ООН, возникшие сразу после создания Организации, уже детально разобранные в доктрине¹. Для исследования важно прежде всего то, как в целом формулировка пункта диверсифицирует международные отношения, к которым применяется или не применяется принцип невмешательства.

К первому сегменту можно отнести отношения между ООН и государствами, в том числе нечленами ООН, по поводу вмешательства ООН во внутренние дела стран. Здесь необходимо обращать внимание, например, на механизмы предоставления отчетности главным органам и специализированным учреждениям Организации, предоставления докладов об исполнении мер Совета Безопасности ООН (далее – СБ ООН), проведения расследований. Нормы, регулирующие данный сегмент международных отношений, скорее принадлежат к отрасли права международных организаций.

Ко второму сегменту относятся отношения между государствами-членами и ООН (главными органами и специализированными учреждениями), складывающиеся относительно передачи на рассмотрение Организации дел, относимых к внутренней компетенции государства. Прежде всего, здесь целью регулирования является определение полномочности соответствующих органов и учреждений ООН разрешать тот или иной вопрос и правоспособности субъектов, подающих спор на рассмотрение, а также связанные с этим процедурные вопросы. Нормы, составляющие данный сегмент международных отношений, скорее относятся к отрасли права международных организаций, а также институтам правосубъектности и международно-правового факта общей части системы международного права.

Третьему сегменту принадлежат отношения, касающиеся реализации гл. VII Устава ООН о правомерном вмешательстве, где речь идет о непосредственном применении мер СБ ООН, в том числе об оценке эффективности такого применения и рассмотрении вопросов об их дополнении и (или) видоизменении.

Уставом ООН допустимым вмешательством признаются:

действия СБ ООН по определению любой угрозы миру (превентивные меры), нарушений мира или акта агрессии (относящиеся ко второму и третьему сегментам);

по даче рекомендаций по устранению угрозы, восстановлению мира или пресечению акта агрессии (в рамках ст. 36 Устава ООН или рекомендаций, выходящих за ее правила) (третий сегмент);

по принятию решений о мерах для восстановления и поддержания международного мира и безопасности (третий сегмент);

по выдвиганию соответствующим государствам требований по выполнению необходимых или желательных временных мер (третий сегмент);

реализация ГА ООН права по рекомендации СБ ООН и в случае принятия СБ ООН решения о применении в отношении государства-члена превентивных или принудительных мер приостанавливать осуществление прав и привилегий данного государства как члена Организации (третий сегмент);

исключение ГА ООН по рекомендации СБ ООН члена ООН из состава Организации (третий сегмент);

расследование СБ ООН любого спора или ситуации, которые могут привести к международным трениям или вызвать спор, в целях установления, могут ли они угрожать поддержанию международного мира и безопасности (первый сегмент);

действия (непосредственные или опосредованные участием в соответствующих международных учреждениях), которые требуются для исполнения решений СБ ООН в целях поддержания международного мира и безопасности; объединение для оказания взаимной помощи в проведении решений СБ ООН (третий сегмент);

¹ *Kritsiotis D., Corten O., Fox G. H. Armed intervention and consent. Cambridge; N. Y.; Port Melbourne; New Delhi; Singapore: Cambridge University Press, 2023. P. 32–37.*

контроль СБ ООН за совместимостью с Целями и Принципами Устава ООН региональных соглашений или органов по поддержанию международного мира и безопасности, а также за действиями, предпринятыми или планируемыми, в связи с исполнением таких соглашений или деятельности таких органов (первый сегмент);

рекомендации Экономического и Социального Совета ООН (далее – ЭКОСОС) в целях поощрения уважения и соблюдения прав человека и основных свобод; истребование ЭКОСОС докладов у специализированных учреждений по исполнению соглашений с ООН и по исполнению выданных им рекомендаций (первый сегмент);

действия государств при реализации права на самооборону в соответствии с Уставом ООН или с обычаем (третий сегмент, а также сегмент обычной нормы невмешательства, который не был назван выше).

При этом Устав ООН допускает вмешательство не только во внутренние дела государств, чьи действия ставят под угрозу или нарушают международный мир и безопасность. Допустимое вмешательство в соответствии с п. 7 ст. 2 Устава ООН – это вмешательство во внутренние дела государств без их согласия, однако Устав ООН содержит иные договорные нормы, где закреплены обязательства государств-членов перед Организацией о предоставлении согласия на вмешательство в их внутренние дела. В частности, к таким обязательствам относятся нормы, также закрепленные в Уставе ООН, о предоставлении в соответствии с особым соглашением или соглашениями по требованию СБ ООН вооруженных сил, помощи, средств обслуживания, в том числе права прохода. Непосредственным источником права на вмешательство будет соглашение или соглашения между государством-членом или их группой и СБ ООН, подлежащее ратификации. Государство-член, не входящее в состав СБ ООН, приглашается принять участие в решениях СБ ООН, во исполнение которых это государство планирует предоставить вооруженные силы. Военно-штабной комитет ООН в пределах соглашений составляет планы применения вооруженных сил (относится к третьему сегменту), заключает особые соглашения между СБ ООН и государствами-членами, которые действуют в целях обеспечения осуществления срочных военных предприятий и предполагают обязательство по предоставлению Организации контингентов национальных военно-воздушных сил для осуществления совместных международных принудительных действий. Передача государством-нечленом ООН спора или ситуации, стороной которых оно является, угрожающих поддержанию международного мира и безопасности, на рассмотрение СБ ООН и (или) ГА ООН при условии принятия на себя обязательств его мирного разрешения относится ко второму сегменту. В число функций ГА ООН в отношении системы международной опеки входит утверждение соглашений по опеке территорий (за исключением стратегических территорий) (первый и второй сегменты). Государства-члены обязаны обеспечивать заключение с ЭКОСОС соглашений, обеспечивающих связь между ООН и соответствующими специализированными учреждениями. Такие соглашения утверждаются ГА ООН и относятся к первому сегменту. Обязательства государств-членов ООН по несению или принятию ответственности за территории, народы которых еще не достигли полного самоуправления, по обеспечению благополучия их населения, а также по передаче информации о реализации данных обязательств Генеральному секретарю ООН – к первому сегменту; обязательства ООН в рамках международной системы опеки, в рамках Устава ООН и индивидуального соглашения, утвержденного СБ ООН или ГА ООН, соответственно, при содействии Совета по опеке – к первому сегменту; исполнение решений Международного суда ООН – ко всем трем сегментам.

Ключевым отличием норм первой группы от второй является согласие субъекта международного права (государства, несамоуправляемой территории, «подопечной территории») на вмешательство во внутренние дела. Для первой группы норм предоставление такого согласия не требуется, более того, оно не может предполагаться исходя из диспозиций, при которых применяются данные нормы. Для этой группы норм характерна авторитарность, которую выделяли в качестве признака вмешательства еще классики отечественной науки международного права¹. Для норм второй группы

¹ Martens G. F. Précis du droit des gens moderne de l'Europe. P.: Guillaumin et Cie, 1864. Vol. 1. L. VIII. Ch. I. P. 181–182.

согласие на вмешательство обязательно, такое согласие должно быть формально выражено в соответствующих документах (специальные соглашения, заявления о признании юрисдикции МС ООН и т. п.), где устанавливаются пределы вмешательства во внутренние дела субъекта международного права. Именно согласие в доктрине науки международного права рассматривается как наиболее универсальное и безусловное основание вмешательства¹.

Здесь стоит отметить проблему действительности согласия самоуправляемых и «подопечных территорий», поскольку их воля по смыслу теории международного права не идентична воле государств. Измерение воли публичных субъектов международного права представляется специалистам в сфере невмешательства одной из основных задач, поскольку предметом исследований данной сферы является воздействие на волю публичного субъекта. Здесь, безусловно, необходимо опираться на достижения ученых в сфере теории международного права² и правосубъектности³. Данный вопрос очень важен, однако его разрешение все же не включено в предмет настоящего исследования.

Разногласия, возникшие между странами-членами при толковании принципа невмешательства сразу после создания Организации, не разрешены и сегодня, однако правоведам необходимо опираться на конкретный нормативный материал при исследовании вопроса. Итак, перейдем к его рассмотрению в системе ООН, поскольку именно она является единственной претендующей на универсальность системой. Нормативной и правоприменительной базой для определения принципа невмешательства в системе ООН, помимо п. 7 ст. 2 Устава ООН, являются не специальные международные договоры, в полной мере регламентирующие вопросы, касающиеся вмешательства, а нормы обычного права, которые складываются благодаря судопроизводству МС ООН, деятельности ГА ООН и СБ ООН, в меньшей степени работе иных основных органов Организации.

При этом нельзя обойти вниманием договорные нормы специальных конвенций, относимых к иным отраслям системы международного права. Такая особенность закрепления норм отрасли права международной безопасности, непосредственно регулирующих международные отношения, объясняется в научной доктрине комплексностью данной отрасли⁴. В этом случае необходимо акцентировать внимание на комплексности системы международного права в целом, поскольку его основой является международный обычай и, к сожалению, процесс перевода норм права в нормы договора не завершен до сих пор. Именно обычный характер международного права не дает его достаточно четко структурировать на отрасли, поэтому существуют комплексные отрасли, подотрасли, институты и нормы. Важно отметить, что указанную комплексность не следует рассматривать как естественное состояние регулирования ни международных отношений в целом, ни отдельных составляющих системы.

Таким образом, отрасль права международной безопасности обладает присущей ей комплексностью не по собственному естеству, а по причине того, что человечество еще не достигло достаточного уровня консолидации, чтобы перевести обычай в позитивное право и обеспечить эффективность этого решения. Так и институт невмешательства, одновременно являющийся и нормой-принципом (отдельные ученые даже приписывают ему статус нормы *jus cogens*⁵), обладает комплексностью «до востребования», однако важно понимать, что наступление момента указанного «востребования» зависит от конкретных людей, продвигающих парадигму международного

¹ Corten O. Is an Intervention at the Request of a Government Always Allowed? From a «Purpose-Based Approach» to the Respect of Self-Determination // Heidelberg Journal of International Law. 2019. № 79. P. 677–679.

² Тункин Г. И., Шестаков Л. Н. Теория международного права: моногр. М.: ИКД «Зерцало-М», 2016. С. 75–87. URL: <https://znanium.ru/catalog/product/2177734> (дата обращения: 18.02.2026).

³ Субъекты современного международного права: моногр. / О. И. Тиунов [и др.]; отв. ред. О. И. Тиунов. М.: Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве РФ; ИНФРА-М, 2023. 184 с. DOI: 10.12737/17052. URL: <https://znanium.ru/catalog/product/2011479> (дата обращения: 18.02.2026).

⁴ Лазутин Л. А. Право международной безопасности как отрасль современного международного права: дискуссионные вопросы // Право международной безопасности: современное видение и сопутствующие проблемы международного сотрудничества: межвуз. сб. науч. тр. Екатеринбург: Урал. гос. юрид. акад., 2011. С. 4–11.

⁵ Guerreiro A. The Legal Status of the Principle of Non-intervention // Московский журнал международного права. 2022. № 1. С. 6–26.

права в целом или отдельных его составляющих. Итак, к договорным нормам ООН, содержащим нормы-невмешательства, нужно отнести следующие:

1) международные договорные нормы о правовой помощи или противодействии определенным видам преступлений международного характера и международным преступлениям системы ООН (невмешательство в институте правовой помощи отрасли права международной безопасности): Протокол о внесении изменений в Соглашения, Конвенции и Протоколы о наркотиках, заключенные в Гааге 23 января 1912 года, в Женеве 11 февраля 1925 года, 19 февраля 1925 года и 13 июля 1931 года, в Бангкоке 27 ноября 1931 года и в Женеве 26 июня 1936 года, Конвенция Организации Объединенных Наций против киберпреступности и др. Здесь нормы о правовой помощи государств в борьбе с преступностью имеют природу вмешательства по согласию;

2) международные договорные нормы об учреждении международных организаций системы ООН (невмешательство в праве международных организаций): Конвенция о привилегиях и иммунитетах Организации Объединенных Наций, Устав Международной организации труда и Соглашение о взаимоотношениях МОТ с ООН¹, Устав ЮНЕСКО и иные учредительные документы международных организаций, связанных с ООН как напрямую, так и косвенно. Здесь нормы, устанавливающие правосубъектность международной организации, также имеют природу вмешательства по согласию;

3) международные договорные нормы (по вступившим и не вступившим в силу международным договорам), регулирующие институты представительства субъектов международного права системы ООН (невмешательство в праве международных сношений): дипломатические² и консульские³ сношения государств, представительства государств в международных организациях универсального характера⁴. Нормы отрасли международных сношений имеют природу вмешательства по согласию;

4) международные договорные нормы, регулирующие особенности поведения на территории государств, на международных территориях и территориях со смешанным характером системы ООН (невмешательство в международном праве территорий): в воздушном пространстве государств⁵, открытом море⁶, исключительных экономических зонах⁷ и др. Нормы в этой отрасли также имеют природу вмешательства по согласию;

5) международные договорные нормы, регулирующие особенности разрешения международных споров системы ООН (невмешательство в международном процессе): Статут и Регламент МС ООН, Статут Международного трибунала по морскому праву⁸ и др. Подавляющее число юрисдикций международных органов по разрешению споров сформировано на основе норм международного права, которые обладают природой вмешательства по согласию;

6) международные договорные нормы, устанавливающие стандарты прав и свобод человека системы ООН (невмешательство в международном праве прав человека): права женщин-трудящихся⁹, апатридов¹⁰, заключенных¹¹ и др. Международные нормы, положенные в основу функционирования правозащитных структур ООН, безусловно, имеют природу вмешательства по согласию;

7) международные договорные нормы международного гуманитарного права системы ООН (невмешательство в международном гуманитарном праве): об оружии, наносящем чрезмерные повреждения или имеющем неизбирательное действие¹²,

¹ Treaty series of United Nations // Официальный сайт ООН. URL: <https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/Volume%201/v1.pdf> (дата обращения: 12.02.2026).

² Венская конвенция о дипломатических сношениях.

³ Венская конвенция о консульских сношениях государств.

⁴ Венская конвенция о представительствах государств в их отношениях с международными организациями универсального характера.

⁵ Конвенция о международной гражданской авиации.

⁶ Конвенция об открытом море.

⁷ Конвенция по морскому праву. Часть V: Исключительная экономическая зона.

⁸ Статут Международного трибунала по морскому праву.

⁹ Конвенция о равном вознаграждении мужчин и женщин за труд равной ценности.

¹⁰ Конвенция о статусе апатридов.

¹¹ Минимальные стандартные правила обращения с заключенными.

¹² Конвенция о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие.

и др. Указанные нормы имеют природу вмешательства по согласию, хотя Международный уголовный суд и распространяет свою юрисдикцию по выявлению военных преступлений на государства, не выразившие согласие или отозвавшие его;

8) международные договорные нормы права международной безопасности системы ООН (невмешательство в международном уголовном праве): о сотрудничестве государств по вопросам преследования за военные преступления и преступления против человечества¹, применении сроков давности к ним², о преступлениях геноцида³;

9) международные договорные нормы международного морского права системы ООН (невмешательство в международном морском праве) применительно к открытому морю⁴, делимитации территориального моря между государствами с противлежащими или смежными побережьями, правам прибрежных государств и государств, не имеющих выхода к морю, и другим институтам отрасли;

10) международные договорные нормы международного воздушного права системы ООН (невмешательство в международном воздушном праве) применительно к содействию аэронавигации, аэропортам и другим аэронавигационным средствам, авиатранспортным организациям совместной эксплуатации и другим институтам отрасли;

11) международные договорные нормы международного космического права системы ООН (невмешательство в международном космическом праве) применительно к исследованию и использованию космического пространства⁵, объектам, запускаемым в космос⁶, спасанию и возвращению космонавтов и объектов⁷, а также к другим институтам отрасли;

12) международные договорные нормы международного права окружающей среды системы ООН (невмешательство в международном праве окружающей среды) применительно к сохранению биологического разнообразия⁸, природного наследия⁹, водно-болотных ресурсов международного значения¹⁰ и к другим институтам отрасли;

13) международные договорные нормы международного экономического права системы ООН (невмешательство в международном экономическом праве) применительно к реализации экономических прав и исполнению экономических обязанностей государствами¹¹, предоставлению торговых преференций между развивающимися странами¹² и к другим институтам отрасли.

Также отдельно необходимо обратить внимание на источники, способствующие выявлению норм международного права системы ООН, определяющих невмешательство:

1) Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН 1970 г. в совокупности со множеством резолюций ГА ООН по их рассмотрению;

2) определение агрессии, утвержденное Резолюцией ГА ООН № 3314 (XXIX) от 14 декабря 1974 г.;

3) акты МС ООН по делу, касающемуся действий вооруженного характера и связанных с ними на территории Никарагуа и против его суверенитета (*Никарагуа против*

¹ Принципы международного сотрудничества в отношении обнаружения, ареста, выдачи и наказания лиц, виновных в военных преступлениях и преступлениях против человечества.

² Конвенция о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества.

³ Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него.

⁴ Международная конвенция относительно вмешательства в открытом море в случаях аварий, приводящих к загрязнению нефтью.

⁵ Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела.

⁶ Конвенция о регистрации объектов, запускаемых в космическое пространство.

⁷ Соглашение о спасании космонавтов, возвращении космонавтов и возвращении объектов, запущенных в космическое пространство.

⁸ Конвенция о биологическом разнообразии.

⁹ Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия.

¹⁰ Конвенция о водно-болотных угодьях, имеющих международное значение, главным образом, в качестве местобитаний водоплавающих птиц.

¹¹ Хартия экономических прав и обязанностей государств.

¹² Соглашение о глобальной системе торговых преференций между развивающимися странами.

США): постановление МС ООН от 10 мая 1984 г. (временные меры)¹, постановление МС ООН от 4 октября 1984 г. (вступление в дело Сальвадора)², решение МС ООН от 26 ноября 1984 г. (юрисдикция и подсудность)³, решение МС ООН от 27 июня 1986 г. (по существу спора)⁴. В частности, представители доктрины обращают внимание на указанные акты МС ООН в целях определения института просьбы о помощи⁵ и института допустимых пределов вмешательства⁶;

4) Резолюция ГА ООН № 377 (V) от 1 ноября 1950 г. «Единство в пользу мира»;

5) Доклад Института международного права по результатам Невшательской сессии 1900 г.⁷;

6) Доклад Международной комиссии по вопросам вмешательства и государственного суверенитета № 57/303 от 26 июля 2002 г. и другие вспомогательные источники.

Именно так, ссылаясь на все конкретные нормы Устава ООН и отраслевые договоры, созданные этой Организацией, обращая внимание на взаимосвязи со всеми договорными нормами отраслей международного права ООН, подкрепляя *opinio juris* информацией из вспомогательных источников, необходимо обозначить нормативную базу для определения невмешательства в системе норм международного права ООН.

На настоящем этапе исследования под нормами о невмешательстве в системе международного права ООН следует понимать систему норм договорного и обычного характера, обладающих принципиальным значением для всей системы правового регулирования международных отношений, предметом регулирования которых являются отношения по взаимодействию воле субъектов международного права, а целью регулирования – недопущение их подмены или подчинения, при их неизбежной взаимной деформации⁸. Таким образом, в настоящей работе была сделана попытка «общими мазками» определить перечень норм, составляющих эту совокупность. Излишне надеяться на полноту этого перечня, что позволяет с оптимизмом оценить потенциал дальнейшего исследования заявленной проблематики.

Список литературы

Лазутин Л. А. Право международной безопасности как отрасль современного международного права: дискуссионные вопросы // Право международной безопасности: современное видение и сопутствующие проблемы международного сотрудничества: межвуз. сб. науч. тр. Екатеринбург: Урал. гос. юрид. акад., 2011. С. 4–11.

Субъекты современного международного права: моногр. / О. И. Тиунов [и др.]; отв. ред. О. И. Тиунов. М.: Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве РФ; ИНФРА-М, 2023. 184 с. DOI: 10.12737/17052. URL: <https://znanium.ru/catalog/product/2011479> (дата обращения: 18.02.2026).

Тункин Г. И., Шестаков Л. Н. Теория международного права: моногр. М.: ИКД «Зерцало-М», 2016. 416 с. URL: <https://znanium.ru/catalog/product/2177734> (дата обращения: 18.02.2026).

Циммерман М. А. Вмешательство и признание в международном праве. Прага: Пламя, 1926. 248 с.

Corten O. Is an Intervention at the Request of a Government Always Allowed? From a «Purpose-Based Approach» to the Respect of Self-Determination // Heidelberg Journal of International Law. 2019. № 79. P. 677–679.

¹ URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/70/070-19840510-ORD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 26.01.2026).

² URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/70/070-19841004-ORD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 26.01.2026).

³ URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/70/070-19841126-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 26.01.2026).

⁴ URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/70/070-19860627-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 26.01.2026).

⁵ Papastavridis E. Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America), 1986. Latin American and the International Court of Justice. Contributions to international law / ed. by P. W. Almeida, J. Sorel. N. Y.: Routledge, 2017. P. 211–222.

⁶ Nolte G. Intervention by Invitation // The Law of Armed Conflict and the Use of Force: The Max Planck Encyclopedia of Public International Law / ed. by F. Lachenmann, R. Wolfrum. Oxford: OUP, 2017. P. 587.

⁷ IDI, Droits et devoirs des Puissances étrangères, au cas de mouvement insurrectionnel, envers les gouvernements établis et reconnus qui sont aux prises avec l'insurrection. URL: https://www.idi-iil.org/app/uploads/2017/06/1900_neu_02_fr.pdf (дата обращения: 26.01.2026).

⁸ Циммерман М. А. Вмешательство и признание в международном праве. Прага: Пламя, 1926. С. 75.

Guerreiro A. The Legal Status of the Principle of Non-intervention // Московский журнал международного права. 2022. № 1. С. 6–26.

Kritsiotis D., Corten O., Fox G. H. *Armed intervention and consent*. Cambridge; N. Y.; Port Melbourne; New Delhi; Singapore: Cambridge University Press, 2023. 338 p.

Martens G. F. *Précis du droit des gens moderne de l'Europe*. P.: Guillaumin et Cie, 1864. Vol. 1. 496 p.

Nolte G. Intervention by Invitation // *The Law of Armed Conflict and the Use of Force: The Max Planck Encyclopedia of Public International Law* / ed. by F. Lachenmann, R. Wolfrum. Oxford: OUP, 2017. P. 583–590.

Papastavridis E. Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America), 1986 // *Latin American and the International Court of Justice. Contributions to international law* / ed. by P. W. Almeida, J. Sorel. N. Y.: Routledge, 2017. P. 211–222.

References

Corten O. (2019) Is an Intervention at the Request of a Government Always Allowed? From a «Purpose-Based Approach» to the Respect of Self-Determination'. In *Heidelberg Journal of International Law*, no. 79, pp. 677–679.

Guerreiro A. (2022) The Legal Status of the Principle of Non-intervention. In *Moskovskii zhurnal mezhdunarodnogo prava*, no. 1, pp. 6–26.

Kritsiotis D., Corten O., Fox G. H. (2023) *Armed intervention and consent*. Cambridge, New York, Port Melbourne, New Delhi, Singapore, Cambridge University Press, 388 p.

Lazutin L. A. (2011) Pravo mezhdunarodnoi bezopasnosti kak otrasl' sovremennogo mezhdunarodnogo prava: diskussionnye voprosy [International security law as a branch of modern international law: controversial issues]. In *Pravo mezhdunarodnoi bezopasnosti: sovremennoe videnie i soptstvuyushchie problemy mezhdunarodnogo sotrudnichestva: mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov*. Yekaterinburg, Ural'skaya gosudarstvennaya yuridicheskaya akademiya, pp. 4–11.

Martens G. F. (1984) *Précis du droit des gens moderne de l'Europe*. Paris, Guillaumin et Cie, vol. 1, 496 p.

Nolte G. (2017) Intervention by Invitation. In Lachenmann F., Wolfrum R. (Eds.) *The Law of Armed Conflict and the Use of Force: The Max Planck Encyclopedia of Public International Law*. Oxford, OUP, pp. 583–590.

Papastavridis E. (2017) Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America), 1986. In Almeida P. W., Sorel J. (Eds.) *Latin American and the International Court of Justice. Contributions to international law*. New York, Routledge, pp. 211–222.

Tiunov O. I., et al. (2023) *Sub'ekty sovremennogo mezhdunarodnogo prava: monografiya* [Subjects of Modern International Law: monography]. Moscow, Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossiiskoi Federatsii, INFRA-M, 184 p., DOI: 10.12737/17052, available at: <https://znanium.ru/catalog/product/2011479> (accessed: 18.02.2026).

Tsimmerman M. A. (1926) *Vmeshatel'stvo i priznanie v mezhdunarodnom prave* [Intervention and recognition in international law]. Praga, Plamya, 248 p.

Tunkin G. I., Shestakov L. N. (2016) *Teoriya mezhdunarodnogo prava: monografiya* [Theory of International Law: monography]. Moscow, IKD «Zertsalo-M», 416 p., available at: <https://znanium.ru/catalog/product/2177734> (accessed: 18.02.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 18.02.2026

Дата принятия рукописи в печать: 23.03.2026

УДК / UDC 341

DOI: 10.34076/22196838_2026_2_42

ПРОБЛЕМА GPS-СПУФИНГА В МЕЖДУНАРОДНОМ МОРСКОМ ПРАВЕ

Нургалиева Евгения Рамильевна

Стажер ФАУ «Российский морской регистр судоходства» (Москва),
ORCID: 0009-0004-9962-0345, e-mail: jane.north123@mail.ru.

Статья посвящена комплексному анализу международно-правовых вызовов, порождаемых навигационным спуфингом (умышленным искажением сигналов) для безопасности морского судоходства. Автор констатирует, что, несмотря на трансформацию данной угрозы из гипотетической уязвимости в осязаемый системный риск, в современном международном праве сохраняется значительный нормативный вакуум. Действующие ключевые конвенции, такие как Конвенция ООН по морскому праву 1982 г. и Международная конвенция по охране человеческой жизни на море 1974 г., не содержат прямых положений о спуфинге, что порождает проблемы с квалификацией, атрибуцией атак и установлением юрисдикции, однако иные правовые документы, в частности Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства 1988 г., обладают потенциалом для противодействия этой угрозе при расширительном толковании. В качестве основного результата исследования предлагается многоуровневая стратегия совершенствования правового режима. Ее ключевыми элементами являются: инициатива по разработке в рамках ИМО разъяснительного документа, прямо квалифицирующего спуфинг как преступление; усиление роли «мягкого права» через механизмы мониторинга и отчетности Международного союза электросвязи; интеграция в правовое поле обязательных технических стандартов, включая резервные наземные системы навигации и протоколы криптографической аутентификации данных. Сделан вывод, что эффективный ответ требует синтеза международного и национального нормотворчества, технологической стандартизации и создания новых форматов оперативного межведомственного и межгосударственного сотрудничества для формирования целостного технико-правового поля для обеспечения безопасности морской навигации.

Ключевые слова: GPS-спуфинг, международное морское право, безопасность мореплавания, Международный союз электросвязи, Конвенция ООН по морскому праву 1982 г., кибербезопасность на море

Для цитирования: Нургалиева Е. Р. Проблема GPS-спуфинга в международном морском праве // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2026. № 2. С. 42–52. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2026_2_42.

THE PROBLEM OF GPS SPOOFING IN THE LAW OF THE SEA

Nurgalieva Evgeniia

Trainee, FAI «Russian Maritime Register of Shipping» (Moscow),
ORCID: 0009-0004-9962-0345, e-mail: jane.north123@mail.ru.

The article is dedicated to a comprehensive analysis of the international legal challenges posed by navigation spoofing (deliberate distortion of signals) to maritime safety. The author finds that despite the evolution of this threat from a hypothetical vulnerability into a tangible systemic risk, a significant legal vacuum persists in contemporary international law. While key existing conventions, such as United Nations Convention on the Law of the Sea of 1982 and International Convention for the Safety of Life at Sea of 1974, lack direct provisions on spoofing, leading to problems with qualification, attribution of attacks and jurisdiction establishment, while other legal mechanisms, particularly the Convention for the Suppression of Unlawful Acts against the Safety of Maritime Navigation of 1988, hold potential to counter this threat

through broad interpretation. As the main research outcome, a multi-level strategy for improvement of the legal regime is proposed. Its key elements include: an initiative to develop an explanatory instrument within the International Maritime Organisation that explicitly qualifies spoofing as a crime; enhancing the role of «soft law» through the monitoring and reporting mechanisms of the International Telecommunication Union; integrating mandatory technical standards into the legal framework, including backup terrestrial navigation systems and cryptographic data authentication protocols. It is concluded that an effective response requires a synthesis of international and national rulemaking, technological standardization and the creation of new formats for operational interagency and interstate cooperation to form a comprehensive technical and legal framework to ensure the security of maritime navigation.

Key words: GPS spoofing, the Law of the Sea, maritime safety, International Telecommunication Union, the United Nations Convention on the Law of the Sea of 1982, maritime cybersecurity

*For citation: Nurgalieva E. (2026) The problem of GPS spoofing in the Law of the Sea. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnaluu»*, no. 2, pp. 42–52, DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2026_2_42.*

Со стремительным развитием цифровых технологий значительно возросла угроза GPS-спуфинга – преднамеренного искажения спутниковых навигационных сигналов с целью введения в заблуждение судовых навигационных систем. Такого рода манипуляции создают многочисленные проблемы и подвергают значительному риску безопасность морского судоходства. Данная проблема приобретает особую актуальность в условиях роста автоматизации морского транспорта и расширения зон конфликтов, где применяются средства радиоэлектронной борьбы (далее – РЭБ), в частности в стратегически важных регионах, таких как Черное море, Персидский залив и Южно-Китайское море.

Эпоха цифровой навигации ознаменовала собой революцию в мореплавании, предоставив беспрецедентную навигационную точность и эффективность для осуществления глобальных морских перевозок. Однако эта прогрессивная зависимость от глобальных навигационных спутниковых систем (далее – ГНСС) выявила и уязвимость критической инфраструктуры морского транспорта. В отличие от простого подавления сигнала, спуфинг-атаки проводятся скрытно и представляют собой более сложную с технической точки зрения операцию, в связи с чем они способны длительное время оставаться незамеченными судовым экипажем. Последствия успешных атак носят системный характер: от морских аварий до дезорганизации глобальных логистических цепочек, причинения многомиллионных экономических убытков и создания угрозы человеческой жизни.

Несмотря на очевидность и масштабность угрозы, современный международно-правовой ландшафт демонстрирует значительное отставание в ее регулировании. Действующие международно-правовые нормы, прежде всего Конвенция ООН по морскому праву 1982 г. (далее – Конвенция 1982 г.) и Международная конвенция по охране человеческой жизни на море 1974 г.¹ (далее – СОЛАС-74), были приняты в иную технологическую эпоху и поэтому не содержат прямых положений, устанавливающих ответственность государств за проведение спуфинг-атак, хотя запрет искажения навигационных сигналов и содержится в тексте конвенций. Этот нормативный вакуум порождает серьезные проблемы с квалификацией подобных актов, установлением юрисдикции и атрибуцией атак, оставляя зону правовой неопределенности, которой активно пользуются лица, ведущие незаконную деятельность на море. Целью настоящего исследования является комплексный анализ международно-правовых вызовов, порождаемых GPS-спуфингом в отношении морских судов и морской навигации, и разработка на его основе системных предложений по совершенствованию правового режима безопасности мореплавания в этой области.

¹ Международная конвенция по охране человеческой жизни на море 1974 г. (СОЛАС-74) – текст, измененный Протоколом 1988 г. к ней, с поправками (с изм. на 24 мая 2018 г.).

Технические аспекты и проблематика

Современное мореплавание переживает парадоксальную эпоху: никогда еще навигация не была столь точной и никогда она не была столь уязвимой. Основа этой уязвимости кроется в фундаментальном несоответствии между технологической сложностью функционирования глобальных навигационных спутниковых систем и относительной простотой их обмана. В отличие от кибератак, требующих глубокого проникновения в защищенные сети, GPS-спуфинг атакует саму основу цифрового судовождения – доверие систем к принимаемому извне сигналу. Понимание технической природы, мотивации и многогранных последствий этой угрозы – необходимый фундамент для последующего правового анализа. Говоря о глобальных навигационных системах, выделяют три уровня их функционирования: космический, наземный и пользовательский. Множество спутников различных ГНСС находятся на околоземной орбите и посылают сигналы с определенной частотой (космический уровень), сигналы передаются на станции и антенны (наземные приемники), которые отслеживают и корректируют положение навигационных спутников на орбите (наземный уровень), и далее сигналы со спутников, проходя через сеть наземных ГНСС-приемников, сообщаются на отдельные устройства для определения их местоположения.

Помимо координат современные навигационные системы способны вычислять скорость и направление движения любых объектов, которые могут принимать сигналы от глобальных навигационных спутниковых систем. Так, в случае проведения спуфинг-атаки сигнал, идущий со спутника, прерывается и подменяется альтернативным сигналом, который уже доходит до приемника, непосредственно вызывая искажение и последующую передачу некорректной информации о местоположении отдельно взятого объекта в пространстве.

Технически этот процесс выглядит следующим образом: гражданский сигнал GPS не шифруется и передается в открытом виде, что изначально задумывалось для его широкой доступности; лицо, осуществляющее спуфинг-атаку, используя портативное и относительно доступное оборудование, генерирует и транслирует фиктивные спутниковые сигналы. Эти сигналы являются точной копией настоящих, но содержат искаженные данные. Мощность спуфинг-сигнала несколько превышает мощность реальных сигналов, поступающих из космоса, а приемник, запрограммированный на выбор наиболее чистого и мощного сигнала для обеспечения стабильности связи, принимает ложный сигнал за настоящий. Навигационная система начинает «сдвигать» вычисляемое местоположение судна в нужном атакующему направлении, в то время как экипаж может длительное время не замечать аномалий, особенно в условиях автоматизированного движения¹.

Следует уточнить, что ГНСС и GPS не являются тождественными понятиями, последнее – лишь разновидность первого. Помимо глобальных навигационных спутниковых систем, к коим относятся GPS (США), ГЛОНАСС (Россия), Galileo (ЕС) и Beidou (Китай), существуют и активно используются также региональные, в частности DORIS (Франция), QZSS (Япония), NAVIC (Индия). Принцип действия у ГНСС одинаковый, разница лишь в количестве спутников и их расположении на орбите, региональные же системы создаются в помощь глобальным и для повышения точности определения координат объектов на территории отдельных государств.

В научной литературе сформировалась устоявшаяся классификация GPS-спуфинга, которая включает четыре ключевые разновидности: асинхронный, синхронный, синхронный с применением множества передатчиков и его наиболее технологически продвинутая версия – синхронный спуфинг с использованием дронов в качестве мобильных платформ для ретрансляции сигналов². Фундаментальное различие между синхронным и асинхронным воздействием заключается в способности ложного сигнала интегрироваться в процесс корреляционного анализа, который является серд-

¹ Толстиков А. С., Ушаков А. Е. Противодействие спуфингу и повышение помехоустойчивости аппаратуры потребителя глобальных навигационных спутниковых систем // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2018. № 9. С. 319–327. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/protivodeystvie-spufingu-i-povyshenie-pomehoustoychivosti-apparatury-potrebitelya-globalnyh-navigatsionnyh-sputnikovyh-sistem/viewer> (дата обращения: 14.10.2025).

² Classification of Spoofing Attack Types / J. R. Van der Merwe [et al.] // 2018 European Navigation Conference (ENC). Piscataway: IEEE, 2018. P. 91–99.

цем любого ГНСС-приемника. Если спуфинг-сигнал не синхронизирован по фазе кода или доплеровскому смещению частоты, приемник распознает его как постороннюю помеху и автоматически исключает из дальнейших вычислений. Такой сценарий лежит в основе асинхронной атаки. Для ее успешной реализации атакующему необходимо добиться срыва слежения приемника за подлинными спутниковыми сигналами. Это достигается за счет подавления подлинного сигнала мощным спуфинг-излучением, которое в точке приема превосходит по мощности оригинальные сигналы. После того как устойчивая связь со спутниками потеряна, приемник, руководствуясь заложенным алгоритмом, перезапускает процедуру поиска и, находя более мощные ложные сигналы, начинает использовать их для определения координат. Синхронная атака представляет собой более изощренный и скрытый метод. В этом случае генерируемые спуфинговые сигналы являются практически идентичной копией реальных. Это позволяет навигационному приемнику незаметно для экипажа переключиться на ложный источник без какого-либо срыва слежения, что делает данную атаку крайне сложной для оперативного обнаружения. С точки зрения технической реализации асинхронный спуфинг остается наиболее доступным. Для его проведения достаточно универсальной программно-определяемой радиосистемы (*Software-Defined Radio, SDR*), чья стоимость на рынке невысока, и специализированного ПО, находящегося в открытом доступе. Такой нехитрый набор позволяет генерировать спутниковые сигналы с корректной модуляцией и структурой кода, присваивая им произвольные временные и координатные параметры. Наиболее примитивной, но от этого не менее распространенной формой такой атаки выступает генерация мощной широкополосной помехи на навигационных частотах, для чего используются компактные и легкодоступные в продаже глушилки.

Историческим примером, демонстрирующим реализуемость данной угрозы, стал показательный эксперимент группы студентов Техасского университета в 2013 г. Им удалось осуществить успешную спуфинг-атаку на дорогостоящую яхту, оснащенную многоканальной навигационной системой. Исследователи целенаправленно сгенерировали поддельный спутниковый сигнал, который был воспринят бортовым комплексом как истинный. В результате алгоритм вычисления, основанный на сравнении данных от нескольких источников, выдал ошибочные координаты, что привело к незаметному для экипажа отклонению судна от заданного курса. Важно подчеркнуть, что эксперимент проводился в контролируемых условиях с полного одобрения владельца судна, что предотвратило реальный ущерб, но наглядно показало уязвимость современной морской навигации¹.

В зависимости от цели проведения атаки спуфинг может быть самонаправленным (в доктринальных источниках его иногда называют «самоспуфинг»²) или направленным на другое судно. Первый вид спуфинг-атак зачастую применяется для сокрытия незаконной деятельности на море, перевозки ценностей и защиты судов от дронов и иных автопилотируемых летательных аппаратов, а второй – для ведения боевых действий, угона судов, совершения актов терроризма на море. Таким образом, мотивы совершения спуфинг-атак могут быть крайне разнообразны, что обуславливает необходимость их четкой правовой или доктринальной классификации для выработки адекватных ответов на возникшую технико-правовую угрозу.

Спуфинг-технологии активно применяются в совершении преступлений на море всевозможных видов и форм: незаконная перевозка людей, оружия, наркотиков, экологические преступления, угон морских судов, легализация денежных средств и иного имущества, полученных преступным путем, совершение актов морского терроризма. Более того, применение спуфинга террористическими группами для совершения актов навигационного саботажа выявило пробел в международном праве: отсутствие специального состава преступления для определения навигационного спуфинга как

¹ *Thomson I.* Texas students hijack superyacht with GPS-spoofing luggage // *The Register*. 2013. 29 July. URL: https://www.theregister.com/2013/07/29/texas_students_hijack_superyacht_with_gpsspoofing_luggage/ (дата обращения: 28.10.2025).

² *Очин Е. Ф.* Краткий анализ уязвимостей GNSS и LNSS с акцентом на спуфинг для морских автономных надводных и подводных аппаратов // *Уральский радиотехнический журнал*. 2020. Т. 4. № 2. С. 167–187. DOI: 10.15826/urej.2020.4.2.002. URL: <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/87654/1/urej-2020-2-02.pdf> (дата обращения: 23.10.2025).

акта морского терроризма, когда фактически спуфинг и иные формы технического вмешательства в работу судов вполне можно относить к случаям морского терроризма¹.

В сфере ведения боевых действий спуфинг стал неотъемлемым элементом гибридной войны. Его применение для дестабилизации судоходства в стратегических проливах, создания виртуальных блокад или тайного угона судов представляет собой фундаментальную проблему для международного права. Ключевой сложностью является вопрос атрибуции: в отличие от традиционного акта агрессии, спуфинг-атака может быть осуществлена дистанционно, с территории третьих стран или с гражданских судов, что позволяет государству-инициатору правдоподобно отрицать факт своей причастности. Это ставит под вопрос применимость ст. 91 Конвенции 1982 г. о национальности судна и ст. 94 об обязанностях государства флага, поскольку установление связи между государством и конкретной спуфинг-атакой требует сложнейшего технико-криминалистического анализа, не предусмотренного традиционными морскими протоколами, а также потенциально нарушает один из основных принципов международного морского права – принцип исключительной юрисдикции государства флага судна в открытом море, который предусматривает, что в отношении судна, находящегося в открытом море, а также всех лиц на его борту и их имущества действует исключительно законодательство государства флага, под которым плавает данное судно². Таким образом, проблема спуфинга требует не просто точечных изменений, но переосмысления подходов к обеспечению морской безопасности в условиях технологической революции. Необходима разработка специальных протоколов к существующим конвенциям, создание международных механизмов мониторинга навигационной целостности и формирование единых стандартов по противодействию киберугрозам в мореплавании.

Последствия GPS-спуфинга носят каскадный характер, начиная от локальной навигационной ошибки и потенциально заканчивая глобальными последствиями; спуфинг как явление обладает высокой потенциальной криминогенностью.

Прямые угрозы наиболее очевидны: искажение курса может незаметно привести судно на мелководье, что чревато опасной посадкой на мель, повреждением корпуса и разливом топлива. В условиях интенсивного движения, особенно вблизи портов, спуфинг (подмена данных о местоположении соседних судов на экране радара) может спровоцировать столкновение двух судов; учитывая размеры и грузы современных контейнеровозов и танкеров, такие инциденты несут крайне высокие риски для человеческих жизней, окружающей среды и портовой инфраструктуры. Соккрытие ведения преступной деятельности на море посредством спуфинга ведет к увеличению масштабов транснациональной организованной преступности на море. Манипулируя данными автоматических идентификационных систем (далее – AIS) и GPS, преступные синдикаты создают «цифровые фантомы», позволяя судам-нарушителям безнаказанно осуществлять незаконный промысел в охраняемых акваториях, проводить перевалки контрабандных ресурсов в открытом море под видом легальной деятельности, а также полностью маскировать маршруты следования судов, используемых для работоторговли и наркотрафика.

Косвенные угрозы, хотя и менее наглядны, не менее опасны в долгосрочной перспективе. Надежность глобальных логистических цепочек, являющихся кровеносной системой мировой экономики, основана на точном навигационном прогнозировании: систематические спуфинг-атаки, вызывая задержки рейсов, отклонения от маршрутов и необходимость сложных проверок, могут привести к их полному разрыву. Финансовые потери исчисляются миллионами долларов в день из-за простоя судов, штрафов за несоблюдение сроков поставки и страховых выплат.

Однако самым разрушительным долгосрочным последствием выступает подрыв доверия к самой системе морской навигации. Если судовладельцы и капитаны перестанут воспринимать данные ГНСС как достоверные, это отбросит мореплавание на десятилетия назад, вынуждая полагаться на менее эффективные и более трудоемкие методы, что неизбежно скажется на стоимости и объеме всех международных перевозок.

¹ Колодкин А. Л., Гуцуляк В. Н., Боброва Ю. В. Мировой океан. Международно-правовой режим. Основные проблемы. М.: Статут, 2007. С. 191–193.

² Международное право. Особенная часть: учеб. / отв. ред. Р. М. Валеев, Г. И. Курдюков. М.: Статут, 2010. С. 416.

Яркой иллюстрацией этих угроз служат многочисленные зафиксированные спуфинг-атаки. В 2017 г. в Черном море было зарегистрировано более 20 случаев, когда морские суда вблизи российского побережья неожиданно «обнаруживали» себя в 25–30 милях от реального положения, в глубине суши, в районе аэропорта¹. В 2019–2021 гг. в восточной части Средиземного моря и у берегов Сирии суда сообщали о серьезных неполадках с GPS, что связывают с активным применением средств РЭБ в регионе, вследствие чего транзиты через Ормузский пролив упали на 20 % в течение одной недели². У берегов КНДР годами фиксируются случаи «кочевого» спуфинга, когда суда, находящиеся в международных водах, получают сигналы, «переносимые» их в места, отличные от фактического местоположения, в том числе на сушу, что уже более 10 лет последовательно создает угрозу как для морских, так и для воздушных судов в регионе³.

Таким образом, GPS-спуфинг трансформировался из гипотетической уязвимости в осязаемую и многофакторную угрозу для морского судоходства. Его техническая простота, разнообразие мотиваций и способность вызывать системные долгосрочные последствия требуют адекватного и столь же комплексного ответа, который должен быть выстроен на прочном международно-правовом фундаменте. Понимание природы и масштаба рисков позволяет перейти к детальному анализу несовершенств существующих правовых механизмов, призванных эти риски нивелировать.

Анализ относимых норм международного права

Что касается конвенционного регулирования, термин «спуфинг» не содержится ни в одной из действующих международных конвенций, так как само понятие спуфинга – относительно новое и еще не успело найти отражение в правовом поле, однако в тексте некоторых документов можно найти положения о запрете создания помех для морских навигационных систем и иные указания на то, что фактически представляет собой спуфинг-атаки. Например, в Конвенции 1982 г. есть отдельная статья, запрещающая несанкционированное вещание в открытом море и закрепляющая, в судах каких государств лицо, осуществляющее такое вещание, может быть привлечено к ответственности (ст. 109). Также Конвенция содержит положение об ответственности в случае столкновения или какого-либо другого навигационного инцидента с судном в открытом море (ст. 97), но из текста не вполне понятно, что считается «другим навигационным инцидентом» и можно ли распространить действие этой статьи на случаи проведения спуфинг-атаки.

Если руководствоваться исключительно положениями Конвенции 1982 г., остается много вопросов относительно соотношения спуфинга и несанкционированного радиовещания и осуществления такого вещания за пределами открытого моря, а также соотношения спуфинга и навигационных инцидентов. Отвечая на первый вопрос, можно предположить, что понятие спуфинг-атаки будет подпадать под определение несанкционированного радиовещания для целей рассматриваемой Конвенции, однако представляется, что понятие спуфинга несколько шире в связи с тем, что последний включает в себя не только передачу альтернативной звуковой радио- или телепрограммы с судна или установки, но и прерывание спутникового сигнала и последующее нарушение работы всей судовой или прибрежной системы навигации. Касательно же регулирования или запрета спуфинг-атак в территориальном море и исключительной экономической зоне государств, на данный момент, несмотря на некоторую пробельность конвенционного регулирования, вызванную устареванием договоров в контексте анализируемого вопроса, относимые к нему положения содержатся как в текстах международных конвенций, так и в национальном законодательстве отдельных морских держав.

Помимо Конвенции 1982 г. особый интерес в данном контексте представляет СОЛАС-74, которая является ключевым международным договором, регулирующим

¹ *Hambling D.* Ships fooled in GPS spoofing attack suggest Russian cyberweapon // *NewScientist*. 2017. 10 August. URL: <https://www.newscientist.com/article/2143499-ships-fooled-in-gps-spoofing-attack-suggest-russian-cyberweapon/> (дата обращения: 25.10.2025).

² GPS-глушение ежедневно нарушает работу около тысячи судов на Ближнем Востоке // *Интерфакс*. 2025. 20 июня. URL: <https://www.interfax.ru/world/1032231> (дата обращения: 25.10.2025).

³ Южная Корея призывает КНДР не глушить сигналы систем GPS // *Интернет-портал «Российской газеты»*. 2012. 10 мая. URL: <https://rg.ru/2012/05/10/korei-anons.html> (дата обращения: 25.10.2025).

безопасность мореплавания, в связи с чем часто называется в доктрине «библией морской безопасности». По большей части требования к навигационному оборудованию на морских судах изложены именно в этой Конвенции. В частности, она содержит отдельную главу о радиосвязи (гл. IV) и главу о безопасности мореплавания, которая, в свою очередь, включает в себя положения, регулирующие работу систем судовых сообщений (ССС) и служб управления движением судов (СУДС), установку и эксплуатацию средств навигационного оборудования, электромагнитную совместимость, освидетельствование и эксплуатационные требования к навигационным системам, оснащение судов навигационными системами и оборудованием и пр. (гл. V, правила 11–13, 17–19). Однако в связи со спецификой предмета регулирования СОЛАС-74 она не содержит положений об ответственности в случае нарушения эксплуатационных требований к навигационным системам и информации о порядке регулирования подобных инцидентов. Этот пробел во многом все еще не полностью регулируется ст. 3 Конвенции о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства 1988 г. (далее – Конвенция SUA), которая содержит положение о том, что «любое лицо совершает преступление, если оно незаконно и преднамеренно... разрушает морское навигационное оборудование, или наносит ему серьезное повреждение, или создает серьезные помехи его эксплуатации, если любой такой акт может угрожать безопасному плаванию судна; или сообщает заведомо ложные сведения, создавая тем самым угрозу безопасному плаванию судна». Данное положение вполне логично дополняет статью об ответственности в случае навигационного инцидента в Конвенции 1982 г., здесь уже не встает вопрос об относимости GPS-спуфинга к содержанию статьи, так как сформулирована она более конкретно. В целом действующие международные конвенции весьма полно регулируют вопросы морской навигации, в частности содержат требования к работе и технической начинке судовых ГНСС, передаче радиосигналов, работе автоматических идентификационных систем, передаче данных о местоположении судов, работе радиолокационных станций, наличию резервного оборудования, однако вопросы атрибуции, ответственности, расследований навигационных инцидентов и квалификации спуфинг-атак как явления не урегулированы.

Кроме международно-правового регулирования можно говорить, конечно, о том, что GPS-спуфинг может запрещаться или, как минимум, отслеживаться на национальном уровне, однако национальное законодательство является локальным регулятором и не заполняет пробелы в регламентации, так как не решает проблему искажения навигационных сигналов вне границ территории государства, например в открытом море. Цель национального регулирования в подобных вопросах изначально заключается в обеспечении безопасности внутри одного государства, поэтому запрет GPS-спуфинга на национальном уровне не влечет за собой его запрета как средства радиоэлектронной борьбы в зонах межгосударственных конфликтов, зачастую государства могут даже оправдывать спуфинг-атаки военной необходимостью. Более того, в большинстве государств спуфинг законодательно не криминализован, а запрещен лишь на административном уровне или не запрещен вовсе, что также открывает пространство для злоупотреблений из-за наличия исключительно административных санкций, часто в виде небольших штрафов. Например, в Российской Федерации, несмотря на отсутствие понятия «спуфинг» в законодательстве, предусмотрена административная статья об изготовлении или установке радиоэлектронных средств и высокочастотных устройств без лицензии (влечет наложение административного штрафа и изъятие упомянутых устройств – ст. 13.3 КоАП РФ).

Во многом пробелы в международно-правовом поле заполняются актами рекомендательного характера отдельных международных межправительственных организаций. В контексте навигационной безопасности «мягкое» регулирование осуществляется прежде всего с помощью резолюций Международной морской организации (далее – ИМО) и регламента Международного союза электросвязи (далее – МСЭ). Акты ИМО предлагают, как и изложенные выше конвенции, по большей части общее регулирование вопросов, связанных с морской навигацией, в частности технические требования к навигационному оборудованию¹, положения о всемирной радионавигаци-

¹ IMO Resolution A.915(22) (2002) on Revised Maritime Policy and Requirements for a Future GNSS.

онной системе¹, эксплуатационные требования к радиоприемникам² и пр. Таким образом, резолюции ИМО дополняют и конкретизируют конвенционное регулирование, но не содержат точечных положений, которые запрещали бы GPS-спуфинг. Эту проблему решают регламент и рекомендации МСЭ, в которых устанавливаются глобальные технические и операционные стандарты, определяется понятие «помеха»³, дается классификация навигационных помех и устанавливается запрет на их создание⁴.

Международный союз электросвязи – международная организация, которая является специализированным учреждением ООН и в рамках которой правительствами и частным сектором координируются глобальные сети и услуги электросвязи посредством принятия решений на Всемирных конференциях радиосвязи и включения их в регламент. Кроме того, в основе регламента МСЭ лежит его Устав, который содержит, в частности, положение о том, что станции, каковы бы ни были их цели, должны устанавливаться и эксплуатироваться таким образом, чтобы не причинять вредных помех радиослужбам или радиосвязи (ст. 45), и положение о необходимости сотрудничества между государствами-членами в целях предотвращения передачи ложных или вводящих в заблуждение сигналов (ст. 47). В условиях, когда технологические решения (такие как использование зашифрованных сигналов) имеют свои ограничения, а национальные инициативы носят локальный характер, МСЭ выступает в качестве центрального элемента глобального ответа на угрозу GPS-спуфинга. Через свой обязательный Регламент радиосвязи, механизмы мониторинга и давление через многостороннее сотрудничество МСЭ закладывает фундамент международно-правового поля, в котором спуфинг рассматривается не просто как техническая неполадка, а как нарушение международных норм, угрожающее безопасности мореплавания в мировом масштабе.

Международный союз электросвязи совместно с Международной организацией гражданской авиации (далее – ИКАО) и Международной морской организацией, выразив серьезную озабоченность ростом вредных помех, предложил странам комплексный подход для защиты радионавигационной спутниковой службы. Организации призывают государства-членов активно предотвращать вредные помехи, которые могут катастрофически нарушать работу авиации и морских операций, повышать устойчивость навигационных систем и сохранять традиционную навигационную инфраструктуру в качестве резерва. Для противодействия угрозам необходимо межведомственное сотрудничество регуляторов, авиационных, морских и правоохранительных органов. Особое внимание уделяется мониторингу и отчетности: все инциденты должны направляться в Бюро радиосвязи МСЭ для глобального анализа. Этот коллективный призыв подчеркивает, что безопасность критических отраслей зависит от усиления защитных мер, устойчивости инфраструктуры и тесного международного сотрудничества⁵.

Пути совершенствования международно-правового и национального регулирования

Стремительная цифровизация морской навигации, характеризующаяся повсеместным внедрением глобальных навигационных спутниковых систем, породила парадокс: беспрецедентная точность позиционирования обернулась равной ей уязвимостью. Угроза GPS-спуфинга эволюционировала из теоретической уязвимости в осязаемый системный риск, способный подорвать безопасность мореплавания, дестабилизировать глобальные логистические цепочки и создать благоприятную среду для транснациональной преступности. Техническая простота осуществления атаки, требующая лишь доступного оборудования и минимальных знаний, контрастирует

¹ IMO Resolution A.1046(27) (2011) on Worldwide Radionavigation System.

² IMO Resolution MSC.401(95) (2015) on Performance Standards for Multi-system Shipborne Radionavigation Receivers.

³ Международный союз электросвязи. Регламент радиосвязи // Международный союз электросвязи. Женева: МСЭ, 2024. Гл. I. Ст. 1. Разд. VII. П. 1.166.

⁴ Там же. Гл. IV. Ст. 15. Разд. I-III.

⁵ Joint statement by The Secretary General of the International Telecommunication Union, The Secretary General of the International Civil Aviation Organization, The Secretary General of the International Maritime Organization regarding protection of the radio navigation satellite service from harmful interference (Geneva, 17 March 2024).

с колоссальной сложностью выработки адекватного международно-правового ответа. Правовой ландшафт, сформированный в докибернетическую эпоху и опирающийся на такие столпы, как Конвенция 1982 г. и СОЛАС-74, демонстрирует фундаментальный нормативный вакуум в отношении квалификации, атрибуции и пресечения спуфинг-атак. Этот вакуум создает «серую зону», которой активно пользуются как негосударственные акторы для сокрытия незаконной деятельности, так и государства, применяющие спуфинг в качестве инструмента гибридной войны. Выход из сложившейся ситуации лежит не в революционном пересмотре существующих конвенций, что является долгим и политически сложным процессом, а в разработке комплексной многоуровневой стратегии, интегрирующей толкование действующих норм, развитие «мягкого права» и внедрение технологических и операционных контрмер.

Ключевым направлением выступает активизация существующих правовых механизмов и определение относимых понятий, в частности «спуфинг» и «спуфинг-атака». Хотя Конвенция 1982 г. и СОЛАС-74 прямо не запрещают спуфинг, их нормы допускают расширительное толкование. Статья 109 Конвенции ООН по морскому праву о запрете несанкционированного вещания может распространяться на спуфинг как на передачу ложных навигационных данных. Наиболее же действенным инструментом выступает Конвенция SUA, ст. 3 которой криминализирует умышленное создание серьезных помех навигационному оборудованию или сообщение заведомо ложных сведений, что непосредственно характеризует спуфинг-атаку. Для эффективного противодействия необходима инициатива государств-членов ИМО по разработке разъяснительного документа, который прямо квалифицировал бы спуфинг как преступление по смыслу действующих конвенций, обязав государства включить его в национальные уголовные кодексы, что создаст универсальную основу для расследования преступлений, совершенных с применением спуфинг-технологий.

Помимо уточнения «жесткого» регулирования необходимо наращивать потенциал Бюро радиосвязи МСЭ по сбору, анализу и атрибуции данных о спуфинг-инцидентах, создав единую международную платформу для их отчетности. Это позволит перейти от единичных дипломатических демаршей к системному давлению на государства через механизмы Радиорегламентарного комитета (далее – РРК), который может официально призывать конкретные администрации к соблюдению международных правил. Например, в случае рассмотрения Бюро радиосвязи заявок о причинении вредных помех и отчетов о расследованиях в отношении нерешенных случаев помех, проводимых Бюро по заявке одной или более администраций, которые передаются в ведение РРК, комитет может запросить у морской администрации государства, которое считается ответственным за источник вредных помех, объяснения и потребовать принять меры по прекращению нарушений Регламента радиосвязи¹.

Технологический и операционный ответ должен быть интегрирован в правовое поле через резолюции ИМО и стандарты МСЭ. Уязвимость гражданской авиации и мореплавания проистекает из зависимости от незашифрованных сигналов, в связи с чем путь к устойчивой и безопасной системе лежит через многослойный подход. Прежде всего это внедрение и стандартизация систем, усиливающих ГНСС, таких как eLoran (улучшенная Loran-C), которая использует защищенные от спуфинга мощные наземные сигналы низкой частоты и может служить надежным резервом для навигационных систем. ИМО должна ускорить принятие требований об оснащении судов приемниками, интегрирующими данные от различных ГНСС (GPS, ГЛОНАСС, Galileo, Beidou) и наземных резервных систем. Кроме того, необходимо развивать и внедрять бортовые системы мониторинга целостности сигнала (*Receiver Autonomous Integrity Monitoring – RAIM*)² и более совершенные их версии (*Advanced RAIM*), способные в реальном времени обнаруживать аномалии и перекрестно проверять данные с инерциальных навигационных систем, доплеровских лагов и другой независимой аппаратуры³. Требования к таким системам и процедуры действий экипажа при сра-

¹ Международный союз электросвязи. Регламент радиосвязи. Гл. IV. Ст. 15. Разд. VI. П. 15.46.

² Receiver Autonomous Integrity Monitoring (RAIM) // Stanford GPS Lab, Aeronautics & Astronautics Department. URL: <https://gps.stanford.edu/research/early-gpspnt-research/receiver-autonomous-integrity-monitoring-raim> (дата обращения: 28.10.2025).

³ Леонидов Н. В. Автономные алгоритмы контроля целостности навигационного поля применительно к ГНСС ГЛОНАСС // Космические аппараты и технологии. 2021. № 1. С. 44–50. DOI: 10.26732/j.st.2021.1.05.

батывании тревоги должны быть кодифицированы ИМО в виде обязательных поправок к СОЛАС-74.

Для противодействия использованию спуфинга в преступных целях требуется ужесточение и стандартизация протоколов работы автоматической идентификационной системы. Необходимо разработать и внедрить криптографические методы аутентификации передаваемых через AIS данных, чтобы сделать невозможным создание «цифровых фантомов» – судов, чье виртуальное местоположение не соответствует реальному.

Наконец, системный ответ невозможен без укрепления международного сотрудничества на оперативном уровне. Проблема атрибуции спуфинг-атак требует создания специализированных международных экспертных групп под эгидой ИМО и МСЭ, которые бы обладали техническим потенциалом для расследования сложных инцидентов и установления их источника. Механизмы обмена разведанными между государствами, а также между правоохранительными органами должны быть адаптированы для противодействия угрозе GPS-спуфинга. Совместное заявление МСЭ, ИМО и ИКАО, выражающее «серьезную озабоченность» ростом вредных помех¹, – это значимый политический сигнал, но за ним должны последовать конкретные действия рабочих групп и протоколы взаимодействия. Таким образом, путь решения проблемы спуфинга в международном морском праве является многомерным и требует синтеза правового творчества, технологической стандартизации и усиления оперативной кооперации. Он заключается не в отказе от достижений цифровой навигации, а в создании устойчивой экосистемы, где правовые нормы, технические стандарты и процедуры сотрудничества образуют единый защитный контур.

Список литературы

Колодкин А. Л., Гуцуляк В. Н., Боброва Ю. В. Мировой океан. Международно-правовой режим. Основные проблемы. М.: Статут, 2007. 637 с.

Леонидов Н. В. Автономные алгоритмы контроля целостности навигационного поля применительно к ГНСС ГЛОНАСС // Космические аппараты и технологии. 2021. № 1. С. 44–50. DOI: 10.26732/j.st.2021.1.05.

Международное право. Особенная часть: учеб. / отв. ред. Р. М. Валеев, Г. И. Курдюков. М.: Статут, 2010. 624 с.

Очин Е. Ф. Краткий анализ уязвимостей GNSS и LNSS с акцентом на спуфинг для морских автономных надводных и подводных аппаратов // Уральский радиотехнический журнал. 2020. Т. 4. № 2. С. 167–187. DOI: 10.15826/urej.2020.4.2.002. URL: <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/87654/1/urej-2020-2-02.pdf> (дата обращения: 23.10.2025).

Толстикова А. С., Ушаков А. Е. Противодействие спуфингу и повышение помехоустойчивости аппаратуры потребителя глобальных навигационных спутниковых систем // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2018. № 9. С. 319–327. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/protivodeystvie-spufigu-i-povyshenie-pomehoustoychivosti-apparatury-potrebitelya-globalnyh-navigatsionnyh-sputnikovyh-sistem/viewer> (дата обращения: 14.10.2025).

Classification of Spoofing Attack Types / J. R. Van der Merwe [et al.] // 2018 European Navigation Conference (ENC). Piscataway: IEEE, 2018. P. 91–99.

Hambling D. Ships fooled in GPS spoofing attack suggest Russian cyberweapon // NewScientist. 2017. 10 August. URL: <https://www.newscientist.com/article/2143499-ships-fooled-in-gps-spoofing-attack-suggest-russian-cyberweapon/> (дата обращения: 25.10.2025).

References

Hambling D. (2017) Ships fooled in GPS spoofing attack suggest Russian cyberweapon. In *NewScientist*, 10 Aug., available at: <https://www.newscientist.com/article/2143499-ships-fooled-in-gps-spoofing-attack-suggest-russian-cyberweapon/> (accessed: 25.10.2025).

Kolodkin A. L., Gutsulyak V. N., Bobrova Yu. V. (2007) *Mirovoi okean. Mezhdunarodno-pravovoi rezhim. Osnovnye problemy* [The world ocean. The international legal regime. The main problems]. Moscow, Statut, 637 p.

Leonidov N. V. (2021) Avtonomnye algoritmy kontrolya tselostnosti navigatsionnogo polya primenitel'no k GNSS GLONASS [Autonomous algorithms for monitoring the integrity of the navigation field in relation to GNSS GLONASS]. In *Kosmicheskie apparaty i tekhnologii*, no. 1, pp. 44–50, DOI: 10.26732/j.st.2021.1.05.

¹ Joint statement by The Secretary General of the International Telecommunication Union, The Secretary General of the International Civil Aviation Organization, The Secretary General of the International Maritime Organization regarding protection of the radio navigation satellite service from harmful interference.

Ochin E. F. (2020) Kratkii analiz uyazvimostei GNSS i LNSS s aktsentom na spufing dlya morskikh avtonomnykh nadvodnykh i podvodnykh apparatov [A brief analysis of the GNSS and LNSS vulnerabilities with a focus on spoofing for marine autonomous surface and underwater vehicles]. In *Ural'skii radiotekhnicheskii zhurnal*, vol. 4, no. 2, pp. 167–187, DOI: 10.15826/urej.2020.4.2.002, available at: <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/87654/1/urej-2020-2-02.pdf> (accessed: 23.10.2025).

Tolstikov A. S., Ushakov A. E. (2018) Protivodeistvie spufingu i povyshenie pomekhustoichivosti apparatury potrebitelya global'nykh navigatsionnykh sputnikovykh sistem [Countering spoofing and increasing the noise immunity of consumer equipment of global navigation satellite systems]. In *Interekspo Geo-Sibir'*, no. 9, pp. 319–327, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/protivodeystvie-spufingu-i-povyshenie-pomehustoychivosti-apparatury-potrebitelya-globalnyh-navigatsionnyh-sputnikovykh-sistem/viewer> (accessed: 14.10.2025).

Valeev R. M., Kurdyukov G. I. (Eds.) (2010) *Mezhdunarodnoe pravo. Osobennaya chast': uchebnik* [International law. The special part: textbook]. Moscow, Statut, 624 p.

Van der Merwe J. R., et al. (2018) Classification of Spoofing Attack Types. In *2018 European Navigation Conference (ENC)*. Piscataway, IEEE, pp. 91–99.

Дата поступления рукописи в редакцию: 05.11.2025

Дата принятия рукописи в печать: 23.03.2026

ДОКУМЕНТЫ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ КАК ИСТОЧНИКИ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРАВА: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Бояринцева Ольга Анатольевна

Доцент кафедры информационного права Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева (Екатеринбург), кандидат юридических наук, ORCID: 0000-0001-6538-8120, e-mail: olga-190786@yandex.ru.

Устюжанина Евгения Валерьевна

Преподаватель кафедры информационного права Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева (Екатеринбург), ORCID: 0000-0002-5631-627X, e-mail: y_e_@inbox.ru.

Статья посвящена актуализации в юридической науке вопроса отнесения документов стратегического планирования к источникам информационного права. Авторы приходят к выводу, что в условиях отставания законодательства от развития информационной сферы документы стратегического планирования не только формируют систему целеполагания и планирования взаимосвязанных мероприятий, но и выступают основой для легализации и концептуализации новых правовых явлений (цифровой профиль, искусственный интеллект, цифровая платформа, цифровое государственное управление) и способствуют формированию регуляторной среды для только формирующихся информационных отношений по поводу цифровых объектов права. В статье проведен анализ правовой природы документов стратегического планирования. Обосновывается, что документы стратегического планирования хотя и не представляют форму выражения традиционных норм права, но при этом обладают ключевыми признаками, позволяющими отнести их к источникам информационного права. Авторами предложено включение документов стратегического планирования в единую систему источников информационного права, что способствует обеспечению правовой определенности, устойчивости цифровой среды и защите прав субъектов информационных отношений в условиях, когда опережающее стратегическое планирование становится основным фактором правового развития в цифровую эпоху.

Ключевые слова: стратегическое планирование, источник права, цифровые объекты права, информационные правоотношения, документ стратегического планирования

Для цитирования: Бояринцева О. А., Устюжанина Е. В. Документы стратегического планирования как источники информационного права: постановка проблемы // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2026. № 2. С. 53–58. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2026_2_53.

STRATEGIC PLANNING DOCUMENTS AS SOURCES OF INFORMATION LAW: PROBLEM STATEMENT

Boyarintseva Olga

Associate professor, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg), candidate of legal sciences, ORCID: 0000-0001-6538-8120, e-mail: olga-190786@yandex.ru.

Ustyuzhanina Evgeniya

Lecturer, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg), ORCID: 0000-0002-5631-627X, e-mail: y_e_@inbox.ru.

The article is devoted to the actualization in legal science of the issue of attributing strategic planning documents to sources of information law. The authors conclude

that, given the lag between current legislation and the development of the information sphere, strategic planning documents not only form a system of goal-setting and planning of interrelated activities, but also form the basis for the legalization and conceptualization of new legal phenomena (digital profile, artificial intelligence, digital platform, digital public administration) and contribute to the formation of a regulatory environment for only the emerging information relations regarding digital objects of law. The article analyzes the legal nature of strategic planning documents. It is proved that strategic planning documents, although they do not represent a form of expression of traditional legal norms, but at the same time have key features that allow them to be attributed to sources of information law. The authors propose the inclusion of strategic planning documents in a unified system of sources of information law, which contributes to ensuring legal certainty, the sustainability of the digital environment and the protection of the rights of subjects of information relations in an environment where proactive strategic planning is becoming the main factor of legal development in the digital age.

Key words: strategic planning, source of law, digital objects of law, information legal relations, strategic planning document

*For citation: Boyarintseva O., Ustyuzhanina E. (2026) Strategic planning documents as sources of information law: problem statement. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 2, pp. 53–58, DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2026_2_53.*

Стратегическое планирование государства в современный период является устойчивой тенденцией формирования государственной информационной политики. К сожалению, стоит признать, что действующее законодательство отстает от технологических реалий информационной сферы, обуславливая правовую неопределенность в развитии цифровых процессов в условиях новых вызовов цифровой эпохи. В связи с этим государственное регулирование во многом осуществляется посредством принятия разного рода документов стратегического планирования.

Правовые основы стратегического планирования в нашей стране определены Федеральным законом от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ (ред. от 13 июля 2024 г.) «О стратегическом планировании в Российской Федерации», согласно которому стратегическое планирование – это осуществляемая в форме целеполагания, прогнозирования, планирования и программирования деятельность субъектов публичной власти, направленная на решение задач устойчивого социально-экономического развития Российской Федерации и обеспечение национальной безопасности. В законе раскрывается назначение каждой из обозначенных в определении форм стратегической деятельности государства. Цель формирования системы стратегического планирования заключается в создании действующего на основе единых принципов эффективного механизма согласованного взаимодействия от разработки стратегических документов до оценки достигнутых результатов.

В информационной сфере общественных отношений основным приоритетом на протяжении уже нескольких десятилетий является внедрение информационных технологий для повышения качества жизни и цифровой трансформации государства.

Реализация стратегических направлений государственной информационной политики по созданию новых правовых и технологических условий экономики данных и обеспечению технологического лидерства Российской Федерации основывается на единой системе согласованных друг с другом документов стратегического планирования, определяющих основной вектор цифрового развития страны.

Содержательный анализ этих документов позволяет сделать вывод о том, что они не только формируют систему целеполагания и планирования взаимосвязанных мероприятий в развитии информационной сферы, но и вводят определения новых для права понятий, устанавливают принципы, описывают общие параметры будущего правового регулирования, а в некоторых случаях – даже общие положения планируемых к принятию норм права, определяют содержательные требования к внедряемым информационным системам и цифровым платформам или иным информационным технологиям.

В законе документ стратегического планирования определяется как документированная информация, разрабатываемая, рассматриваемая и утверждаемая (одобряемая) органами публичной власти и иными участниками стратегического планирования. На наш взгляд, данное определение в полной мере не отражает правовой природы и юридического значения такого рода документов. Они представляют собой не просто информацию в документированном виде, а основной правовой инструмент в системе государственной информационной политики, обладающий четкими требованиями к содержанию, процедуре разработки, утверждения и обязательному исполнению. Официальную форму выражения и закрепления документам стратегического планирования придает их утверждение уполномоченными органами публичной власти. Именно процедура утверждения трансформирует проект документа в официальный акт стратегического планирования, наделяя его юридической силой. Это означает, что такой документ становится обязательным для исполнения в рамках установленной компетенции, порождает конкретные права и обязанности для участников планирования. Утвержденные показатели и цели, зафиксированные в документе, становятся единственными законными критериями для проведения мониторинга, контроля эффективности и оценки деятельности ответственных исполнителей.

Можно ли, исходя из значения в практике развития информационных отношений, признать документы стратегического планирования источниками информационного права?

Понятие «источник права» многозначно и в юриспруденции используется давно. Одной из ключевых исследовательских проблем теории права на протяжении длительного периода является вопрос соотношения источника права и формы права. От их определения, как справедливо отмечает С. В. Кодан, во многом зависит «понимание механизмов позитивации норм права в юридических текстах как формах выражения права и, соответственно, изучения юридических текстов как носителей государственно-правовой информации»¹.

С. С. Алексеев обращал внимание на обоснованность и плодотворность использования специального термина «источник права» при характеристике форм установления и выражения юридических норм. Ведь соответствующие объективированные формы являются носителями юридических норм².

В. М. Баранов рассматривает источники права в трех аспектах: в материальном смысле – как развивающиеся общественные отношения, выражающие социальную обусловленность права; в идеальном смысле – правовое сознание; в юридическом (формальном) смысле – различные формы (способы) выражения, объективизации правовых норм³.

В. Д. Перевалов определял источник права как форму официального выражения общеобязательных предписаний, создаваемых органами государственной власти в целях регламентации общественного порядка. Если исходить из общепринятого понимания термина «источник», то в публично-правовой сфере им можно считать реальную силу, создающую право. Такой силой, прежде всего, выступает власть государства, поскольку именно органы государственной власти уполномочены принимать правовые акты⁴. Объединяющей чертой всех современных источников права является их официальный характер: это документы, содержащие правовую (общеобязательную) информацию, устанавливающие права, обязанности либо ответственность физических и юридических лиц⁵.

Документы стратегического планирования хотя и не представляют форму выражения традиционных норм права, но при этом обладают ключевыми признаками, позволяющими отнести их к источникам информационного права: исходят от государства и носят официальный характер; обязательны к исполнению; выстроены в единую систему; содержат специальные положения, которые по своей природе можно отнести

¹ Кодан С. В. «Форма права», «источник права» и «источник познания права» как базовые понятия юридического источниковедения // *Личность, право, государство*. 2018. № 4. С. 44.

² Алексеев С. С. *Общая теория права*: в 2 т. Т. I. М.: Юрид. лит., 1981. С. 314–315.

³ Баранов В. М. *Формы (источники) права* // *Общая теория права. Курс лекций*. Н. Новгород: Изд-во Нижегород. ВШ МВД РФ, 1993. С. 249.

⁴ Перевалов В. Д. *Теория государства и права*: учеб. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2026. С. 138.

⁵ Там же. С. 139.

к дефинитивным нормам и нормам-принципам; в единстве с информационным законодательством способствуют формированию новой регуляторной среды для только формирующихся информационных отношений по поводу цифровых объектов права.

Например, в Стратегии развития информационного общества, утвержденной Указом Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203, определены дефиниции таких информационных объектов, как индустриальный интернет, интернет вещей, облачные вычисления, обработка больших объемов данных, туманные вычисления, правовые режимы которых до настоящего времени законодательно не установлены. П. У. Кузнецов, подчеркивая сложность и уникальность цифровых объектов права, отмечает необходимость установления единства их правового понимания и правовых условий использования. Специфика природы таких объектов должна выражаться в закреплении их главных признаков в содержании норм информационного права¹.

В отсутствие законодательного регулирования роль дефинитивных норм, определяющих юридически значимые признаки новых цифровых объектов права, выполняют положения документов стратегического планирования. Именно они выступают первичным инструментом для легализации и концептуализации новых правовых явлений, таких как цифровой профиль, искусственный интеллект, цифровая платформа, цифровое государственное управление, платформенная экономика и др. Указанные в документах стратегического планирования дефиниции формируют единство понимания данных терминов, являются основой для дальнейшего правотворчества, правоприменительной практики, реализации пилотных проектов по цифровизации.

Конституционный Суд РФ неоднократно обращал внимание на то, что норма-дефиниция воспринимается правоприменительной практикой как обладающая регулятивными функциями².

По мнению М. Д. Хайретдиновой, закрепленные в тексте правового акта дефиниции обладают специфичной правовой нормативностью, которая позволяет рассматривать их в качестве нетипичного вида юридических норм и относительно автономного элемента правового регулирования³.

М. В. Баранова также относит дефинитивные нормы к особым нормам права, подчеркивая их значение для обеспечения системности и непротиворечивости нормативного правового регулирования, а также повышения эффективности реализации законодательных актов⁴.

Таким образом, в условиях стремительной цифровизации и отставания традиционного законодательства документы стратегического планирования фактически берут на себя роль первичного источника обеспечения правовой определенности и устойчивости цифровой среды. Они выполняют ключевую системообразующую функцию, легализуя новые цифровые объекты, и создают единый понятийный аппарат для всей экосистемы цифровой трансформации.

В рамках анализа природы документов стратегического планирования как источников информационного права отдельного внимания заслуживает вопрос значения закрепляемых в них принципов.

В Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, утвержденной указом Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 (ред. от 15 февраля 2024 г.), в числе принципов, к примеру, выделены защита прав и свобод человека, безопасность, прозрачность, технологический суверенитет. Это не просто основные начала, которые определяют развитие отрасли, но и ключевые идеи, воплощающие важные для развития правовой системы ценности. Прежде всего, речь идет об идее защиты человека и сохранении его природы при взаимодействии со сложными продуктами научно-технического прогресса в новом цифровом мире. Конституционные права и свободы человека – это не декларативные инструменты, это

¹ Кузнецов П. У. Комплексный подход к правовому регулированию общественных отношений в области цифровой экономики // Российский юридический журнал. 2018. № 6. С. 159.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 14 апреля 2008 г. № 7-П по делу о проверке конституционности абзаца второй статьи 1 Федерального закона «О садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединениях граждан» в связи с жалобами ряда граждан.

³ Хайретдинова М. Д. Законодательная дефиниция (проблемы теории и практики): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2008. С. 8.

⁴ Баранова М. В. Законодательные дефиниции // Юридическая техника. Juridical Techniques. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2025. С. 204.

должен быть защитный механизм (панцирь) при соотношении человеческой природы и природы искусственного интеллекта¹.

Закрепление этих фундаментальных положений на уровне документов стратегического планирования позволяет рассматривать их не только как инструмент государственной информационной политики, но и как важнейший источник формирования новой правовой реальности, где защита прав человека в условиях современных вызовов и информационных угроз приобретает особое значение.

Сущность принципа права определяется, прежде всего, через его значение в регулировании комплекса общественных отношений. Принцип – это положение, которое обуславливает общую направленность, предметное единство и целостность правового регулирования соответствующих общественных отношений, а также служит «нормативно-руководящим» началом для правоприменительной деятельности и толкования права.

Принципы права, получившие непосредственное выражение в тексте нормативно-правовых предписаний, в юридической литературе выделяют в качестве особой разновидности правовых норм, а именно норм-принципов, закрепляющих установочные по своей сути правоположения наиболее высокого уровня обобщения².

Таким образом, документы стратегического планирования не только формируют управленческий инструментарий в области государственной информационной политики, но и по существу закрепляют дефинитивные нормы и нормы-принципы. Являясь формой выражения основной концепции цифровых преобразований, они определяют дальнейший вектор развития законодательства и нередко даже основные положения для будущих норм права. Так, в условиях развития цифрового государственного управления одним из приоритетов цифровой трансформации стало представленное изначально именно в документах стратегического планирования внедрение реестровой модели предоставления публичных услуг и принципа проактивности. В дальнейшем соответствующие изменения были внесены и в Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ (ред. от 29 декабря 2025 г.) «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг».

Примером также могут служить документы стратегического планирования в области формирования цифрового профиля, развития цифрового исполнительного производства, внедрения различных информационных систем и цифровых платформ: единой цифровой платформы в социальной сфере, федерального регистра сведений о населении, цифровой платформы обратной связи и т. д.

Документы стратегического планирования в информационной сфере компенсируют существующее в настоящее время отставание норм информационного права от динамики общественных отношений, служат средством гармонизации неизбежного противоречия между стабильностью права как социального регулятора и высокой скоростью трансформации общественной жизни. Тем самым в единстве с информационным законодательством они способствуют формированию новой регуляторной среды, создающей благоприятные правовые условия для развития информационных правоотношений.

Совершенство форм (источников) права напрямую зависит от уровня теоретических представлений о них. Юридическая наука должна своевременно готовить пригодные рекомендации по улучшению форм права в целях создания гибкой, динамичной и эффективно функционирующей системы³. Ведь именно система источников права устанавливает определенный правовой режим государства и обеспечивает правопорядок.

Современные тенденции официального выражения содержания государственной информационной политики в документах стратегического планирования неизбежно ставят перед юридической наукой вопрос переосмысления признаваемой сегодня системы источников права. Документы стратегического планирования хотя и не

¹ Информационные технологии в юридической деятельности: учеб. для вузов / под общ. ред. П. У. Кузнецова. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2025. С. 159.

² Баранов А. В. Нормы-принципы в механизме правового регулирования // Вестник Томского государственного университета. Право. 2016. № 4. С. 8. DOI: 10.17223/22253513/22/1.

³ Теория государства и права: учеб. для вузов / под ред. В. К. Бабаева. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2026. С. 296.

являются формой закрепления традиционных нормативно-правовых предписаний, но при этом носят официальный характер, содержат положения, близкие по своей природе дефинитивным нормам и нормам-принципам, и являются ориентиром для нормотворчества в только формирующихся областях общественных отношений по поводу новых цифровых объектов права. Представляется, что включение их в единую систему источников права способствует обеспечению правовой определенности, устойчивости цифровой среды и защиты прав субъектов в условиях, когда опережающее стратегическое планирование становится основным драйвером правового развития в цифровую эпоху.

Список литературы

- Алексеев С. С. Общая теория права: в 2 т. Т. I. М.: Юрид. лит., 1981. 360 с.
- Баранов А. В. Нормы-принципы в механизме правового регулирования // Вестник Томского государственного университета. Право. 2016. № 4. С. 5–14. DOI: 10.17223/22253513/22/1.
- Баранов В. М. Формы (источники) права // Общая теория права. Курс лекций. Н. Новгород: Изд-во Нижегород. ВШ МВД РФ, 1993. С. 247–265.
- Баранова М. В. Законодательные дефиниции // Юридическая техника. Juridical Techniques. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2025. С. 199–225.
- Информационные технологии в юридической деятельности: учеб. для вузов / под общ. ред. П. У. Кузнецова. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2025. 396 с.
- Кодан С. В. «Форма права», «источник права» и «источник познания права» как базовые понятия юридического источниковедения // Личность, право, государство. 2018. № 4. С. 42–56.
- Кузнецов П. У. Комплексный подход к правовому регулированию общественных отношений в области цифровой экономики // Российский юридический журнал. 2018. № 6. С. 154–161.
- Перевалов В. Д. Теория государства и права: учеб. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2026. 341 с.
- Теория государства и права: учеб. для вузов / под ред. В. К. Бабаева. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2026. 620 с.
- Хайретдинова М. Д. Законодательная дефиниция (проблемы теории и практики): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2008. 33 с.

References

- Alekseev S. S. (1981) *Obshchaya teoriya prava: v 2 t.* [General Theory of Law: in 2 volumes]. Moscow, Yuridicheskaya literatura, vol. I, 360 p.
- Babaev V. K. (Ed.) (2026) *Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik dlya vuzov* [Theory of the State and law: textbook for universities], 5th ed., revised and add. Moscow, Yurait, 620 p.
- Baranov A. V. (2016) Normy-printsipy v mekhanizme pravovogo regulirovaniya [Norms-Principles in the Mechanism of Legal Regulation]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo*, no. 4, pp. 5–14, DOI: 10.17223/22253513/22/1.
- Baranov V. M. (1993) Formy (istochniki) prava [Forms (sources) of law]. In *Obshchaya teoriya prava. Kurs lektsii*. Nizhny Novgorod, Izdatel'stvo Nizhegorodskoi VSh MVD RF, pp. 247–265.
- Baranova M. V. (2025) Zakonodatel'nye definitsii [Legislative definitions]. In *Yuridicheskaya tekhnika. Juridical Techniques*, 3rd ed., revised and add. Moscow, Prospekt, pp. 199–225.
- Khayretdinova M. D. (2008) *Zakonodatel'naya definitsiya (problemy teorii i praktiki): avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Legislative definition (problems of theory and practice): an abstract of a candidate of legal sciences thesis]. Nizhny Novgorod, 33 p.
- Kodan S. V. (2018) «Forma prava», «istochnik prava» i «istochnik poznaniya prava» kak bazovye ponyatiya yuridicheskogo istochnikovedeniya [«Form of Law» «Source of Law» and «Source of Knowledge of Law» as Basic Concepts of Legal Source Studies]. In *Lichnost', pravo, gosudarstvo*, no. 4, pp. 42–56.
- Kuznetsov P. U. (Ed.) (2025) *Informatsionnye tekhnologii v yuridicheskoi deyatel'nosti: uchebnik dlya vuzov* [Information Technologies in Legal Activity: textbook for universities], 5th ed., revised and add. Moscow, Yurait, 396 p.
- Kuznetsov P. U. (2018) Kompleksnyi podkhod k pravovomu regulirovaniyu obshchestvennykh otnoshenii v oblasti tsifrovoi ekonomiki [An integrated approach to the legal regulation of public relations in the field of digital economy]. In *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal*, no. 6, pp. 154–161.
- Perevalov V. D. (2026) *Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik* [Theory of the State and law: textbook], 5th ed., revised and add. Moscow, Yurait, 341 p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 28.01.2026

Дата принятия рукописи в печать: 23.03.2026

УДК / UDC 342

DOI: 10.34076/22196838_2026_2_59

ЦИФРОВОЙ СУВЕРЕНИТЕТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ

Агафонов Андрей Сергеевич

Аспирант кафедры информационного права Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева (Екатеринбург), ORCID: 0009-0005-2888-7955, e-mail: aga.fonov@inbox.ru.

Автор соотносит категории «цифровой суверенитет Российской Федерации» и «государственный суверенитет». Делается акцент на том, что толкование российского законодательства не позволяет однозначно определить содержание цифрового суверенитета Российской Федерации. Утверждается, что государственный суверенитет должен рассматриваться как универсальное качество в единственном числе (как завершённый процесс – состояние статики). Все остальное может быть описано как области его проявления (то, что находится в стадии формирования и становления, – незавершённый процесс), в связи с чем концепт «цифровой суверенитет» – это не какой-то особый суверенитет, а лишь одна из областей осуществления государственного суверенитета. Делается вывод, что ни цифровой суверенитет Российской Федерации, ни технологический суверенитет не могут рассматриваться как нечто отдельное от государственного суверенитета и не могут быть по объёму содержания больше, чем он, или равны ему. Прослеживается необходимость в целостном исследовании закономерностей формирования цифровой самостоятельности государства, которое предполагает построение концептуальной модели цифрового суверенитета Российской Федерации и формирование структурно-системного представления о нём.

Ключевые слова: цифровой суверенитет, государственный суверенитет, право силы, сила права, технологический суверенитет, информационное право

Для цитирования: Агафонов А. С. Цифровой суверенитет Российской Федерации и государственный суверенитет // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2026. № 2. С. 59–63. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2026_2_59.

DIGITAL SOVEREIGNTY OF THE RUSSIAN FEDERATION AND STATE SOVEREIGNTY

Agafonov Andrei

Post-graduate, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg), ORCID: 0009-0005-2888-7955, e-mail: aga.fonov@inbox.ru.

The author correlates the categories of «digital sovereignty of the Russian Federation» and «state sovereignty». The emphasis is placed on the fact that the interpretation of Russian legislation does not allow us to unequivocally state the content of the digital sovereignty of the Russian Federation. It is argued that state sovereignty should be considered as a universal quality in the singular (as a completed process – a static state), everything else can be described as areas of its manifestation (what is in the process of formation and creation is an unfinished process), and therefore the concept of «digital sovereignty» is not a special sovereignty, but only one of the areas of state sovereignty. It is concluded that neither the digital sovereignty of the Russian Federation nor technological sovereignty can be considered as something separate from state sovereignty and cannot be greater than or equal to it in terms of their content. There is a need for a holistic study of the patterns of formation of the digital independence of the state, which involves the construction of a conceptual model of the digital sovereignty of the Russian Federation and the formation of a structural and systemic understanding of it.

Key words: digital sovereignty, state sovereignty, the right of force, the power of law, technological sovereignty, information law

For citation: Agafonov A. (2026) Digital sovereignty of the Russian Federation and state sovereignty. In Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu juridicheskomu zhurnalu», no. 2, pp. 59–63, DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2026_2_59.

Развитие прорывных технологий достигло такого уровня, когда при передаче информации географические границы государств перестали существовать. При этом возникла угроза воздействия на национальные телекоммуникационные системы как технологический инструмент самостоятельного принятия государственно важных управленческих решений. Самостоятельность как характерная черта и признак современного цифрового состояния государства приобретает в настоящее время новое качество, выражаемое в концепте «цифровой суверенитет».

Публичная власть сегодня занимает активную позицию в решении вопросов, связанных с обеспечением цифрового суверенитета Российской Федерации.

Это проявляется в различных направлениях государственной информационной политики: в разработке национального мессенджера, внедрении отечественных программ для ЭВМ, ограничении мобильного интернета, ужесточении ответственности за нарушение правил защиты информации, последовательном введении ограничительных мер в отношении WhatsApp и др.

Легальная дефиниция понятия «цифровой суверенитет Российской Федерации» отсутствует в отечественном законодательстве. Исследование российского механизма правового регулирования показывает, что в части правовой регламентации цифровой суверенитет лишь упоминается в некоторых правовых актах. Так, в распоряжении Правительства РФ от 25 июня 2022 г. № 1693-р говорится о «цифровом суверенитете в гражданской авиации»¹, в приказе Минпромторга России от 29 мая 2019 г. № 1869 – о «цифровом суверенитете по защите информации»².

Толкование российского законодательства не позволяет однозначно определить содержание цифрового суверенитета Российской Федерации.

В свою очередь, в отечественной юридической науке цифровой суверенитет является предметом сложной и междисциплинарной научной дискуссии. Единый подход к пониманию цифрового суверенитета пока не сложился, о чем также говорит Т. А. Полякова, выдвигая идею о том, что он не имеет правовой определенности, т. е. точного юридического определения³. В связи с этим мы можем выделить ряд подходов к его пониманию.

Так, в содержание цифрового суверенитета включаются: верховенство государственной власти в виртуальной среде⁴, возможность государства самостоятельно определять степень и способы своего участия или неучастия в отношениях, связанных с применением цифровых технологий для реализации собственных интересов⁵, свойство субъектов информационно-правовых отношений самостоятельно или в кооперации осуществлять под контролем государства независимое воздействие на информацию и информационные технологии⁶, способность государства обеспечивать защиту информации в соответствии с законодательством⁷ и т. д.

¹ Распоряжение Правительства РФ от 25 июня 2022 г. № 1693-р «Об утверждении комплексной программы развития авиационной отрасли Российской Федерации до 2030 года».

² Приказ Минпромторга России от 29 мая 2019 г. № 1869 «Об утверждении концепции создания российского сегмента евразийской сети промышленной кооперации и субконтрактации».

³ Полякова Т. А. Правовое обеспечение национального суверенитета в информационном пространстве в условиях цифровой трансформации государства // Седьмые Бачиловские чтения: сб. ст. участников Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 6–7 февраля 2024 г. М.: Ин-т государства и права РАН, 2024. С. 13.

⁴ Степанов П. В. Подходы к пониманию цифрового суверенитета России // Журнал российского права. 2024. № 4. С. 37–51.

⁵ Никонов В. А. Цифровой суверенитет современного государства: содержание и структурные компоненты (по материалам экспертного исследования) // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2021. № 60. С. 206–216.

⁶ Петроченков И. А. К вопросу о концепции цифрового суверенитета // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 7. С. 69–73.

⁷ Жарова А. К. Обеспечение информационного суверенитета Российской Федерации // Юрист. 2021. № 11. С. 28–33.

Несмотря на обозначенный исследовательский интерес, нельзя не согласиться с П. У. Кузнецовым, который выдвигает идею о том, что в юридической науке еще не сформулированы теоретические основы цифровой формы государственного суверенитета¹.

Существующая неопределенность порождает ряд вопросов, которые остаются открытыми на исследовательском уровне в области права. Одним из них является вопрос соотношения цифрового суверенитета Российской Федерации и государственного суверенитета.

Государственный суверенитет имеет особый характер, так как лежит в основе силы государства, обеспечивая возможность эффективно осуществлять его функции, и служит критерием оценки его совершенства и развитости.

В связи с этим из наших размышлений важно не упустить категорию силы (силового потенциала), поскольку естественное право силы уже давно царит в отношениях между государствами, эту идею выдвинул Т. Гоббс, утверждавший, что среди независимых друг от друга государств каждое «пользуется абсолютной свободой делать то, что оно считает наиболее соответствующим своему благу», в силу чего они и живут в состоянии непрерывной войны и постоянной готовности к бою, о чем говорят укрепленные границы и пушки, направленные против их соседей².

И если раньше мы могли рассуждать о суверенитете государства как о его праве осуществлять государственный интерес путем применения силы к любому государству, то сейчас подобная позиция трансформируется и обретает более сложный характер.

В частности, когда речь идет о существенных общественных ценностях (к примеру, национальная свобода, независимость), представление о том, что суверенитет одной нации зависит от усмотрения другой, более сильной, становится несовместимым с самим представлением о суверенитете государства, что также прослеживается в рассуждениях И. Д. Левина³.

Соответствующая тематика (о соотношении права силы и силы права) не является новой для юридической науки. Именно сила права выступает фундаментальным началом, опираясь на которое можно сделать вывод о развитости права в конкретном государстве, что также отмечал С. С. Алексеев.

Там, где господствует право силы или же «голая сила» (право сильного, право власти), имеет место неразвитое право; в свою очередь, там, где преобладает режим строжайшего соблюдения действующего права, выраженного в законах, других юридических источниках (право государства, право гражданского общества), наблюдаются признаки, которые позволяют рассматривать право в качестве развитого⁴.

Следовательно, господство силы права в пределах суверенитета Российской Федерации (учитывая характер российской правовой традиции) должно быть выражено и работать постольку, поскольку элементы суверенитета государства находятся в строгих юридических рамках, наличие которых продиктовано необходимостью соблюдения баланса интересов личности, общества и государства.

Государственный суверенитет выступает сложной исследовательской категорией, находящейся на стыке экономики, политики и социологии. Существование множества его интерпретаций лишь подтверждает данный вывод, благодаря чему мы можем рассматривать эту категорию и соотносить ее с другими по-разному, при этом было бы легкомысленно отрицать, что любой из подходов может быть подвергнут конструктивной критике.

Не будет ошибкой рассматривать государственный суверенитет как универсальное качество в единственном числе (если государство суверенно, то у него есть только один суверенитет как его силовой потенциал), все остальное может быть описано как области его проявления.

¹ Кузнецов П. У. Методологические особенности цифрового состояния государственного суверенитета // Сборник докладов участников XVIII Международного форума «Партнерство государства, бизнеса и гражданского общества при обеспечении международной информационной безопасности». М.: НАМИБ, 2024. С. 67.

² Гоббс Т. Левиафан или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского / предисл. и ред. А. Ческиса. М.: Гос. соц.-эконом. изд-во, 1936. С. 175.

³ Левин И. Д. Суверенитет / предисл. С. А. Авакьяна. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. С. 362.

⁴ Алексеев С. С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 6: Восхождение к праву. М.: Статут, 2010. С. 166.

В связи с этим категория «цифровой суверенитет Российской Федерации» обозначает не какой-то особый суверенитет, а одну из областей осуществления суверенитета. Словом, государственный суверенитет должен мыслиться в единственном числе, но есть «кирпичики», из которых он складывается или которые его гарантируют. Из этих «кирпичиков» складывается цифровой суверенитет Российской Федерации как таковой и рассматривается как составной элемент самостоятельности государства.

Таким образом, государственный суверенитет должен определяться как универсальное качество в единственном числе (как завершённый процесс – состояние статики). Все остальное может быть описано как области его проявления (то, что находится в стадии формирования и становления, – незавершённый процесс).

Отдельно стоит отметить, что ни цифровой суверенитет Российской Федерации, ни технологический суверенитет, регламентированный Стратегией научно-технологического развития Российской Федерации¹ не могут рассматриваться как нечто отдельное от государственного суверенитета и не способны быть по объёму содержания больше, чем он, или равны ему. Представления об их равенстве несовместимы с самим представлением о суверенитете государства в единственном числе.

В заключительной части следует констатировать, что негативные тенденции, связанные с недружественными действиями в области цифрового суверенитета Российской Федерации, имеют место в экономической (анонимные платёжные системы, автоматизированные скрипты для нарушения работы сайтов и т. д.), социальной (замаскированные веб-страницы, стилеры, дропперские карты и пр.), политической (клоны приложений государственных органов, OTP-боты для кражи кодов 2FA, DDoS-атаки и т. п.) и духовной (дезинформационные и пропагандистские каналы, технологии дипфейков и т. д.) сферах. Словом, во всех областях общественной жизни.

В связи с этим прослеживается необходимость в целостном исследовании закономерностей формирования цифровой самостоятельности государства, предполагающего построение концептуальной модели цифрового суверенитета Российской Федерации, что позволит раскрыть скрытые элементы² и сформировать структурно-системное представление о нём³.

Изложенные соображения являются незавершёнными утверждениями относительно как возможных аспектов дальнейшего исследования, так и их теоретического содержания. Представленные размышления – только приглашение к дальнейшему осмыслению цифрового суверенитета Российской Федерации в юридической науке.

Список литературы

Алексеев С. С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 6: Восхождение к праву. М.: Статут, 2010. 558 с.

Гоббс Т. Левиафан или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского / предисл. и ред. А. Ческиса. М.: Гос. соц.-эконом. изд-во, 1936. 503 с.

Жарова А. К. Обеспечение информационного суверенитета Российской Федерации // Юрист. 2021. № 11. С. 28–33.

Исаков В. Б. Говорите языком схем: краткий справочник. М.: Норма: ИНФРА М, 2022. 216 с.

Кузнецов П. У. Методологические особенности цифрового состояния государственного суверенитета // Сборник докладов участников XVIII Международного форума «Партнерство государства, бизнеса и гражданского общества при обеспечении международной информационной безопасности». М.: НАМИБ, 2024. С. 66–70.

Левин И. Д. Суверенитет / предисл. С. А. Авакьяна. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. 373 с.

Никонов В. А. Цифровой суверенитет современного государства: содержание и структурные компоненты (по материалам экспертного исследования) // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2021. № 60. С. 206–216.

Петроченков И. А. К вопросу о концепции цифрового суверенитета // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 7. С. 69–73.

Полякова Т. А. Правовое обеспечение национального суверенитета в информационном пространстве в условиях цифровой трансформации государства // Седьмые Бачиловские чтения: сб. ст. участников Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 6–7 февраля 2024 г. М.: Ин-т государства и права РАН, 2024. С. 9–18.

¹ Указ Президента РФ от 28 февраля 2024 г. № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации».

² Исаков В. Б. Говорите языком схем: краткий справочник. М.: Норма: ИНФРА М, 2022. С. 6–8.

³ Щедровицкий Г. П. Оргуправленческое мышление: идеология, методология, технология (курс лекций). М.: Изд-во Студии Артемия Лебедева, 2014. С. 315.

Степанов П. В. Подходы к пониманию цифрового суверенитета России // Журнал российского права. 2024. № 4. С. 37–51.

Щедровицкий Г. П. Оргуправленческое мышление: идеология, методология, технология (курс лекций). М.: Изд-во Студии Артемия Лебедева, 2014. 468 с.

References

Alekseev S. S. (2010) *Sobranie sochinenii: v 10 t. T. 6: Voskhozhdenie k pravu* [Collected works: in 10 volumes. Vol. 6: The Rise to the Right]. Moscow, Statut, 558 p.

Gobbs T. (1936) *Leviathan ili Materiya, forma i vlast' gosudarstva tserkovnogo i grazhdanskogo* [Leviathan or The Matter, form, and Authority of the Ecclesiastical and Civil State]. Moscow, Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo, 503 p.

Isakov V. B. (2022) *Govorite yazykom skhem: kratkii spravochnik* [Speak the language of schemes: a short guide]. Moscow, Norma, INFRA-M, 216 p.

Kuznetsov P. U. (2024) Metodologicheskie osobennosti tsifrovogo sostoyaniya gosudarstvennogo suvereniteta [Methodological features of the digital state of state sovereignty]. In *Sbornik dokladov uchastnikov XVIII Mezhdunarodnogo foruma «Partnerstvo gosudarstva, biznesa i grazhdanskogo obshchestva pri obespechenii mezhdunarodnoi informatsionnoi bezopasnosti»*. Moscow, NAMIB, pp. 66–70.

Levin I. D. (2003) *Suverenitet* [Sovereignty]. Saint-Petersburg, Yuridicheskii tsentr Press, 373 p.

Nikonov V. A. (2021) Tsifrovoy suverenitet sovremennogo gosudarstva: sodержание i strukturnye komponenty (po materialam ekspertnogo issledovaniya) [Digital sovereignty of the modern state: content and structural components (based on expert research)]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*, no. 60, pp. 206–216.

Petrochenkov I. A. (2022) K voprosu o kontseptsii tsifrovogo suvereniteta [On the issue of the concept of digital sovereignty]. In *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*, no. 7, pp. 69–73.

Polyakova T. A. (2024) Pravovoe obespechenie natsional'nogo suvereniteta v informatsionnom prostranstve v usloviyakh tsifrovoy transformatsii gosudarstva [Legal support of national sovereignty in the information space in the context of digital transformation of the state]. In *Sed'mye Bachilovskie chteniya: conference papers*. Moscow, Institut gosudarstva i prava RAN, pp. 9–18.

Shchedrovitsky G. P. (2014) *Orgupravlencheskoe myshlenie: ideologiya, metodologiya, tekhnologiya (kurs lektsii)* [Organizational management thinking: ideology, methodology, technology (course of lectures)]. Moscow, Izdatel'stvo Studii Artemiya Lebedeva, 468 p.

Stepanov P. V. (2024) Podkhody k ponimaniyu tsifrovogo suvereniteta Rossii [Approaches to Understanding Russia's Digital Sovereignty]. In *Zhurnal rossiiskogo prava*, no. 4, pp. 37–51.

Zharova A. K. (2021) Obespechenie informatsionnogo suvereniteta Rossiiskoi Federatsii [Ensuring the information sovereignty of the Russian Federation]. In *Yurist*, no. 11, pp. 28–33.

Дата поступления рукописи в редакцию: 18.02.2026

Дата принятия рукописи в печать: 23.03.2026

РОЛЬ СУДА В ДОКАЗЫВАНИИ ФАКТОВ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЙ

Лунев Кирилл Александрович

Аспирант кафедры гражданского процесса Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева (Екатеринбург), ORCID: 0009-0002-0663-8243, e-mail: k.lunew1999@mail.ru.

В статье рассмотрены отдельные вопросы участия суда в процессе доказывания и установления фактов процессуальных злоупотреблений. На основе концепции Ю. К. Осипова о необходимости выделения непосредственного и опосредованного видов познания судом юридических фактов сравниваются сложившиеся на уровне правоприменительной практики подходы к познавательной деятельности суда при установлении фактов процессуальных злоупотреблений. Рассматривается механизм установления легко выявляемых фактов процессуальных злоупотреблений в рамках непосредственного познания их судом, и дается обзор современного состояния правоприменительной деятельности при опосредованном установлении судом трудно выявляемых фактов процессуальных злоупотреблений. Обращается внимание на то, что в ходе установления легко выявляемых фактов процессуальных злоупотреблений и фактов процессуальных злоупотреблений, связанных с осуществлением незаконных финансовых операций, суды обязаны занимать активную позицию и стремиться достичь объективной истины по делу. Делается вывод о том, что вопреки сложившемуся на уровне доктрины подходу, согласно которому современная модель российского гражданского процесса основывается лишь на действии принципов судейского руководства и формальной (юридической) истины, установление фактов процессуальных злоупотреблений отдельных видов наглядно показывает нам функционирование принципов процессуальной активности суда и объективной истины.

Ключевые слова: злоупотребление процессуальным правом, судебное познание, доказывание, объективная истина, судейское руководство, юридическая истина

Для цитирования: Лунев К. А. Роль суда в доказывании фактов процессуальных злоупотреблений // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2026. № 2. С. 64–70. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2026_2_64.

THE COURT'S ROLE IN PROVIDING PROCEDURAL ABUSES

Lunew Kirill

Post-graduate, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg), ORCID: 0009-0002-0663-8243, e-mail: k.lunew1999@mail.ru.

The article examines certain issues of court participation in the process of proving and establishing facts of procedural abuse. Based on the concept of Yu. K. Osipov, associated with the identification of direct and indirect types of knowledge of legal facts by the court, the author compares the approaches to the cognitive activity of the court in establishing facts of procedural abuse that have been established in judicial practice. The author examines the mechanism for establishing easily identifiable facts of procedural abuse within the framework of their direct knowledge by the court. The author provided an overview of the current state of law enforcement activities in the indirect establishment by the court of difficultly identifiable facts of procedural abuses. The author draws attention to the fact that in the course of establishing easily identifiable facts of procedural abuse and facts of procedural abuse related to the implementation of illegal financial transactions, the courts are obliged to take an active position and strive to achieve the objective truth in the case. The author

concludes that, contrary to the established doctrinal approach, according to which the modern model of Russian civil procedure is based solely on the operation of the principles of judicial leadership and formal (legal) truth, the establishment of facts of procedural abuses of certain types clearly demonstrates to us the functioning of the principles of procedural activity of the court and objective truth.

Key words: abuse of procedural rights, judicial knowledge, proof, objective truth, judicial guidance, legal truth

*For citation: Lunev K. (2026) The court's role in providing procedural abuses. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 2, pp. 64–70, DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2026_2_64.*

Как известно, в настоящее время степень активности суда в ходе доказательственной деятельности значительно снизилась по сравнению с тем, какой она была в советский период. Некогда господствовавший в гражданском процессе принцип процессуальной активности суда¹, исходивший из наделения суда широкими полномочиями по собиранию, исследованию и оценке доказательств, сменился принципом судейского руководства процессом², по которому суд лишь обеспечивает руководство ходом судебного заседания, соблюдение порядка и содействует сторонам в осуществлении их прав и исполнении обязанностей.

Снижение активной роли суда в гражданском процессе привело к обострению вопроса о характере истины, устанавливаемой судом.

Так, если раньше, в период господства принципа процессуальной активности суда, советская доктрина исходила из существования тесно связанного с ним принципа объективной истины³, «согласно которому суд был обязан принять все меры для установления истины по делу и выяснения действительных фактических обстоятельств»⁴, то сейчас, в период действия принципа судейского руководства процессом, в доктрине пришли к выводу о необходимости выделения принципа формальной или юридической истины: суд разрешает дело на основании представленных сторонами доказательств⁵ и самостоятельно не стремится к установлению соответствующих действительности обстоятельств по делу.

Между тем, по мнению А. Т. Боннера, переход к состязательной модели процесса не привел к нивелированию действия принципа объективной истины: «Суд, действуя в рамках состязательного процесса, в сотрудничестве с лицами, участвующими в деле, должен создать условия для всестороннего и полного исследования доказательств и установления действительных обстоятельств дела»⁶.

Не углубляясь в дальнейший более подробный анализ научной дискуссии, полагаем, что подход, согласно которому истина в современном гражданском процессе является формальной, в большей степени соответствует той правовой реальности, где мы сейчас находимся. Между тем в отдельных случаях суд все-таки вынужден занимать более активную позицию и даже устанавливать объективную истину по делу.

Одним из таких случаев является процесс доказывания и установления фактов процессуальных злоупотреблений, в рамках которого степень активности суда, по на-

¹ См.: Семенов В. М. Конституционные принципы гражданского судопроизводства. М.: Юрид. лит., 1982. С. 125–141; Его же. Специфические отраслевые принципы советского гражданского процессуального права // Сборник ученых трудов. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1964. Вып. 4. С. 323–419; Чечина Н. А. Гражданские процессуальные отношения. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1962. С. 11.

² См.: Васильковский Е. В. Курс гражданского процесса. М.: Бр. Башмаковы, 1913. С. 375–377; Решетникова И. В., Ярков В. В. Гражданское право и гражданский процесс в современной России. Екатеринбург, М.: Норма, 1999. С. 98, 104–106; Гражданский процесс / под ред. В. А. Мусина, Н. А. Чечиной, Д. М. Чечота. М.: Проспект, 1999. С. 49–50.

³ См.: Клейнман А. Ф. Советский гражданский процесс. М.: Изд-во МГУ, 1954. С. 72; Юдельсон К. С. Советский гражданский процесс. М.: Госюриздат, 1956. С. 45–48; Осипов Ю. К. К вопросу об объективной истине в судебном процессе // Правоведение. 1960. № 2. С. 121–123.

⁴ Ярков В. В. Роль суда в установлении обстоятельств дела сквозь призму исследований профессора А. Т. Боннера // Вестник гражданского процесса. 2022. № 4. С. 51.

⁵ Там же. С. 55.

⁶ Боннер А. Т. Избранные труды. Т. IV: Проблемы установления истины в гражданском процессе. М.: Проспект, 2017. С. 68.

шему мнению, неоднородна и зависит от формы злоупотребления процессуальным правом.

Так, по качественному признаку А. В. Юдин подразделяет злоупотребления на простые и сложные¹. Под простыми злоупотреблениями ученый понимает легко распознаваемые злоупотребления, не вызывающие трудностей в их квалификации, под сложными – злоупотребления, по формальным признакам практически не отличающиеся от правомерного поведения.

Полагаем, что степень активности суда выше, когда речь идет о простых злоупотреблениях. Обусловлено это тем, что факт наличия простого злоупотребления суд с легкостью может установить в рамках непосредственного познания, даже не прибегая к познанию опосредованному².

Именно поэтому Верховный Суд РФ в п. 1 постановления Пленума от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» прямо предписывает судам включать факт простых злоупотреблений в предмет доказывания по собственной инициативе. А в п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 декабря 2021 г. № 46 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в суде первой инстанции» предписано в рамках непосредственного познания устанавливать факт наличия в действиях лица простого злоупотребления.

Со сложными же злоупотреблениями складывается иная ситуация. С учетом того, что они являются трудно выявляемыми, большая активность в доказывании фактов сложных злоупотреблений лежит на лицах, участвующих в деле, по общим правилам распределения бремени доказывания³.

Обусловлено это тем, что в рамках непосредственного познания суд ограничен в возможностях установления только тех фактов, непосредственным очевидцем которых он является в процессе судебной процедуры⁴. Между тем для установления сложных злоупотреблений, как правило, требуется выяснение обстоятельств, имевших место вне судебной процедуры, в связи с чем возникает потребность в опосредованном познании – доказывании фактов лицами, участвующими в деле⁵.

Таким образом, доказывание фактов простых злоупотреблений выступает одним из примеров незначительного проявления в современном гражданском процессе принципов процессуальной активности суда и объективной истины.

В большей же степени указанные принципы проявляются, когда речь идет о доказывании и установлении фактов процессуальных злоупотреблений, связанных с осуществлением незаконных финансовых операций. Указанный вывод прямо следует из анализа разъяснений Президиума Верховного Суда РФ, изложенных им 8 июля 2020 г. в Обзоре по отдельным вопросам судебной практики, связанным с принятием судами мер противодействия незаконным финансовым операциям (далее также – Обзор).

Как отметил В. В. Ярков, «указанный Обзор целиком посвящен вопросам воспрепятствования использованию судебной и иной юрисдикционной защиты (особенно нотариальной) в целях злоупотребления правом как материальным, так и процессуальным»⁶.

¹ Юдин А. В. Злоупотребление процессуальными правами в гражданском судопроизводстве: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2009. С. 86.

² Как указывал Ю. К. Осипов, при непосредственном познании суд является очевидцем процессуальных юридических фактов, в связи с чем при их познании не возникает потребности в их доказывании, т. е. опосредованном их познании. См.: Осипов Ю. К. К вопросу о соотношении судебного познания и судебного доказывания // Сборник ученых трудов. Свердловск: Уральский рабочий, 1967. Вып. 7. С. 219.

³ Например, в п. 52 постановления Пленума ВС РФ от 24 декабря 2020 г. № 45 «О некоторых вопросах разрешения споров о поручительстве» отмечено: «Если при разрешении спора, вытекающего из договора поручительства, будут установлены недобросовестные согласованные действия кредитора и поручителя, направленные на заключение договора поручительства исключительно с целью изменения его подсудности... суд устанавливает подсудность спора без учета указанного договора поручительства и направляет дело в суд, к подсудности которого оно отнесено законом... Бремя доказывания противоправности заключения договора поручительства и необходимости определения подсудности без учета такого договора возлагается на лицо, заявившее об этом (статья 56 ГПК РФ, статья 65 АПК РФ)...»

⁴ Осипов Ю. К. К вопросу о соотношении судебного познания и судебного доказывания. С. 219.

⁵ Ярков В. В. Юридические факты в механизме реализации норм гражданского процессуального права: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1992. С. 155.

⁶ Ярков В. В. Доказывание злоупотребления процессуальным правом // Закон. 2022. № 7. С. 43.

Идея же активной роли суда, предложенная в Обзоре, была преимущественно положительно воспринята не только в кругах практикующих юристов, но и на уровне доктрины процессуальной науки¹.

Во-первых, в преамбуле Обзора Верховный Суд РФ прямо обозначил возможность непосредственного познания фактов процессуальных злоупотреблений, связанных с осуществлением правонарушителем незаконных финансовых операций: «...арбитражные суды, а также суды общей юрисдикции... в целях достижения задач судопроизводства вправе в рамках руководства процессом по своей инициативе проверять обстоятельства, касающиеся возможного обращения участников оборота к судебному порядку разрешения споров в целях легализации доходов, полученных с нарушением законодательства, и учитывать данные обстоятельства при разрешении отдельных процессуальных вопросов (процессуальное правопреемство, изменение порядка и способа исполнения судебного акта и т. п.), при рассмотрении дел по существу». В частности, установив в рамках непосредственного познания факты, связанные с наличием в поведении участвующих в деле лиц указанной разновидности злоупотребления, суды вправе отказать в утверждении мирового соглашения, не принять признание иска ответчиком (признание стороной обстоятельств) и иные результаты примирения (п. 4 Обзора).

Во-вторых, учитывая, что факты процессуальных злоупотреблений, связанных с осуществлением незаконных финансовых операций, характеризуются высокой степенью латентности, суд, ограниченный при непосредственном познании фактов лишь возможностью установления обстоятельств, которые имели место непосредственно в ходе судебного процесса, нуждается в опосредованном доказывании всех иных обстоятельств, связанных со злоупотреблением и имевших место вне рамок судебного процесса.

Между тем лица, участвующие в деле, чьи фактические интересы направлены на реализацию этого злоупотребления, не будут принимать участие в процессе его доказывания. Как указал А. В. Юдин, «в подобных случаях доказывание, как и другие институты процессуального права, подвергается профанации ввиду злонамеренных действий сторон и образующейся вследствие этого дисфункциональности всего возникающего процесса»². Поэтому в таких случаях суды вынуждены привлекать для участия в деле государственные органы – органы Росфинмониторинга, налоговые, таможенные органы и органы прокуратуры, участие которых в процессе призвано удовлетворить потребность суда в опосредованном познании фактов злоупотребления (п. 1 Обзора) и устранить «недостаток собственных активных полномочий в исковом производстве»³.

В отличие от процессуальных злоупотреблений, связанных с осуществлением незаконных финансовых операций, иные виды злоупотребления процессуальным правом влекут повышение судейской активности в их установлении, как правило, только в том случае, если они носят характер, как ранее было указано, простых злоупотреблений, т. е. легко выявляемых.

Применительно к злоупотреблениям, связанным с осуществлением незаконных финансовых операций, не имеет значения, носят ли они «простой» или «сложный» характер. Если такие злоупотребления являются простыми, что бывает крайне редко, суд вправе самостоятельно провести «судебное расследование»⁴ и установить факт их наличия путем непосредственного познания, не прибегая к познанию опосредованному. Если же имеются сложные злоупотребления, а обстоятельства, свидетельствующие об их наличии, «спрятались от исследования и приняли не соответствующую

¹ См.: Инициативный суд в состязательном процессе: разъяснение ВС РФ о противодействии легализации преступных доходов / Е. Борисова [и др.] // Закон. 2020. № 8. С. 21–30.

² Юдин А. В. Очерк 7. Обязанность доказывания в контексте правомерности заявленных исковых требований и возражений // Очерки современного цивилистического процесса: In Memoriam заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора Тамары Евгеньевны Абовой. М.: Статут, 2023. С. 74.

³ Чайкина А. В. Реформирование видов судопроизводства в свете развития информационных технологий: на примере особого производства // Вестник гражданского процесса. 2024. № 2. С. 146.

⁴ О сущностных характеристиках понятия «судебное расследование» см.: Юдин А. В. Судебное расследование в гражданском и арбитражном процессе // Вестник гражданского процесса. 2021. № 1.

щий их истинной природе внешний вид»¹, то в этой ситуации суд обязан обеспечить возможность проведения процессуальной проверки наличия или отсутствия указанного факта посредством его опосредованного познания – привлекать к участию в деле государственные органы.

Обозначенная в анализируемом Обзоре концепция активной роли суда, направленной на выяснение судом действительных обстоятельств дела, привела к закреплению в доктрине мысли о том, что при рассмотрении дел, связанных с противодействием незаконным финансовым операциям, суды устанавливают объективную истину. Например, В. В. Ярков, доказывая обоснованность идеи А. Т. Боннера о сохранении в современной модели гражданского процесса принципа объективной истины, ссылается, в частности, как раз на разъяснения исследуемого Обзора².

Аналогичным образом, обосновывая необходимость сохранения в гражданском процессе принципа объективной истины для целей достижения таких задач судопроизводства, как укрепление законности и предупреждение правонарушений, В. В. Ефимова, Л. Н. Павлова и К. А. Лебедь также ссылаются на разъяснения исследуемого Обзора³.

Следует согласиться с названными авторами и, как следствие, прийти к выводу, что доказывание фактов процессуальных злоупотреблений, связанных с осуществлением незаконных финансовых операций, – яркий пример действия в современном гражданском процессе принципа процессуальной активности суда и принципа объективной истины.

Таким образом, можно заключить, что с учетом юридико-фактической ситуации, складывающейся в рамках конкретного спора, факты процессуальных злоупотреблений требуют от суда различной степени участия в их познании. Изложенная разрозненность правоприменительных подходов лишь указывает нам на необходимость дальнейшего изучения затронутой проблематики.

Список литературы

Боннер А. Т. Избранные труды. Т. IV: Проблемы установления истины в гражданском процессе. М.: Проспект, 2017. 656 с.

Боровиковский А. Л. Отчет судьи. СПб.: Тип. «Правда», 1909. Т. 1. 355 с.

Васьковский Е. В. Курс гражданского процесса. М.: Бр. Башмаковы, 1913. 691 с.

Гражданский процесс: учеб. / под ред. В. А. Мусина, Н. А. Чечиной, Д. М. Чечота. М.: Проспект, 1999. 472 с.

Инициативный суд в состязательном процессе: разъяснение ВС РФ о противодействии легализации преступных доходов / Е. Борисова [и др.] // Закон. 2020. № 8. С. 21–30.

Клейнман А. Ф. Советский гражданский процесс. М.: Изд-во МГУ, 1954. 407 с.

Осипов Ю. К. К вопросу о соотношении судебного познания и судебного доказывания // Сборник ученых трудов. Свердловск: Уральский рабочий, 1967. Вып. 7. С. 211–228.

Осипов Ю. К. К вопросу об объективной истине в судебном процессе // Правоведение. 1960. № 2. С. 121–123.

Проблемы реализации принципов гражданского судопроизводства в правоприменительной деятельности: моногр. / под ред. В. М. Жуйкова, С. С. Завриева. М.: Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве РФ; Норма: ИНФРА-М, 2024. 416 с.

Решетникова И. В., Ярков В. В. Гражданское право и гражданский процесс в современной России. М.; Екатеринбург: Норма, 1999. 312 с.

Семенов В. М. Конституционные принципы гражданского судопроизводства. М.: Юрид. лит., 1982. 152 с.

Семенов В. М. Специфические отраслевые принципы советского гражданского процессуального права // Сборник ученых трудов. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1964. Вып. 4. С. 323–419.

Чайкина А. В. Реформирование видов судопроизводства в свете развития информационных технологий: на примере особого производства // Вестник гражданского процесса. 2024. № 2. С. 138–150.

¹ Боровиковский А. Л. Отчет судьи. СПб.: Тип. «Правда», 1909. Т. 1. С. 296.

² Ярков В. В. Роль суда в установлении обстоятельств дела сквозь призму исследований профессора А. Т. Боннера.

³ Проблемы реализации принципов гражданского судопроизводства в правоприменительной деятельности: моногр. / под ред. В. М. Жуйкова, С. С. Завриева. М.: Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве РФ; Норма: ИНФРА-М, 2024. 416 с.

Чечина Н. А. Гражданские процессуальные отношения. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1962. 68 с.

Юдельсон К. С. Советский гражданский процесс. М.: Госюриздат, 1956. 439 с.

Юдин А. В. Злоупотребление процессуальными правами в гражданском судопроизводстве: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2009. 537 с.

Юдин А. В. Очерк 7. Обязанность доказывания в контексте правомерности заявленных исковых требований и возражений // Очерки современного цивилистического процесса: In Мемориал заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора Тамары Евгеньевны Абовой. М.: Статут, 2023. С. 69–82.

Юдин А. В. Судебное расследование в гражданском и арбитражном процессе // Вестник гражданского процесса. 2021. № 1. С. 44–59.

Ярков В. В. Доказывание злоупотребления процессуальным правом // Закон. 2022. № 7. С. 40–51.

Ярков В. В. Роль суда в установлении обстоятельств дела сквозь призму исследований профессора А. Т. Боннера // Вестник гражданского процесса. 2022. № 4. С. 49–66.

Ярков В. В. Юридические факты в механизме реализации норм гражданского процессуального права: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1992. 523 с.

References

Bonner A. T. (2017) *Izbrannye trudy. T. IV: Problemy ustanovleniya istiny v grazhdanskom protsesse* [Selected Works. Vol. IV: Problems of Establishing the Truth in Civil Procedure]. Moscow, Prospekt, 656 p.

Borisova E., et al. (2020) *Initsiativnyi sud v sostyazatel'nom protsesse: raz'yasnenie VS RF o protivoideivii legalizatsii prestupnykh dokhodov* [Initiative court in adversarial proceedings: clarification of the Supreme Court of the Russian Federation on combating money laundering]. In *Zakon*, no. 8, pp. 21–30.

Borovikovskii A. L. (1909) *Otchet sud'i* [Judge's report]. Saint-Petersburg, Tip. «Pravda», vol. 1, 355 p.

Chaykina A. V. (2024) *Reformirovanie vidov sudoproizvodstva v svete razvitiia informatsionnykh tekhnologii: na primere osobogo proizvodstva* [Reforming Types of Legal Proceedings in the Light of Information Technology Development: The Example of Special Proceedings]. In *Vestnik grazhdanskogo protsessa*, no. 2, pp. 138–150.

Chechina N. A. (1962) *Grazhdanskie protsessual'nye otnosheniya* [Civil procedural relations]. Leningrad, Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 68 p.

Kleinman A. F. (1954) *Sovetskii grazhdanskii protsess* [Soviet civil procedure]. Moscow, Izdatel'stvo MGU, 407 p.

Musin V. A., Chechina N. A., Chechot D. M. (Eds.) (1999) *Grazhdanskii protsess: uchebnik* [Civil procedure: textbook]. Moscow, Prospekt, 541 p.

Osipov Yu. K. (1960) *K voprosu ob ob'ektivnoi istine v sudebnom protsesse* [On the issue of objective truth in judicial proceedings]. In *Pravovedenie*, no. 2, pp. 121–123.

Osipov Yu. K. (1967) *K voprosu o sootnoshenii sudebnogo poznaniya i sudebnogo dokazyvaniya* [On the relationship between judicial knowledge and judicial proof]. In *Sbornik uchenykh trudov*, Sverdlovsk, Ural'skii rabochii, is. 7, pp. 211–228.

Reshetnikova I. V., Yarkov V. V. (1999) *Grazhdanskoe pravo i grazhdanskii protsess v sovremennoi Rossii* [Civil law and civil procedure in modern Russia]. Moscow, Norma, 312 p.

Semenov V. M. (1964) *Spetsificheskie otraslevye printsipy sovetskogo grazhdanskogo protsessual'nogo prava* [Specific sectoral principles of Soviet civil procedural law]. In *Sbornik uchenykh trudov*. Sverdlovsk, Sredne-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo, is. 4, pp. 323–419.

Semenov V. M. (1982) *Konstitutsionnye printsipy grazhdanskogo sudoproizvodstva* [Constitutional Principles of Civil Proceedings]. Moscow, Yuridicheskaya literatura, 152 p.

Vas'kovskii E. V. (1913) *Kurs grazhdanskogo protsessa* [Civil Procedure Course]. Moscow, Br. Bashmakovy, 691 p.

Yarkov V. V. (1992) *Yuridicheskie fakty v mekhanizme realizatsii norm grazhdanskogo protsessual'nogo prava: dis. ... d-ra yurid. nauk* [Legal facts in the mechanism of implementation of the norms of civil procedural law: a doctor of legal sciences thesis]. Yekaterinburg, 523 p.

Yarkov V. V. (2022) *Dokazyvanie zloupotrebleniya protsessual'nym pravom* [Proving the abuse of procedural law]. In *Zakon*, no. 7, pp. 40–51.

Yarkov V. V. (2022) *Rol' suda v ustanovlenii obstoyatel'stv dela skvoz' prizmu issledovaniya professora A. T. Bonnera* [The role of the court in establishing the circumstances of a case through the prism of the research of Professor A. T. Bonner]. In *Vestnik grazhdanskogo protsessa*, no. 4, pp. 49–66.

Yud'el'son K. S. (1956) *Sovetskii grazhdanskii protsess* [Soviet civil procedure]. Moscow, Gosyurizdat, 439 p.

Yudin A. V. (2009) *Zloupotrebleniye protsessual'nymi pravami v grazhdanskom sudoproizvodstve: dis. ... d-ra yurid. nauk* [Abuse of procedural rights in civil proceedings: a doctor of legal sciences thesis]. Saint-Petersburg, 537 p.

Yudin A. V. (2021) Sudebnoe rassledovanie v grazhdanskom i arbitrazhnom protsesse [Judicial investigation in civil and arbitration proceedings]. In *Vestnik grazhdanskogo protsessa*, no. 1, pp. 44–59.

Yudin A. V. (2023) Ocherk 7. Obyazannost' dokazyvaniya v kontekste pravomernosti zayavlenykh iskovykh trebovaniy i vozrazhenii [Essay 7. The burden of proof in the context of the legitimacy of the stated claims and objections]. In *Ocherki sovremennogo tsivilisticheskogo protsessa: In Memoriam zasluzhennogo deyatelya nauki Rossiiskoi Federatsii, doktora yuridicheskikh nauk, professora Tamyry Evgen'evny Abovoi*. Moscow, Statut, pp. 69–82.

Zhuikov V. M., Zavriev S. S. (Eds.) (2024) *Problemy realizatsii printsipov grazhdanskogo sudoproizvodstva v pravoprimeritel'noi deyatel'nosti* [Problems of implementing the principles of civil procedure in law enforcement activities]. Moscow, Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossiiskoi Federatsii, Norma: INFRA-M, 416 p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.11.2025

Дата принятия рукописи в печать: 23.03.2026

УДК / UDC 347

DOI: 10.34076/22196838_2026_2_71

СТАНДАРТЫ РАЗУМНОСТИ И ДОБРОСОВЕСТНОСТИ КАК СОСТАВЛЯЮЩИЕ СУБЪЕКТИВНОЙ ДОБРОСОВЕСТНОСТИ В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ

Писков Иван Александрович

Старший юрист компании «ZettaLex», аспирант кафедры гражданского права Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева (Екатеринбург),
ORCID: 0009-0006-2061-5522, e-mail: i.a.piskov@gmail.com.

В статье рассматриваются теоретические и практические аспекты признаков, составляющих категорию субъективной добросовестности в российском гражданском праве. Основное внимание уделяется исследованию стандартов разумности и добросовестности как составляющих данного правового явления. Цель исследования – анализ содержания и соотношения понятий разумности и добросовестности в контексте их применения к оценке поведения участников гражданского оборота в рамках формулы «знал или должен был знать». В работе рассматривается проблематика разграничения объективной и субъективной добросовестности, а также их взаимосвязь с категориями вины и осмотрительности. Обосновано, что разумное поведение характеризуется осмотрительностью и заботливостью о собственных делах на основе применения объективно доступной информации. Исходя из этого определено, что субъективная добросовестность может быть представлена через два объективных стандарта поведения: добросовестность и разумность.

Ключевые слова: субъективная добросовестность, разумность, добросовестность, осмотрительное поведение, вина

Для цитирования: Писков И. А. Стандарты разумности и добросовестности как составляющие субъективной добросовестности в российском праве // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2026. № 2. С. 71–78. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2026_2_71.

STANDARDS OF REASONABLENESS AND GOOD FAITH AS COMPONENTS OF SUBJECTIVE GOOD FAITH IN RUSSIAN LAW

Piskov Ivan

Senior lawyer, ZettaLex, post-graduate, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg), ORCID: 0009-0006-2061-5522, e-mail: i.a.piskov@gmail.com.

The article examines the theoretical and practical aspects of the features that make up the category of subjective good faith in Russian civil law. The main attention is paid to the study of standards of reasonableness and good faith as components of this legal phenomenon. The purpose of the study is to analyze the content and correlation of the concepts of reasonableness and good faith in the context of their application to the assessment of the behavior of participants in civil turnover within the framework of the formula «knew or should have known». The paper examines the problems of distinguishing objective and subjective conscientiousness, as well as their relationship with the categories of guilt and prudence. The author proves that reasonable behavior is characterized by prudence and concern for one's own affairs based on the use of objectively accessible information. On this basis, it is determined that subjective integrity can be represented through two objective standards of behavior: integrity and reasonableness.

Key words: subjective good faith, reasonableness, good faith, prudent behavior, guilt

For citation: Piskov I. (2026) Standards of reasonableness and good faith as components of subjective good faith in Russian law. In Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnal», no. 2, pp. 71–78, DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2026_2_71.

Введение

Российская юридическая наука давно и достаточно обстоятельно исследует вопросы, связанные с оценочными категориями гражданского права, посредством которых восполняются недостатки и пробелы правового регулирования. Между тем проблематика данных вопросов не исчерпана, в силу чего для ученых-юристов сохраняется задача последовательного и убедительного обоснования идей, на основе которых правовое регулирование и практическое применение оценочных категорий могут быть выстроены наилучшим образом.

Один из вопросов состоит в определении содержания категории добросовестности, которая практически необъятна сама по себе и, кроме того, традиционно склоняется к разделению на два элемента: объективной и субъективной добросовестности. Последняя, в свою очередь, вызывает дискуссию даже по вопросу о необходимости ее выделения в принципе, поскольку характеристики, вкладываемые в нее, видятся спорными.

В частности, М. А. Церковников замечает, что, исследуя субъективную добросовестность как извинительное незнание о юридически значимых фактах, «мы рассматриваем не только осведомленность этого приобретателя, но и то, как действовал бы на его месте любой осмотрительный участник оборота. И тогда здесь мы переходим уже к изучению объективной добросовестности»¹.

К. В. Нам, в свою очередь, проводит в жизнь концепцию, согласно которой «понимание необходимости отграничения добросовестности как принципа права от „субъективной“ добросовестности очевидно и не должно являться проблемой», поскольку «первое отнесено к принципам гражданского права и применимо ко всем гражданско-правовым отношениям, а второе является частным случаем юридической квалификации определенных фактических обстоятельств»². Это показывает, что, несмотря на исследование в российской науке данных категорий как частей целого, существует ряд противоречий в понимании их соотношения и числа общих характеристик.

В качестве идеи, которая помогает устранить некоторые теоретические противоречия в данном вопросе, может выступить выделение из субъективной добросовестности двух объективных стандартов поведения: добросовестности и разумности. Применение нормы права, в которой содержится критерий осведомленности об обстоятельствах с формулой «знал либо должен был знать», в данной модели предполагает проверку его поведения на соответствие стандартам добросовестного поведения (знал) либо разумного поведения (должен был знать).

1. Характеристика осмотрительного поведения как воплощения стандарта поведения разумного

Необходимость исследования разумности в обозначенном вопросе напрямую исходит из характеристики данной оценочной категории, в которую вкладывается, помимо прочего, осмотрительное поведение. Так, М. Ф. Лукьяненко, исследуя содержание разумности как правовой категории, указывает, что «разумность действий – это характеристика волевого аспекта поведения лица, которое должно принимать свои решения, оценив риски и выгоды различных вариантов решения», а также что «разумность действий предусматривает, чтобы лицо действовало с осмотрительностью и прилежанием, требуемыми в данных обстоятельствах»³.

А. В. Коновалов, в свою очередь, определяет, что разумность в праве заключается в «рассудительности и рациональности решений и действий с использованием соб-

¹ Церковников М. А. О добросовестности в институтах вещного права // Вестник гражданского права. 2017. № 2. С. 25.

² Нам К. В. Принцип добросовестности: развитие, система, проблемы теории и практики. 2-е изд., перераб. и доп. М.: М-Логос, 2023. С. 247.

³ Лукьяненко М. Ф. Оценочные понятия гражданского права: разумность, добросовестность, существенность. М.: Статут, 2010. С. 251.

ственного опыта и общедоступного общественного опыта, который в данном обществе принято рассматривать в качестве обязательного источника для сопоставлений и анализа»¹. Как можно усмотреть, оба определения исходят из сопоставления известной лицу обстановки с возможными вариантами поведения и выбора наиболее рационального из доступных вариантов.

Поведение участника правоотношения, таким образом, должно быть рациональным (от лат. *ratio* – разум), направленным на достижение положительного эффекта от совершаемых действий либо осознанного бездействия. Наиболее удачно исследуемая категория изложена в формулировке В. С. Ема, который указывал, что «разумность – это осмысленность (рациональность), логичность и целесообразность поведения субъекта... разумно такое поведение лица, которое является результатом осмысления им социально-экономической обстановки, в которой он находится, логически вытекает из нее и целесообразно для него»².

Следует также отметить, что, по замечанию И. В. Розмаинского и К. А. Холодилина, «рациональность поведения предполагает то, что это поведение является оптимизирующим. Субъект, сопоставляя все возможные варианты выбора, находит оптимальный вариант, позволяющий наилучшим образом достичь поставленной цели»³.

Приведенные примеры научного понимания разумности дают представление о разумном поведении участника гражданского оборота как о поведении, которое характеризуется осмотрительностью и заботливостью о собственных делах на основе применения объективно доступной информации. Именно описанное содержание позволяет рассматривать разумное лицо как действующее логично и целесообразно, поскольку исключительно уяснение обстановки, окружающей его, позволяет выстраивать собственное поведение рациональным образом, в отсутствие информации поведение останется в лучшем случае излишне рискованным как для самого лица, так и для окружающих.

Определяя в п. 3 ст. 10 Гражданского кодекса РФ, что лицо предполагается в достаточной степени разумным, законодатель одновременно признает его способным установить факт нарушения собственного права либо права другого лица своим поведением. Более того, представляется допустимым считать, что презумпция разумности поведения в данном случае оперирует настолько низким стандартом, что возможность его достигнуть в исследуемых обстоятельствах не может быть поставлена под сомнение. В противном случае уровень осмотрительности и заботливости о собственных делах был бы абсурдно низким для стандартного участника оборота. Иначе говоря, извинительное незнание не может быть допустимо в случае, когда информация объективно доступна через приложение минимальных усилий, в чем и воплощается разумность поведения.

Из этого также следует, что презумпция разумного поведения в ряде установленных законом случаев, оперирующих критерием «должен был знать», находится на грани трансформации в фикцию, поскольку, установив, что лицо должно было знать о факте, суд уже не исследует опровержения этого обстоятельства, что было бы допустимо для презумпции. Между тем видится возможным утверждать, что для того, чтобы опровержение возможности соответствия стандарту осмотрительности было невозможным, обстоятельства должны указывать на достаточную простоту доступа к информации.

2. Соотношение формулы «знал или должен был знать» со стандартами добросовестного и разумного поведения

Указанный в законе признак, определяемый объективизированной характеристикой «должен был знать», безусловно, не обходится без конкретизации. С одной стороны, приведенная формулировка позволяет признавать лицо осведомленным об обстоятельствах, когда установлено, что для этого предприняты необходимые усилия, но

¹ Коновалов А. В. Принцип разумности в гражданском праве // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 8. С. 19.

² Гражданское право: учеб.: в 4 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. 2-е изд. перераб. и доп. М.: Статут, 2019. Т. 1. С. 468 (автор главы – В. С. Ем).

³ Розмаинский И. В., Холодилин К. А. История экономического анализа на Западе. СПб.: НИУ ВШЭ, 2012. С. 9.

не выявлен факт непосредственного получения необходимой информации. С другой стороны, нужды оборота также требуют возложения на потерпевшее лицо обязанности проявления хотя бы минимальной активности в вопросе получения информации о возможных нарушениях своего либо чужого права, поскольку абсолютная беспечность лица по отношению к защите собственного права увеличивает неопределенность и для лиц, с этим правом связанных. В частности, имущество, вовлеченное в оборот помимо воли собственника, по прошествии значительного времени теряет признаки незаконно приобретаемого, в том числе утрачиваются доказательства незаконности приобретения. В данном случае интересы неограниченного круга лиц, взаимодействующих с данным имуществом, прямо противоречат интересам собственника, не предпринявшего действий для своевременной защиты права при их объективной доступности.

В описанной части видится возможным поддержать позицию С. В. Сарбаша, который указал, что законодательно установленный признак «должен был знать» применительно к определению начала течения срока исковой давности проводится через два критерия: юридический (требуется «соответствие поведения истца законодательно предписанному стандарту должной заботливости и осмотрительности») и фактический, из которого выводится, что «любое разумное и осмотрительное лицо, находясь в таких же фактических обстоятельствах, не могло бы не узнать о нарушении своего права»¹.

Следует отметить, что, формулируя признаки данного явления, С. В. Сарбаш, помимо прочего, напрямую оперирует понятием «разумное и осмотрительное лицо». В указанном случае разумность и осмотрительность не приравниваются друг к другу, однако ставятся в ряд как практически тождественные понятия, определяющие лицо, поведение которого характеризуется достаточной степенью активности в познании сложившейся обстановки и выбора модели поведения на основе полученной информации. Изложенный взгляд также представляется подтверждением тому, что признаки, которые в российской науке традиционно относят к осмотрительному поведению, в сущности являются признаками разумного поведения как явления более широкого.

Соответствующее понимание осмотрительности как признака разумности также позволяет более точно исследовать категорию, обозначаемую как «субъективная добросовестность», наличие которой, как правило, проверяется в поведении приобретателя права собственности на вещь. Содержание указанной категории можно установить из наиболее часто рассматриваемой в данном контексте ст. 302 ГК РФ, определяющей требования к добросовестному приобретателю в рамках сделки, а также ст. 234 ГК РФ, которой установлены правила о добросовестности владельца, претендующего на приобретение права собственности по давности владения. Несмотря на то что широта применения тех же либо схожих правил в отечественном гражданском праве весьма велика, приведенные примеры достаточно репрезентативны.

В силу того что осмотрительность является ключевым признаком «добросовестного приобретателя» как лица, предпринявшего достаточные усилия для выяснения юридического содержания сделки, разумность также выходит на первый план при рассмотрении указанного вопроса.

Пункт 37 постановления Пленума ВС РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29 апреля 2010 г.² закрепляет, что «в соответствии со статьей 302 ГК РФ ответчик вправе возразить против истребования имущества из его владения путем представления доказательств возмездного приобретения им имущества у лица, которое не имело права его отчуждать, о чем он не знал и не должен был знать (добросовестный приобретатель)». Можно заметить, что как буквальная текст статьи, так и его интерпретация высшими судебными инстанциями предусматривает проверку уровня осведомленности лица о пороках сделки по критерию «знал / должен был знать».

¹ Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153–208 Гражданского кодекса Российской Федерации / В. В. Байбак [и др.]; отв. ред. А. Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2018. С. 1193 (автор комментария к ст. 200 – С. В. Сарбаш).

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29 апреля 2010 г. (ред. от 12 декабря 2023 г.) «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав».

При этом можно наблюдать, что российский правопорядок использует конструкцию «не знал и не должен был знать» в значительном числе случаев, однако не во всех из них можно говорить о субъективной добросовестности именно потому, что элемент добросовестности, который отражает возможное нарушение прав других лиц, в этих случаях не имеет значения. Одним из таких случаев является обозначенный ранее критерий определения времени начала течения срока исковой давности. В ситуации, когда от должной осмотрительности лица зависит лишь защита его собственного права, его незнание не становится извинительным, напротив, для обеспечения стабильности оборота оно может нести негативные последствия.

Следует признать, что конструкция незнания об обстоятельствах в случаях ее применения относится в большей степени к достижению публично значимых целей, чем к защите частного интереса. Так, можно согласиться с позицией А. С. Васильева и Д. В. Мурзина, что в основу соответствующих категорий (на примере субъективной добросовестности) «положена исключительно целесообразность... Очевидно, что законодатель, который искал инструмент обеспечения стабильности гражданского оборота, имел единственное намерение – дать участникам такого оборота уверенность в прочности приобретаемых ими вещных титулов»¹. В. Г. Голубцов также достаточно справедливо замечает, что «несмотря на то что конструкция „не знал и не должен знать“ присутствует в значительном числе норм, установление субъективной добросовестности имеет место только в тех случаях, когда речь идет о нарушении права лица»². С данной позицией представляется возможным согласиться, поскольку в отсутствие возможного нарушения прав других лиц установление соответствия указанным критериям с точки зрения извинительного незнания теряет правовой смысл.

3. Добросовестность и разумность как содержание субъективной добросовестности и антиподы умышленной и неосторожной форм вины

Представляется, что лишь осознанное нарушение прав другого лица возможно обозначить как недобросовестное поведение. «Добрая совесть» как категория моральная, являющаяся истоком правовой категории добросовестности, обозначается через сознательное воздержание от действий, причиняющих вред другому лицу. М. В. Радецкая, обобщая наблюдения о взглядах российской науки на данный вопрос, указала, что «ряд авторов рассуждают о том, что можно провести аналогию между неразумными и неумышленными действиями, с одной стороны, и недобросовестными и умышленными – с другой. Последствия таких действий, безусловно, должны быть разными»³.

Важно также отметить, что проявление субъективной добросовестности не допускает однозначного противопоставления: отсутствие всех признаков добросовестного приобретателя не позволяет сделать вывод, что поведение лица недобросовестно. В силу того что первично правопорядок требует от лица достаточной осмотрительности, свойственной именно разумному поведению, и лишь затем – добросовестного отказа от вступления в порочную сделку, зачастую может отсутствовать даже первичный элемент, без которого вывод о недобросовестности неверен.

Таким образом, изучение всех случаев проявления критерия «знал или должен был знать» через категорию добросовестности без учета осознания возможного нарушения права не видится допустимым. Первично и необходимо для данной категории проявление признаков разумности поведения.

Разделить вышеуказанные категории как самостоятельные позволяет также взаимосвязь признаков форм вины и критериев разграничения разумности и добросовестности. В качестве примера представляется возможным опираться на понимание грубой неосторожности, отделяемой от умысла в отечественной цивилистике. Так, В. В. Витрянский отмечал, что «в качестве критерия выделения такой формы вины,

¹ Васильев А. С., Мурзин Д. В. Субъективная добросовестность в гражданском праве: функции, степени, презумпции // Вестник экономического правосудия РФ. 2020. № 3. С. 70.

² Голубцов В. Г. Субъективная добросовестность в структуре общего понятия добросовестности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. № 3. С. 508.

³ Основы цивилистики: учеб. пособие / Р. Х. Абдрашитов [и др.]; под ред. А. В. Егорова, Э. А. Евстигнеева. М.: Ассоциация выпускников РШЧП, 2020. С. 140 (автор главы – М. В. Радецкая).

как грубая неосторожность, можно признать не проявление должником той минимальной степени заботливости и осмотрительности, какую можно было бы ожидать от всякого участника имущественного оборота, окажись он на месте должника, и не принятие должником очевидных (хотя бы элементарных) мер в целях надлежащего исполнения обязательств¹. Что важно, в данном определении грубой неосторожности можно выделить признак, вводимый через сопоставление поведения с поведением условного участника гражданского оборота, характерное для научных определений разумного поведения.

Схожим образом трактует грубую неосторожность А. Г. Карапетов, а именно как «игнорирование самых минимальных мер заботливости и осмотрительности при исполнении обязательства на грани беспечности»². Оба определения, таким образом, предлагают признаки неосторожности, крайне схожие с признаками, противоположными разумному поведению, что позволяет провести параллель со схожими характеристиками недобросовестного поведения и умышленного причинения вреда.

А. А. Маковская признает, что «такие правовые категории, как добросовестность и разумность, сегодня и в теории, и на практике раскрываются посредством использования тех же критериев, через которые в гражданском праве принято раскрывать понятие вины»³. Т. И. Илларионова, в свою очередь, предполагала, что категория вины в гражданском праве представлена в двух ее разновидностях: вины в собственном смысле и в форме недобросовестности, в силу чего недобросовестность имеет все существенные признаки вины⁴.

А. С. Васильев и Д. В. Мурзин, не признавая значение критериев вины за стандартами поведения в целом (на примере добросовестности), в частном выводе отмечают, что «в случаях использования критерия „знал или мог/должен был знать“ в связи с применением мер ответственности мы, действительно, сталкиваемся с особой разновидностью вины»⁵. Поскольку приведенный критерий наиболее явно разделяет требования добросовестного и разумного поведения, данный вывод можно признать подтверждением пересечения категорий виновного поведения и поведенческих стандартов разумности и добросовестности.

Практическое содержание концепции можно раскрыть на примере правил о добросовестном приобретении права собственности на вещь, отчуждаемую против воли собственника. Субъект обязан прежде всего проявить должную степень разумности и, как следствие, получить объективно доступную информацию о наличии либо отсутствии видимых пороков сделки, в которую ему предложено вступить. Лишь впоследствии лицо обязано наряду с логической целесообразностью проявить добросовестность и, соответственно, вступить в сделку исключительно при отсутствии у него информации о существовании пороков сделки. Между тем, не проявив заботливости и осмотрительности для выяснения обстоятельств и не получив понимания об отсутствии воли собственника, приобретатель вещи, введенный в заблуждение лжепродавцом, не является недобросовестным, с его стороны нарушено только требование разумности поведения, хотя и ведущее к тем же последствиям.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сформировать комплексное понимание субъективной добросовестности как правовой категории, состоящей из двух взаимосвязанных компонентов: разумности и добросовестности поведения участников гражданского оборота. Следствием этого, помимо прочего, видится необходимость дальнейшей терминологической проработки исследуемой категории.

¹ Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Общие положения. 3-е изд., стереотип. М.: Статут, 2001. Кн. 1. С. 152.

² Перемена лиц в обязательстве и ответственность за нарушение обязательства: комментарий к статьям 330–333, 380–381, 382–406.1 Гражданского кодекса Российской Федерации / А. Г. Архипова [и др.]; отв. ред. А. Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2022. С. 1299.

³ Маковская А. А. Основание и размер ответственности руководителей акционерного общества за причиненные обществу убытки // Убытки и практика их возмещения: сб. ст. / отв. ред. М. А. Рожкова. М.: Статут, 2006. С. 357.

⁴ Илларионова Т. И. Система гражданско-правовых охранительных мер // Илларионова Т. И. Избранные труды. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2005. С. 232.

⁵ Васильев А. С., Мурзин Д. В. Указ. соч. С. 72.

Разумность поведения выступает первичным стандартом, устанавливающим требования к осмотрительности и заботливости участников оборота. Данный стандарт носит объективный характер, поскольку не зависит от субъективных особенностей лица, а определяется общепризнанными критериями поведения в конкретной ситуации.

Добросовестность как второй компонент исследуемой категории проявляется после установления соответствия поведения лица стандарту разумности. При этом важно подчеркнуть, что отсутствие признаков разумного поведения не исключает возможность признания поведения добросовестным, но не соответствующим требованиям для признания права.

Системный подход к анализу обоих стандартов позволяет: 1) избежать необоснованного расширения сферы применения института добросовестности; 2) четко разграничить требования к поведению участников оборота; 3) создать эффективную систему оценки поведения субъектов права; 4) укрепить стабильность гражданского оборота.

Таким образом, исследование подтверждает, что последовательная проверка соответствия поведения лица стандартам разумности и добросовестности – необходимое условие для корректного применения правовых норм, содержащих критерий «знал или должен был знать». Это, в свою очередь, способствует укреплению правовой определенности и стабильности гражданского оборота.

Список литературы

Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Общие положения. 3-е изд., стереотип. М.: Статут, 2001. Кн. 1. 848 с.

Васильев А. С., Мурзин Д. В. Субъективная добросовестность в гражданском праве: функции, степени, презумпции // Вестник экономического правосудия РФ. 2020. № 3. С. 65–77.

Голубцов В. Г. Субъективная добросовестность в структуре общего понятия добросовестности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. № 3. С. 490–518.

Гражданское право: учеб.: в 4 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2019. Т. 1. 576 с.

Илларионова Т. И. Система гражданско-правовых охранительных мер // Илларионова Т. И. Избранные труды. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2005. С. 117–249.

Коновалов А. В. Принцип разумности в гражданском праве // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 8. С. 11–21.

Лукьяненко М. Ф. Оценочные понятия гражданского права: разумность, добросовестность, существенность. М.: Статут, 2010. 421 с.

Маковская А. А. Основание и размер ответственности руководителей акционерного общества за причиненные обществу убытки // Убытки и практика их возмещения: сб. ст. / отв. ред. М. А. Рожкова. М.: Статут, 2006. С. 329–372.

Нам К. В. Принцип добросовестности: развитие, система, проблемы теории и практики. 2-е изд., перераб. и доп. М.: М-Логос, 2023. 388 с.

Основы цивилистики: учеб. пособие / Р. Х. Абдрашитов [и др.]; под ред. А. В. Егорова, Э. А. Евстигнеева. М.: Ассоциация выпускников РШЧП, 2020. 262 с.

Перемена лиц в обязательстве и ответственность за нарушение обязательства: комментарий к статьям 330–333, 380–381, 382–406.1 Гражданского кодекса Российской Федерации / А. Г. Архипова [и др.]; отв. ред. А. Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2022. 1582 с.

Розмаинский И. В., Холодилин К. А. История экономического анализа на Западе. СПб.: НИУ ВШЭ, 2012. 213 с.

Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153–208 Гражданского кодекса Российской Федерации / В. В. Байбак [и др.]; отв. ред. А. Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2018. 1264 с.

Церковников М. А. О добросовестности в институтах вещного права // Вестник гражданского права. 2017. № 2. С. 24–30.

References

Abdrashitov R. Kh., et al. (2020) *Osnovy tsivilistiki: uchebnoe posobie* [Fundamentals of civil law: textbook], ed. by A. V. Egorov, E. A. Evstigneev. Moscow, Assotsiatsiya vpusknikov RShChP, 262 p.

Arkhipova A. G., et al. (2022) *Peremena lits v obyazatel'stve i otvetstvennost' za narushenie obyazatel'stva: kommentarii k stat'yam 330–333, 380–381, 382–406.1 Grazhdanskogo kodeksa Rossiiskoi Federatsiii* [Change of persons in an obligation and liability for breach of obligation: commentary on Articles 330–333, 380–381, 382–406.1 of the Civil Code of the Russian Federation], ed. by A. G. Karapetov. Moscow, M-Logos, 1582 p.

Baybak V. V., et al. (2018) *Sdelki, predstavitel'stvo, iskovaya davnost': postateinyi kommentarii k stat'yam 153–208 Grazhdanskogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii* [Transactions, representation, limitation period: article-by-article commentary to Articles 153–208 of the Civil Code of the Russian Federation], ed. by A. G. Karapetov. Moscow, M-Logos, 1264 p.

Braginskiy M. I., Vitryanskiy V. V. (2001) *Dogovornoe pravo. Obshchie polozheniya* [Contract law. General provisions], 3rd ed., stereotyp. Moscow, Statut, book 1, 848 p.

Golubtsov V. G. (2019) Sub"ektivnaya dobrosovestnost' v strukture obshchego ponyatiya dobrosovestnosti [Subjective good faith in the structure of the general concept of good faith]. In *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki*, no. 3, pp. 490–518.

Illarionova T. I. (2005) Sistema grazhdansko-pravovykh okhranitel'nykh mer [The system of civil law protective measures]. In Illarionova T. I. *Izbrannye trudy*. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 117–249.

Konovalov A. V. (2019) Printsip razumnosti v grazhdanskom prave [The principle of reasonableness in civil law]. In *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava*, no. 8, pp. 11–21.

Luk'yanenko M. F. (2010) *Otsenochnye ponyatiya grazhdanskogo prava: razumnost', dobrosovestnost', sushchestvennost'* [Evaluative concepts of civil law: reasonableness, good faith, materiality]. Moscow, Statut, 421 p.

Makovskaya A. A. (2006) Osnovanie i razmer otvetstvennosti rukovoditelei aktsionernogo obshchestva za prichinennye obshchestvu ubytki [The basis and amount of liability of the managers of a joint-stock company for damages caused to the company]. In Rozhkova M. A. (Ed.) *Ubytki i praktika ikh vozmeshcheniya: sbornik statei*. Moscow, Statut, pp. 329–372.

Nam K. V. (2023) *Printsip dobrosovestnosti: razvitie, sistema, problemy teorii i praktiki* [The principle of good faith: development, system, problems of theory and practice], 2nd ed., revised and add. Moscow, M-Logos, 388 p.

Rozmainkiy I. V., Kholodilin K. A. (2012) *Istoriya ekonomicheskogo analiza na Zapade* [History of economic analysis in the West]. Saint-Petersburg, NIU VSHE, 213 p.

Sukhanov E. A. (Ed.) (2019) *Grazhdanskoe pravo: uchebnik: v 4 t.* [Civil law: textbook: in 4 volumes], 2nd ed., revised and add. Moscow, Statut, vol. 1, 576 p.

Tserkovnikov M. A. (2017) O dobrosovestnosti v institutakh veshchnogo prava [On good faith in property law institutions]. In *Vestnik grazhdanskogo prava*, no. 2, pp. 24–30.

Vasil'ev A. S., Murzin D. V. (2020) Sub"ektivnaya dobrosovestnost' v grazhdanskom prave: funktsii, stepeni, prezumpitsii [Subjective good faith in civil law: functions, degrees, presumptions]. In *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya RF*, no. 3, pp. 65–77.

Дата поступления рукописи в редакцию: 29.09.2025

Дата принятия рукописи в печать: 23.03.2026

УДК / UDC 347

DOI: 10.34076/22196838_2026_2_79

КРИТЕРИИ ДЛЯ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К СУБСИДИАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЮРИСТОВ

Чалая Светлана Васильевна

Соискатель ученой степени кандидата юридических наук (Ростов-на-Дону),
ORCID: 0009-0003-0516-4143, e-mail: Sveta-chalaya@yandex.ru.

Волна роста ставки рефинансирования влечет увеличение долговой нагрузки и риска неплатежеспособности для большинства хозяйствующих субъектов, использующих кредитные продукты финансовых организаций. Ежегодный рост числа дел о банкротстве, который подтверждается статистическими сведениями о деятельности арбитражных судов, предопределяет пропорциональный рост зависимых споров о привлечении к субсидиарной ответственности лиц, контролирующих должника. Поскольку круг лиц законодательно не ограничен, существует риск привлечения не только для директора, участника, бенефициара, но и для руководителя структурного подразделения, главного бухгалтера, а также юриста. В настоящей статье рассматриваются основания для привлечения к субсидиарной ответственности юристов-консультантов. В ходе исследования на основании глубокого анализа судебной практики автор формулирует критерии для привлечения лиц, оказывающих юридические услуги, к субсидиарной ответственности, выявляет определяющие риски признания юриста лицом, контролирующим деятельность должника. По результатам анализа практики в области привлечения к субсидиарной ответственности автор вырабатывает рекомендации превентивного характера, позволяющие существенно снизить вероятность взыскания убытков с лиц, оказывающих правовые услуги.

Ключевые слова: субсидиарная ответственность, банкротство, контролирующее лицо должника

Для цитирования: Чалая С. В. Критерии для привлечения к субсидиарной ответственности юристов // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2026. № 2. С. 79–84. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2026_2_79.

CRITERIA FOR INVOLVING LEGAL COUNSELS IN SUBSIDIARY RESPONSIBILITY

Chalaya Svetlana

Applicant for the degree of candidate of legal sciences (Rostov-on-Don),
ORCID: 0009-0003-0516-4143, e-mail: Sveta-chalaya@yandex.ru.

The wave of rising refinancing rates leads to an increase in the debt burden and the risk of insolvency for most business entities that use credit products from financial institutions. The annual increase in bankruptcy cases, which is confirmed by statistical data on the activities of arbitration courts, also leads to an increase in related disputes regarding the liability of individuals who control the debtor. Since the list of such individuals is not legally limited, the chief accountant and lawyer may also be at risk, in addition to the participants, managers and beneficiaries. This article discusses the grounds for bringing legal advisers to subsidiary liability. Based on a thorough analysis of judicial practice, the author formulates criteria for bringing legal advisers to subsidiary liability and identifies the key risks of recognizing a lawyer as a person who controls the debtor's activities. Based on the analysis of the practice of applying legislation on subsidiary liability, the author develops preventive recommendations that can significantly reduce the likelihood of recovering losses from individuals who provide legal services.

Key words: subsidiary liability, bankruptcy lawyer, controlling person of the debtor

For citation: Chalaya S. (2026) Criteria for involving legal counsels in subsidiary responsibility. In Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu», no. 2, pp. 79–84, DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2026_2_79.

Современные реалии развития российской экономики демонстрируют ежегодный прирост арбитражных дел о банкротстве физических, а также юридических лиц. Провоцирующим фактором для несостоятельности выступила пандемия COVID-19, а с начала 2024 г. – высокая ставка рефинансирования¹.

При банкротстве юридического лица руководителей, бенефициаров и участников в ходе арбитражной процедуры могут привлечь к субсидиарной ответственности, где каждый из них рискует отвечать по долгам банкрота личным имуществом. В последние годы риск привлечения существует также для руководителей структурных подразделений, главных бухгалтеров и даже юристов. Наличие пробелов в законодательстве и вариативные подходы в судебной практике обуславливают неопределенность исхода судебных споров о субсидиарной ответственности².

Ежегодная статистика рассмотренных судебных дел о привлечении к субсидиарной ответственности коррелирует с делами о несостоятельности (банкротстве). Согласно сводным статистическим сведениям о деятельности арбитражных судов ежегодно отслеживается заметный рост таких категорий дел, принятых к производству³.

Методология настоящего исследования основана на общенаучных методах: формальной логики, анализа и синтеза, аналогии. Кроме того, применяется системный подход.

Цель настоящего исследования – проанализировать практику применения законодательства в случае привлечения к субсидиарной ответственности особых субъектов на примере юристов; сформулировать риски для юристов в сфере банкротства, а также выработать превентивные рекомендации, которые уменьшают вероятность привлечения к ответственности лиц, оказывающих правовые услуги.

Вопросам, связанным с субсидиарной ответственностью, посвящены немногие диссертационные исследования, а именно К. И. Евтеева, Е. В. Кротова, публикации К. А. Усачевой, А. В. Егорова, Л. К. Лотфуллиной, А. П. Идрисовой. Специфика взыскания убытков и привлечения к субсидиарной ответственности юристов была объектом изучения в статьях Е. В. Драгомировой, П. В. Ганина. Несмотря на актуальность темы исследования, в научных работах тематика представлена весьма скудно.

Обязательства, вытекающие из субсидиарной ответственности, являются исключительной мерой возмещения убытков. А. В. Егоров определяет институт субсидиарной ответственности как «специальный вид деликта», который не поименован прямо в Гражданском кодексе, должен быть создан судебной практикой⁴ и фактически представляет собой запасной способ погашения обязательств перед кредиторами должника. Согласно ст. 399 Гражданского кодекса РФ и ст. 61.10 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ (ред. от 7 октября 2024 г.) «О несостоятельности (банкротстве)» круг лиц, которые могут быть признаны контролирующими деятельность должника, законом строго не определен. Поскольку критерии таких лиц размыты и перечень фактически открыт, это определяет свободу выбора заявителя, цель которого – максимально погасить обязательства перед кредиторами должника. Примечательно, что отсутствие статуса контролирующего деятельность должника не может подтверждаться исключительно должностной инструкцией⁵.

В конкретном деле с учетом совокупности доказательств и юридически значимых обстоятельств только суд на свое усмотрение определяет обоснованность привле-

¹ Ключевая ставка Банка России // Банк России. URL: https://cbr.ru/hd_base/KeyRate/ (дата обращения: 30.09.2025).

² Идрисова А. П. Проблемы привлечения к субсидиарной ответственности контролирующих лиц должника в банкротстве // Право. Юридические науки. Закон и право. 2024. № 3. С. 149.

³ Данные судебной статистики // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79/&item=6122> (дата обращения: 30.09.2025).

⁴ Егоров А. В. Субсидиарная ответственность по долгам юридического лица: концептуальные вопросы // Цивилистика. 2024. № 3. С. 37.

⁵ Лотфуллин Л. К. Субсидиарная и иная ответственность контролирующих должника лиц при банкротстве. М.: SB&P, 2021. URL: https://sbplaw.ru/media/documents/Lotfullin_SBP2021_Subsiary_Liability_Book.pdf (дата обращения: 29.10.2025).

чения к субсидиарной ответственности каждого из заявленных ответчиков. Однако право выбора круга привлекаемых лиц кредиторами или арбитражным управляющим ничем не ограничено, в том числе судебными расходами.

Оборот сделок с недвижимостью и другими активами, совершенных за три года до подачи заявления о банкротстве (в период подозрительности), имеет дополнительный контроль и представляет особый интерес для участников, арбитражного управляющего и кредиторов. Среди мотивов проверки деятельности должника – выявление признаков вывода активов и целенаправленного ухудшения финансового состояния. Сама процедура банкротства должника предполагает невозможность исполнения обязательств перед кредиторами, в том числе в случае продажи всех активов и имущественных прав должника.

Намеренное введение должника в банкротство через принятие соответствующих управленческих решений контролирующих лиц может быть реализовано через ряд юридических действий: наращивание дружественной кредиторской задолженности, продажа ликвидных объектов по заниженной стоимости и (или) аффилированным лицам, вывод денежных средств.

Концептуальные проблемы института субсидиарной ответственности изначально рассматривали именно в контексте доведения до банкротства¹. Недобросовестное поведение руководителей по выводу денежных средств может проявляться через фиктивные сделки с дружественными компаниями или подконтрольными лицами, оплату услуг, кратно превышающих рыночную стоимость, выплату дивидендов и даже премий сотрудникам в период затруднительного финансового положения должника и многие другие действия. Совокупность таких действий может повлечь уменьшение имущественной массы должника и невозможность рассчитаться с его реальными кредиторами, что в дальнейшем определяет для контролирующих лиц не только риск привлечения к субсидиарной ответственности, но и уголовно-правовую ответственность.

Следует отметить, что реализация подобных шагов не представляется возможной без юридического сопровождения. В практике банкротства юридических лиц вывод ликвидных активов, денежных средств – достаточно частое явление. Поэтому привлечение профессиональных консультантов и юристов в сфере банкротства необходимо. Иногда возникает попытка привлечь юристов заявителей в таких арбитражных делах.

Цель арбитражного управляющего и кредиторов – увеличить конкурсную массу всеми доступными способами. На основании чего маркерами для привлечения лиц, оказывающих юридические услуги, являются: доверенность с широким кругом полномочий, в том числе на отказ от иска, заключение мирового соглашения и даже подписание договоров на совершение сделок с недвижимостью; ведение переговоров от лица должника единолично; составление дорожной карты для вывода активов должника.

Согласно позиции Верховного Суда РФ, изложенной в определении Судебной коллегии по экономическим спорам от 30 сентября 2019 г. № 305-ЭС19-10079 по делу № А41-87043/2015, судебное разбирательство о привлечении контролирующих лиц к субсидиарной ответственности по основанию невозможности погашения требований кредиторов должно в любом случае сопровождаться изучением причин банкротства должника.

Удовлетворение подобного рода исков свидетельствует о том, что суд в качестве причины несостоятельности признал недобросовестные действия ответчиков.

И напротив, отказ от иска указывает, что в основе несостоятельности имеются другие обстоятельства, связанные с объективными рыночными факторами, либо что принятая предприятием стратегия ведения бизнеса хотя и не являлась недобросовестной, но ввиду сопутствующего ведению предпринимательской деятельности риска не принесла желаемых результатов.

Практика привлечения нестандартных фигур к субсидиарной ответственности с каждым годом расширяется. Так, обычным явлением становится привлечение главного бухгалтера должника (см., например, постановления Арбитражного суда Московского округа от 25 апреля 2019 г. по делу № А40-131425/2016 и от 8 июля 2021 г.

¹ Егоров А. В., Усачева К. А. Субсидиарная ответственность за доведение до банкротства – неудачный эквивалент западной доктрины снятия корпоративного покрова // Вестник ВАС РФ. 2013. № 12. С. 6–7.

по делу № А41-12099/16), а также партнеров, оказывающих должнику бухгалтерское сопровождение (определение Верховного Суда РФ от 26 октября 2020 г. № 305-ЭС18-12110 (5) по делу № А40-33003/2017), членов совета директоров банкрота (определение Верховного Суда РФ от 26 октября 2020 г. № 307-ЭС19-18723 (4,5) по делу № А56-26451/2016), коммерческого директора (постановление Арбитражного суда Уральского округа от 17 мая 2019 г. № Ф09-1123/19 по делу № А60-18683/2016), финансового директора (определение Верховного Суда РФ от 26 февраля 2020 г. № 307-ЭС17-8365 (18))¹.

В отношении юристов практика к настоящему моменту складывается скорее отрицательно (см. постановление Арбитражного суда Уральского округа от 12 августа 2024 г. по делу № А76-22330/2018, постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 10 декабря 2019 г. по делу № А41-78395/16). Однако в практике был заметный прецедент с наложением ареста на все имущество юриста, участвующего в процедуре банкротства, зафиксированный в определении Арбитражного суда Челябинской области от 5 августа 2019 г. по арбитражному делу № А76-22330/2018, которое 21 июля 2021 г. было отменено определением Арбитражного суда Уральского округа. Явным риском для привлечения юриста к субсидиарной ответственности как контролирующего лица должника является совокупность доказательств, подтверждающих, что юрист влиял на управленческие решения должника, определял стратегию компании.

Далее мы сформулируем критерии, по которым возникают риски для предъявления исков о взыскании с юристов должника убытков при сопровождении процедуры банкротства.

1. Выработка стратегии вывода активов из имущественной массы должника.

Весьма часто юристы, сопровождающие процедуру банкротства, оказывают излишний спектр услуг организациям, которые находятся в трудном финансовом положении. Формирование дорожной карты вывода ликвидных активов и создание условий для невозможности расчетов с кредиторами могут повлиять на квалификацию действий юриста и образовать совокупность негативных для него доказательств.

Например, в деле о банкротстве ООО «Стройальянс» № А41-78395/2016 арбитражный управляющий требовал привлечь к субсидиарной ответственности юридическую фирму «Брайан Кейв Лейтонпейзнер (Раша) ЛЛП». Он мотивировал обоснованность требований их содействием выводу активов должника. Рассмотрение спора длилось с июня 2019 г. по 21 октября 2020 г. Дело завершилось «отказом от заявленных требований в связи с прекращением производства по делу о несостоятельности (банкротстве) на основании заключения мирового соглашения» в закрытом судебном заседании².

Следует отметить, что выработка способа вывода активов должника – вполне вероятный запрос юристу в сфере банкротства, однако разработка исполнителем прямых указаний заказчику и составление единственной дорожной карты создает для юриста признаки контролирующего лица. Не следует напрямую указывать заказчику, как поступить с его имуществом, необходимо прорабатывать все возможные варианты и указывать максимальное количество рисков. Окончательное решение должен самостоятельно принимать бенефициар и директор должника.

В делах банкротства «субсидиарная ответственность представляет собой наказание за умышленные действия по причинению вреда кредиторам»³.

2. Предоставление юристу широких полномочий в доверенности на заключение сделок.

Для представления интересов заказчик выдает юристу доверенность. В стандартных доверенностях прописан ряд полномочий, которые в большинстве случаев не нужны юристу для исполнения обязательств. Доверенность сама по себе не подтверждает статус контролирующего лица. Однако широкие полномочия несут потенциальный риск привлечения к субсидиарной ответственности.

В арбитражном деле № А41-21198/2015 юрисконсульт А. В. Царева была в числе лиц, привлекаемых к субсидиарной ответственности. Грубой ошибкой в этом деле было

¹ Лотфуллин Л. К. Указ. соч. С. 93.

² Ганин П. В. Юристы и консультанты как субъекты субсидиарной ответственности // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2021. № 2. С. 84.

³ Егоров А. В. Указ. соч. С. 49.

подписание по доверенности от имени должника сделки, которая фактически уменьшила конкурсную массу и причинила вред кредиторам. Первая инстанция удовлетворила иски и привлекла юриста к субсидиарной ответственности. Само обстоятельство подписания сделки на отчуждение имущества по доверенности определено судьей как контроль над деятельностью организации. Однако апелляционная инстанция отменила решение Арбитражного суда Московской области (постановление Арбитражного суда Московского округа от 2 декабря 2020 г. по делу № А41-21198/2015). Суд установил, что «факт подписания договора купли-продажи как представителем по нотариально удостоверенной доверенности не определяет статус А. В. Царевой как контролирующего лица. При этом судом апелляционной инстанции отмечено, что доверенность не давала А. В. Царевой полномочий, касающихся существа сделки: она не определяла самостоятельно условия сделки, выбор контрагента, порядок оплаты, цену доли и т. п. Напротив, доверенность содержала все существенные условия указанной сделки: цена покупки доли, продавец доли, описание покупаемой доли, условия и порядок оплаты и другие условия». Сама возможность привлечения юриста к субсидиарной ответственности существенно усложняет реализацию сделок по управлению имуществом и настораживает непосредственного исполнителя, поскольку такая практика позволяет выделить дополнительную категорию привлекаемых лиц¹.

Полагаем, что критично для юриста стать непосредственным участником сделки, а также занимать ведущую роль в определении судьбы активов. Особую важность и внимание такие сделки приобретают, если они заключены в период подозрительности. Юридически значимое действие по оформлению сделки может быть также при достижении мирового соглашения в суде либо при необоснованном и экономически неразумном отказе от иска в суде по доверенности. Эти действия равноценно могут быть квалифицированы как контроль над деятельностью должника. Таким образом, не следует включать в доверенность на представление интересов в суде право на отказ от иска, уменьшать заявленные требования и заключать мировые соглашения. Указанные полномочия разумнее оставить заказчику.

Кроме того, в сделках с активами юристу не следует принимать имущество, которое причитается потенциальному банкроту, подписывать на основании доверенности договоры и соглашения, сопроводительные документы по сделке. Также потенциальный риск несет проведение единолично переговоров от имени должника, представление интересов в банках и иных кредитных учреждениях, например при расчете по сделке.

Целесообразно уделить внимание наличию причинно-следственной связи между действиями лица, оказывающего юридические услуги, и неблагоприятными последствиями для кредиторов. По мнению автора, при анализе конкретных обстоятельств достаточным является применение концепции *sine qua non* в теории причинной связи, которая заключается в следующем: если событие отбросить, а следствие не наступит, значит, указанное событие не является причиной указанного следствия².

Резюмируем: существующая практика привлечения лиц, оказывающих юридические услуги накануне банкротства, к субсидиарной ответственности имеет скорее отказной характер. Однако отсутствие границ и возможность привлечения к субсидиарной ответственности такой категории субъектов создает значительный риск и угрозу формирования новой группы привлекаемых к субсидиарной ответственности лиц.

Дела о банкротстве, где была попытка привлечения лиц, оказывающих юридические услуги, подтверждают, что это «не более чем пополнение конкурсной массы за счет еще одного лица, а не механизм защиты законных прав, интересов и правовой справедливости»³. Совершенствование видов услуг и повышение уровня вовлечения юристов в управление компанией не может исключать образование нового пласта практики арбитражных судов по данной категории лиц. Также не следует забывать,

¹ Ганин П. В. Указ. соч. С. 85.

² Назариков С. В. Некоторые теоретические и практические аспекты причинно-следственной связи в контексте деликтной ответственности // Договоры и обязательства: сб. работ / сост. и отв. ред. А. В. Егоров, А. А. Новицкая. М.: ИЦЧП им. С. С. Алексеева при Президенте РФ, 2018. Т. 2. С. 151–152.

³ Драгомирова Е. В. Привлечение юриста к субсидиарной ответственности в качестве контролирующего лица // Вестник науки. 2022. Т. 3. № 10. С. 46.

что «при субсидиарной ответственности не образуется множественность лиц»¹. Уточнение правового статуса лиц, оказывающих юридические услуги, является востребованной мерой во избежание неразумного и хаотичного поведения кредиторов и конкурсного управляющего, в противном случае для юристов возникает потенциальный риск привлечения к субсидиарной ответственности.

Список литературы

Ганин П. В. Юристы и консультанты как субъекты субсидиарной ответственности // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2021. № 2. С. 83–86.

Драгомирова Е. В. Привлечение юриста к субсидиарной ответственности в качестве контролирующего лица // Вестник науки. 2022. Т. 3. № 10. С. 43–47.

Егоров А. В. Субсидиарная ответственность по долгам юридического лица: концептуальные вопросы // Цивилистика. 2024. № 3. С. 37–96.

Егоров А. В., Усачева К. А. Субсидиарная ответственность за доведение до банкротства – неудачный эквивалент западной доктрины снятия корпоративного покрова // Вестник ВАС РФ. 2013. № 12. С. 6–61.

Идрисова А. П. Проблемы привлечения к субсидиарной ответственности контролирующих лиц должника в банкротстве // Право. Юридические науки. Закон и право. 2024. № 3. С. 149–153.

Кротова Е. В. Субсидиарная ответственность в российском гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2020. 22 с.

Лотфуллин Л. К. Субсидиарная и иная ответственность контролирующих должника лиц при банкротстве. М.: SB&P, 2021. 556 с. URL: https://sbplaw.ru/media/documents/Lotfullin_SBP2021_Subsidiary_Liability_Book.pdf (дата обращения: 29.10.2025).

Назариков С. В. Некоторые теоретические и практические аспекты причинно-следственной связи в контексте деликтной ответственности // Договоры и обязательства: сб. работ / сост. и отв. ред. А. В. Егоров, А. А. Новицкая. М.: ИЦЧП им. С. С. Алексеева при Президенте РФ, 2018. Т. 2. С. 148–230.

References

Dragomirova E. V. (2022) Privlechenie yurista k subsidiarnoi otvetstvennosti v kachestve kontroliruyushchego litsa [Bringing a lawyer to subsidiary liability as a controlling person]. In *Vestnik nauki*, vol. 3, no. 10, pp. 43–47.

Egorov A. V. (2024) Subsidiarnaya otvetstvennost' po dolgam yuridicheskogo litsa: kontseptual'nye voprosy [Subsidiary liability for the debts of a legal entity: conceptual issues]. In *Tsivilistika*, no. 3, pp. 37–96.

Egorov A. V., Usacheva K. A. (2013) Subsidiarnaya otvetstvennost' za dovedenie do bankrotstva – neudachnyi ekvivalent zapadnoi doktriny snyatiya korporativnogo pokrova [Vicarious liability for bankruptcy is an unfortunate equivalent of the Western doctrine of lifting the corporate veil]. In *Vestnik VAS RF*, no. 12, pp. 6–61.

Ganin P. V. (2021) Yuristy i konsul'tanty kak sub"ekty subsidiarnoi otvetstvennosti [Lawyers and consultants as subjects of subsidiary liability]. In *Imushchestvennye otnosheniya v Rossiiskoi Federatsii*, no. 2, pp. 83–86.

Idrisova A. P. (2024) Problemy privlecheniya k subsidiarnoi otvetstvennosti kontroliruyushchikh lits dolzhnika v bankrotstve [Problems of bringing controlling persons of a debtor to subsidiary liability in bankruptcy]. In *Pravo. Yuridicheskie nauki. Zakon i pravo*, no. 3, pp. 149–153.

Krotova E. V. (2020) *Subsidiarnaya otvetstvennost' v rossiiskom grazhdanskom prave: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk* [Subsidiary liability in Russian civil law: an abstract of a candidate of legal sciences thesis]. Krasnoyarsk, 22 p.

Lotfullin L. K. (2021) *Subsidiarnaya i inaya otvetstvennost' kontroliruyushchikh dolzhnika lits pri bankrotstve* [Subsidiary and other liability of persons controlling the debtor in bankruptcy]. Moscow, SB&P, 556 p., available at: https://sbplaw.ru/media/documents/Lotfullin_SBP2021_Subsidiary_Liability_Book.pdf (accessed: 29.10.2025).

Nazarikov S. V. (2018) Nekotorye teoreticheskie i prakticheskie aspekty prichinno-sledstvennoi svyazi v kontekste deliktnoi otvetstvennosti [Some theoretical and practical aspects of causation in the context of tort liability]. In Egorov A. V., Novitskaya A. A. (Eds.) *Dogovory i obyazatel'stva: sbornik rabot*. Moscow, ITSCHP im. S. S. Alekseeva pri Prezidente RF, vol. 2, pp. 148–230.

Дата поступления рукописи в редакцию: 30.10.2025

Дата принятия рукописи в печать: 23.03.2026

¹ Кротова Е. В. Субсидиарная ответственность в российском гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2020. С. 7.

УДК / UDC 34.04

DOI: 10.34076/22196838_2026_2_85

К ПРОБЛЕМЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ: ИЗ ОПЫТА УРГЮУ ИМЕНИ В. Ф. ЯКОВЛЕВА

Насонова Полина Сергеевна

Студент Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева (Екатеринбург), ORCID: 0009-0002-9765-095X, e-mail: nasonova.polina2004@gmail.com.

В статье обосновывается необходимость модернизации юридического образования в условиях формирования общества знаний. Определены ключевые вызовы, стоящие перед российским обществом и системой юридического образования. Выявлен комплекс проблем, связанных с подготовкой юридических кадров и воспитанием юридического сообщества: экстенсивное развитие юридического образования; снижение качества преподавания, вызванное ростом спроса на юридическое образование; недостаточное финансирование юридических высших учебных заведений; ценностный конфликт между формирующейся правоприменительной практикой и системой юридического образования; формирование квазиправовых учебных дисциплин в условиях построения инновационной экономики и периода социальной бифуркации; акцент не на качественных, а на количественных показателях при оценке эффективности юридических высших учебных заведений; недостаточное обоснование организационно-методических изменений и др. Проанализированы эффективные практики, реализуемые в Уральском государственном юридическом университете имени В. Ф. Яковлева, направленные на формирование традиционных российских духовно-нравственных ценностей, оптимизацию коммуникативных процессов, сохранение и приумножение наследия научной школы, а также повышение качества образовательного процесса. Особо важно, что результаты исследования могут быть использованы для решения аналогичных задач в других образовательных организациях, поскольку носят универсальный характер.

Ключевые слова: юридическое образование, общество знаний, духовно-нравственные ценности, коммуникативные процессы, модернизация образования, УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева

Для цитирования: Насонова П. С. К проблеме совершенствования юридического образования в России: из опыта УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2026. № 2. С. 85–93. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2026_2_85.

TO THE PROBLEM OF IMPROVING LEGAL EDUCATION IN RUSSIA: FROM THE EXPERIENCE OF THE URAL STATE LAW UNIVERSITY NAMED AFTER V. F. YAKOVLEV

Nasonova Polina

Student, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg), ORCID: 0009-0002-9765-095X, e-mail: nasonova.polina2004@gmail.com.

The article substantiates the need to modernize legal education in the context of the formation of a knowledge society. The key challenges facing Russian society and the legal education system are identified. A set of problems associated with the training of legal personnel and the education of the legal community is revealed: extensive development of legal education; declining quality of teaching caused by the growing demand for legal education; insufficient funding of law schools; a value conflict between the emerging law enforcement practice and the legal education system; the

formation of quasi-legal academic disciplines in the context of building an innovative economy and a period of social bifurcation; an emphasis not on qualitative but on quantitative indicators when assessing the effectiveness of law schools; insufficient justification for organizational and methodological changes, etc. The effective practices implemented at the Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, aimed at the formation of traditional Russian spiritual and moral values, optimization of communication processes, preservation and enhancement of the heritage of the scientific school and improvement of the quality of the educational process are analyzed. Of particular importance is the fact that the results of the study can be used to solve similar problems in other educational organizations, since they have of a universal nature.

Key words: legal education, knowledge society, spiritual and moral values, communication processes, modernization of education, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev

*For citation: Nasonova P. (2026) To the problem of improving legal education in Russia: from the experience of the Ural State Law University named after V. F. Yakovlev. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 2, pp. 85–93, DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2026_2_85.*

Формирование общества знаний, т. е. общества, в котором преобладающее значение для развития гражданина, экономики и государства имеют получение, сохранение, производство и распространение достоверной информации с учетом стратегических национальных приоритетов Российской Федерации¹, требует комплексной модернизации отечественной образовательной системы, а также систематической работы по расширению кругозора, укреплению духовно-нравственного и культурного стержня обучающихся.

Модернизация образования является одним из приоритетов, отраженных в актах стратегического планирования: государственной программе Российской Федерации «Развитие образования»², Стратегии национальной безопасности РФ³, Доктрине информационной безопасности РФ⁴, Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей⁵ и др. Необходимость совершенствования юридического образования обусловлена потребностью в квалифицированных кадрах для укрепления государства, конституционной законности и развития экономики в соответствии с современными требованиями.

Вызовы, которые стоят перед российским обществом, требуют от юридического образования:

обеспечения преемственности в системе юридического знания посредством трансляции профессиональных ценностей, мировоззренческих ориентиров и методологических подходов от представителей юридического сообщества к новому поколению правоведов, что является фундаментальным условием сохранения целостности национальной правовой традиции;

целенаправленного воспитания будущих юристов в парадигме государственного патриотизма, ориентированного на приоритеты национального развития, ведь, как справедливо отметил В. А. Бублик, «юрист, который не является патриотом, юрист без стержня – это источник повышенной опасности для государства и общества»⁶;

¹ Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы».

² Постановление Правительства РФ от 26 декабря 2017 г. № 1642 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации „Развитие образования“».

³ Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности РФ».

⁴ Указ Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности РФ».

⁵ Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

⁶ Ректор УрГЮУ: На рынке труда всегда будут востребованы юристы, но только хорошие // Российская газета: офиц. сайт. URL: <https://rg.ru/2023/09/27/reg-urfo/zakon-i-tradicia.html> (дата обращения: 20.04.2025).

формирования у будущих юристов синтетических компетенций, интегрирующих фундаментальные правовые знания с навыками работы в цифровой среде (включая *LegalTech*);

адаптации юридических образовательных программ к когнитивным особенностям нового поколения обучающихся, характеризующихся преобладанием визуального восприятия информации, сниженной способностью к длительной концентрации внимания, фрагментарным (клиповым) типом мышления и недостаточной учебной мотивацией;

воспитания юридических кадров, готовых осуществлять юридически значимые действия в условиях социальной бифуркации, когда, например, текущий процесс нормотворчества отличается ситуативным характером (*ad hoc*), что в перспективе может потребовать корректировки принятых правовых решений и устранения системных недостатков современной законодательной политики и др.;

модернизации методологии правового образования и развития юридической педагогики, ведь, как отмечал В. Ф. Яковлев, сейчас мы готовим юристов неизвестно для чего, неизвестно для кого, ориентируясь, так сказать, на общее пространство¹.

При этом важно обозначенные мероприятия проводить на научной основе. Необходимы качественное осмысление научным сообществом проблем, выявление тенденций, перспектив и лучших практик организации учебного процесса; моделирование процесса и результата обучения, экспериментальная апробация моделей, их доработка и системное внедрение в подготовку будущих юристов. Следует учесть, что система научно обоснованных выводов по вопросам развития юридического образования не должна быть абстрактной (оторванной от реальности), а должна формироваться с учетом значительного количества как системных, так и ситуационных проблем.

Системные проблемы в отечественном юридическом образовании отличаются устойчивым характером и преемственностью на различных этапах развития образовательной системы, они наиболее «опасны». Перечислим основные из них.

Во-первых, экстенсивное развитие юридического образования, характеризующееся неконтролируемым расширением сети образовательных организаций, осуществляющих подготовку юристов, и значительным ростом численности студентов, обучающихся по юридическим специальностям. Данная тенденция свидетельствует о количественном, а не качественном развитии системы юридического образования в России. И. М. Реморенко обращает внимание на ряд тревожных тенденций, связанных с резким увеличением контингента студентов в системе высшего образования. Ученый указывает, что данная ситуация закономерно вызывает озабоченность по поводу снижения качества образовательного процесса. В частности, отмечается возрастающая нагрузка на преподавательский состав в связи с увеличением числа студентов, заметное снижение уровня подготовки среднестатистического обучающегося и вынужденная адаптация образовательных требований к возможностям менее подготовленных студентов. Как подчеркивает исследователь, эти взаимосвязанные процессы формируют порочный круг, негативно влияющий на общее состояние высшего образования². Решить указанную проблему можно посредством введения дополнительных вступительных испытаний (помимо ЕГЭ) и формирования учебных групп с учетом результатов единого государственного экзамена, а также показателей дополнительных испытаний. Анализ современной образовательной практики свидетельствует о сокращении применения подобного подхода в высших учебных заведениях. Основным аргументом противников данной системы – потенциальный дискриминационный характер. Однако следует учитывать, что дифференциация, основанная на объективных критериях и преследующая цель обеспечения качественного образования, может быть признана правомерной, соразмерной и соответствующей принципу пропорциональности.

Во-вторых, снижение качества преподавания, вызванное ростом спроса на юридическое образование и, как следствие, увеличением контингента студентов, что негативно сказывается на эффективности образовательного процесса. Как отмечал

¹ Яковлев В. Ф. Правовое государство: вопросы формирования: учеб. пособие. М.: Статут, 2012. С. 472.

² Реморенко И. М. Переход к инновационной экономике: возможности и ограничения для системы образования // Вопросы образования. 2011. № 3. С. 56.

Р. К. Русинов, «рост числа студентов вызвал необходимость привлекать к педагогической работе людей, не готовых к ней. Даже вузы с традиционно сильным профессорско-преподавательским составом вынуждены брать на работу аспирантов и соискателей из числа практических работников, не обладающих знаниями и навыками педагогической деятельности»¹. Подобная ситуация способствует снижению уровня доверия студентов к преподавателям из числа аспирантов, соискателей ученой степени или недавно защитившихся кандидатов наук, что, в свою очередь, негативно влияет на качество усвоения учебного материала.

В-третьих, недостаточное финансирование юридических высших учебных заведений (в особенности региональных). Как справедливо отмечал В. Д. Перевалов, существенной проблемой современной системы юридического образования является недостаточная материально-техническая база многих вузов, а ведь государственная поддержка – один из основополагающих принципов развития юридического образования². Однако практика демонстрирует противоположную тенденцию: от учебных заведений требуют финансовой самостоятельности и ориентации на коммерческую деятельность. Это приводит к трансформации образовательного процесса в услугу и к внедрению рыночных принципов в публично значимые образовательные отношения.

В-четвертых, ценностный конфликт между формирующейся правоприменительной практикой и системой юридического образования (это ключевая проблема). Как справедливо подчеркивает В. Н. Синюков, «серьезной проблемой качества юридического образования является его соотношение с противоречивой практикой профессиональной юридической деятельности, которая далеко не всегда в России несет в себе образцы подлинно правовых принципов правоприменения»³. Данный диссонанс создает серьезные препятствия для успешной профессиональной социализации студентов юридических вузов. Эмпирические наблюдения свидетельствуют о недостаточном уровне правосознания обучающихся, который дополнительно снижается в результате взаимодействия с практикующими юристами. Последние зачастую транслируют деформированные правовые установки, легитимируя нарушения служебных норм и представляя их как неотъемлемый элемент профессиональной деятельности («правила игры»). Особую озабоченность вызывает тот факт, что подобные антиправовые паттерны воспроизводятся в образовательном процессе, когда, например, обсуждаются с неподготовленной аудиторией незаконные практики в сфере государственных закупок, оперативно-разыскной деятельности как подлинно необходимые элементы карьеры государственных служащих. При этом возникает сложная педагогическая дилемма: с одной стороны, необходимо избегать формирования у студентов идеализированного представления о правовой реальности, с другой – важно сохранить их доверие к правовым институтам и законодательству.

Среди проблем, которые возникают в текущих условиях и находятся в диалектической взаимосвязи с проблемами системного порядка, можно выделить проблемы, касающиеся реформирования системы образования, качества подготовки педагогов и обучающихся, и много других. Остановимся на наиболее значимых.

1. Организационно-методические изменения, включающие реструктуризацию учебных планов (введение новых дисциплин, дробление традиционных курсов на узкоспециализированные модули, сокращение фундаментальных предметов), модификацию форм учебных занятий (лекционных и семинарских), ревизию системы контроля знаний (формы проведения экзаменов и иных аттестационных мероприятий), недостаточно обоснованы. Указанные преобразования, обусловленные стремительным развитием информационных технологий и научно-техническим прогрессом, осуществляются без должной научной проработки. Отмечается внедрение инновационных методик, не прошедших достаточной педагогической апробации и не имеющих серьезного методологического обоснования в юридической науке. Подобный экспериментальный подход к реформированию образовательной системы представ-

¹ Русинов Р. К. Методические вопросы юридического образования. Чему и как учить будущих юристов: науч.-метод. пособие. Екатеринбург: Изд. дом «Уральская государственная юридическая академия», 2014. С. 8.

² Перевалов В. Д. О концепции развития системы юридического образования в России // Российский юридический журнал. 1995. № 4. С. 27–35.

³ Синюков В. Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию. М.: Норма, 2010. С. 597.

ляется крайне рискованным, учитывая стратегическую важность формирования профессионального юридического корпуса как интеллектуального потенциала государства. По этому поводу В. В. Есипов писал следующее: «Реформы хороши, если они не имеют характера случайного новаторства. Разумная реформа согласуется с прошлым, поспешное же новаторство не оглядывается назад и поэтому нередко остается без успеха»¹. На данный момент многие учебные курсы, направленные на изучение инновационных направлений в юриспруденции, носят характер случайного новаторства и не основываются на достижениях общей теории права и традициях национальной правовой системы, что приводит к ее постепенной ценностной элиминации.

2. При реализации новых образовательных проектов, направленных на развитие кадрового потенциала в инновационных отраслях экономики, делается акцент не на качественных, а на количественных показателях. Например, большое влияние на развитие индустрии *LegalTech* может оказать проект «Цифровые кафедры», который реализуется в юридических вузах, но расчет показателя федерального проекта «Развитие кадрового потенциала ИТ-отрасли» исходит из необходимости расчета количества обученных, получивших дополнительную ИТ-квалификацию на «цифровых кафедрах»². При этом игнорируется показатель уровня трудоустройства по ИТ-специальности в реальном секторе экономики и качества полученных знаний. Такая методика расчета эффективности программы приводит к тому, что высшие учебные заведения стремятся к достижению не реального, а номинального результата, игнорируя при этом стандарты качества (например, пренебрегают дисциплиной в учебном процессе, проявляют лояльность при проведении контрольных мероприятий, создают условия для нарушения принципа самостоятельности академического результата), что в совокупности не способствует достижению цели федерального проекта. При этом Минцифры РФ и Минобрнауки РФ ставят задачу достижения действительного результата, что невозможно без проработки методик и корректировки реализуемых проектов.

3. Современная образовательная практика в юридических вузах демонстрирует тенденцию к включению в учебные планы дисциплин, посвященных правовому регулированию информационных технологий (блокчейн, искусственный интеллект, интернет вещей, промышленный интернет и др.). Однако содержательный анализ данных курсов выявляет существенный дисбаланс, поскольку акцент делается на раскрытии технологической сущности соответствующих явлений, в то время как вопросы собственно правового регулирования остаются недостаточно проработанными. Подобная ситуация приводит к формированию квазиправовых учебных дисциплин, которые, занимая существенное место в образовательных программах, фактически не выполняют своей основной функции – подготовки юристов к решению актуальных правовых задач в цифровой среде.

4. Есть проблема трансформации ценностных ориентаций обучающихся. Наблюдается снижение эффективности усвоения мировоззренческого компонента юридических и общегуманитарных дисциплин, что обусловлено коммуникационным разрывом между преподавателями и студентами, вызванным различиями в мировосприятии и возрастающим влиянием цифровых технологий и медиапространства на формирование сознания молодежи (включая алгоритмы рекомендательных систем при потреблении контента)³. Обозначенная проблема усугубляется еще и тем, что в самом современном юридическом образовании значительно снижен морально-нравственный стандарт подготовки к юридической профессии, что приводит к выхолащиванию из юридического образования моральной идеи служения обществу и к отрицатель-

¹ Есипов В. В. О преподавании права. Варшава: Тип. Варш. учеб. окр., 1901. С. 11.

² См. п. 4.1 приказа Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ от 29 декабря 2023 г. № 1180 «Об утверждении методик расчета показателей федеральных проектов „Развитие кадрового потенциала ИТ-отрасли“ и „Обеспечение доступа в Интернет за счет развития спутниковой связи“ национальной программы „Цифровая экономика Российской Федерации“, а также внесении изменений в некоторые приказы Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации об утверждении методик расчета показателей федеральных проектов национальной программы „Цифровая экономика Российской Федерации“».

³ См., например: Наумов В. Б. Проблемы цифрового сохранения культурного наследия: в поисках социально-правовых решений // Труды по интеллектуальной собственности. 2024. № 4. С. 39–40; Его же. Право на отказ от цифровых технологий в сфере искусственного интеллекта // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 10. С. 27–28. DOI: 10.17803/2311-5998.2024.122.10.026-03.

ным изменениям в этических принципах подбора юридических кадров¹. Формирование профессионального правосознания будущих юристов не завершается должным результатом и, как следствие, на практике возникают серьезные нарушения закона.

Благодаря традициям, заложенным в Уральском государственном юридическом университете имени В. Ф. Яковлева ведущими методологами правового образования (Н. Н. Тарасовым, Р. К. Русиновым, В. Д. Переваловым и др.), система подготовки юристов выстроена с учетом обозначенных проблем и предполагает работу по всем направлениям, включая формирование ценностно-нравственных ориентиров профессиональной подготовки, оптимизацию коммуникативных процессов в системе «преподаватель – студент» и совершенствование качества образовательного процесса. Остановимся на отдельных наиболее эффективных практиках, которые могут представлять интерес для решения аналогичных задач в других образовательных организациях.

Во-первых, была разработана Декларация ценностей УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева, в которой среди ключевых выделены достоинство, патриотизм, благополучная семья, творчество, репутация Университета, гармоничная личность². Эти ценности были разработаны с опорой на ключевые документы стратегического планирования, а также на многолетний опыт уральской школы права в воспитании молодого поколения. Представляется, что необходимо систематически посвящать время лекционных и семинарских занятий разъяснению этих ключевых ценностей в контексте изучаемой дисциплины и истории Университета, а также большое внимание уделять формированию этих ценностей у студентов-первокурсников, которые только начали адаптироваться в новой образовательной среде.

Во-вторых, ежегодно кафедра конституционного права УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева под руководством М. С. Саликова проводит субботник, во время которого студенты и преподаватели не только благоустраивают территорию вокруг Университета, но и общаются. Например, преподаватели рассказывают истории из своей жизни, делятся научным и жизненным опытом, что положительно влияет на процесс передачи ценностей между поколениями. Такая активность кафедры побуждает студентов самоорганизовываться и в дальнейшем проводить субботники самостоятельно.

В-третьих, в Университете систематически проводятся творческие вечера, направленные на приобщение студентов к художественной литературе. Например, 19 апреля 2025 г. был проведен «Литературно-творческий вечер: презентация сборника стихотворений разных лет Льва Александровича Лазутина», где преподаватели и студенты читали стихи, а Л. А. Лазутин (заведующий кафедрой международного права УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева) презентовал свой новый сборник стихотворений.

В-четвертых, в УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева ставятся тематические театральные постановки, которые в художественной форме позволяют узнать историю Университета и познакомиться с именами выдающихся ученых-правоведов. Например, 15 февраля 2024 г. в рамках XX Международной научно-практической конференции «Ковалевские чтения» был показан спектакль «Судьба человека в судьбе страны», посвященный М. И. Ковалеву – участнику Великой Отечественной войны, основателю уральской уголовно-правовой школы. Благодаря таким мероприятиям студенты понимают и осознают многолетнюю историю и через художественные образы «чувствуют» такую ценность, как «репутация Университета», и охраняют ее, будучи представителями уральской школы права. Кроме того, такие мероприятия не менее важны для сохранения этоса юридической науки и воспитания нового поколения ученых, поскольку «научная память в этосе юридической науки связана с сохранением памяти о ведущих ученых-юристах»³. Так, через призму сценического образа выдающегося правоведа становится возможным выявление принципов и ценностей научного сообщества, которые определяли его профессиональный выбор и модели научного поведения. Представляется, что сохранение этоса юридической науки и традиций научной

¹ Синюков В. Н. Указ. соч. С. 614–615.

² Декларация ценностей УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева // Официальный сайт Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева. URL: <https://www.usla.ru/for-employees/deklaratsiya-tsennostey.php> (дата обращения: 20.04.2025).

³ Кодан С. В. Учитель и ученик в преломлении юридической науки // Российский юридический журнал. 2020. № 5. С. 35. DOI: 10.34076/2071-3797-2020-5-32-38.

школы через художественные образы – необходимая практика, поскольку, как отмечал А. Гумбольдт, «университет – это научное учреждение, занимающееся обучением».

В-пятых, в УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева систематически проводятся научно-практические конференции, направленные на популяризацию традиционных российских духовно-нравственных ценностей и ценностей Университета. Так, 19 мая 2025 г. состоялся круглый стол «Традиции УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева: из прошлого в будущее (навстречу 105-летию вуза и 300-летию Екатеринбурга)», организованный студентами кружка СНО, кафедрой истории государства и права (Н. Н. Зипунникова), архивом и Музеем истории СЮИ – УрГЮА – УрГЮУ. В рамках этого мероприятия студенты первого курса Института юстиции представили научный отчет о своей работе в кружке СНО¹.

Важно отметить, что конференции проходят как на студенческом, так и на профессорско-преподавательском уровне. Например, 12 апреля 2024 г. была проведена Международная научно-практическая конференция «Перспективы продвижения российской модели мировоззренческих ценностей в зарубежной социокультурной среде в условиях информационной безопасности». Организаторами конференции выступили П. У. Кузнецов (заведующий кафедрой информационного права) и А. Н. Митин. Такие конференции проходят систематически, что позволяет рассматривать проблемы ценностей, их формирования и развития на постоянной основе, реализуя комплексный подход в юридических исследованиях.

В-шестых, в УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева задолго до включения в программы высшего образования соответствующих требований были введены дисциплины, направленные на формирование и укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Так, на кафедре конституционного права реализуется дисциплина «Система национальной безопасности Российской Федерации»; на кафедре информационного права – «Правовое обеспечение информационной безопасности»; на кафедре теории государства и права имени С. С. Алексеева – «Профессиональное правосознание и мышление юриста». После начала специальной военной операции кафедрой теории государства и права имени С. С. Алексеева разработан курс «Правовые средства обеспечения национальной безопасности в условия специальной военной операции».

Данные учебные дисциплины относятся к части учебного плана, формируемой участниками образовательных отношений, т. е. являются необязательными, их преподавание в любой момент может быть прекращено, что негативно будет влиять на развитие духовно-нравственного потенциала будущего поколения. Р. К. Русинов писал, что перед юридическими вузами стоит задача готовить таких юристов, которые помимо профессиональных должны иметь особые личностные качества, связанные с ответственностью перед обществом за последствия принимаемых решений и за интересы страны в целом. Такие качества характеризуют тип профессионального мышления, которое на языке права можно именовать «публично ориентированным»². Как возможно сформировать «публично ориентированное» мышление без обязательности изучения дисциплин, направленных на освоение ключевых национальных интересов и приоритетов, а также основ государственной политики в различных сферах общественных отношений? Ответ – никак или очень затруднительно. Особенно негативно скажется прекращение преподавания таких предметов на направлениях подготовки, связанных с обеспечением национальной безопасности и осуществлением иной государственно значимой деятельности.

Л. А. Тихомиров отмечал, что формирование личности есть задача не только умственная, но и нравственная. Она предполагает достижение не только понимания, но и самой способности к пониманию, а также развитие силы нравственной, состоянием которой определяет направление наших умственных интересов³. Формирование способностей будущих поколений к принятию обоснованных решений требует целенаправленных инвестиций в сохранение и развитие нравственного потенциала, на-

¹ Итоги круглого стола «Традиции УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева: из прошлого в будущее...» // Официальный сайт Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева. URL: <https://xn--clazic8c.xn--p1ai/news/itogi-kruglogo-stola-traditsii-urgyuu-imeni-v-f-yakovleva-iz-proshlogo-v-budushchee/> (дата обращения: 20.04.2025).

² Русинов Р. К. Указ. соч. С. 12.

³ Тихомиров Л. А. Критика демократии. М.: Москва, 1997. С. 564.

копленного предыдущими поколениями, а также системного изучения исторических, политических и социальных процессов, определяющих развитие государства. В данном контексте недопустима факультативизация преподавания ключевых дисциплин, обеспечивающих понимание вопросов национальной безопасности.

Подводя итог, можно сделать следующие **выводы**:

1) комплекс проблем, сформировавшийся в системе юридического образования, требует системного подхода и организационно-методического единства в обеспечении образовательного процесса, деятельности преподавательского состава и структурных подразделений вуза. Только в случае системной работы возможно достижение общей цели – профессионально-личностного становления будущих юристов, а также содержательной целостности учебного процесса, обеспечивающего логическую взаимосвязь изучаемых дисциплин. Данная системность позволяет эффективно реализовывать поставленные образовательные задачи и достигать запланированных результатов подготовки юридических кадров;

2) перспективным направлением образовательной политики вузов является развитие системы социально значимых мероприятий, способствующих формированию ценностных ориентаций обучающихся. К числу таких мероприятий относятся работы по благоустройству территории, культурно-просветительские мероприятия (литературные вечера, театральные постановки), тематические дискуссионные площадки, а также специальные дисциплины, направленные на развитие профессионального самосознания и гражданской позиции. Ведь, как справедливо отмечал Б. Н. Чичерин, начертать законы – дело сравнительно легкое, а найти людей, направить их к благородной цели служения праву и справедливости, вдохнуть в них дух правды и чести, установить правосудие на пространстве огромного государства, которое доселе его не знало, – вот задача¹.

Список литературы

Есипов В. В. О преподавании права. Варшава: Тип. Варш. учеб. окр., 1901. 34 с.

Кодан С. В. Учитель и ученик в преломлении юридической науки // Российский юридический журнал. 2020. № 5. С. 32–38. DOI: 10.34076/2071-3797-2020-5-32-38.

Наумов В. Б. Право на отказ от цифровых технологий в сфере искусственного интеллекта // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 10. С. 26–36. DOI: 10.17803/2311-5998.2024.122.10.026-03.

Наумов В. Б. Проблемы цифрового сохранения культурного наследия: в поисках социально-правовых решений // Труды по интеллектуальной собственности. 2024. № 4. С. 37–50.

Перевалов В. Д. О концепции развития системы юридического образования в России // Российский юридический журнал. 1995. № 4. С. 27–35.

Реморенко И. М. Переход к инновационной экономике: возможности и ограничения для системы образования // Вопросы образования. 2011. № 3. С. 54–71.

Русинов Р. К. Методические вопросы юридического образования. Чему и как учить будущих юристов: науч.-метод. пособие. Екатеринбург: Изд. дом «Уральская государственная юридическая академия», 2014. 220 с.

Синюков В. Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию. М.: Норма, 2010. 670 с.

Тихомиров Л. А. Критика демократии. М.: Москва, 1997. 665 с.

Чичерин Б. Н. Несколько современных вопросов. М.: Изд. К. Солдатенкова, 1862. 265 с.

Яковлев В. Ф. Правовое государство: вопросы формирования: учеб. пособие. М.: Статут, 2012. 488 с.

References

Chicherin B. N. (1862) *Neskol'ko sovremennykh voprosov* [A Few Contemporary Issues]. Moscow, Izdanie K. Soldatenkova, 265 p.

Esipov V. V. (1901) *O prepodavanii prava* [About teaching law]. Varshava, Tipografiya Varshavskogo uchebnogo okruga, 34 p.

Kodan S. V. (2020) *Uchitel' i uchenik v prelomlenii yuridicheskoi nauki* [Teacher and student in the refraction of legal science]. In *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal*, no. 5, pp. 32–38, DOI: 10.34076/2071-3797-2020-5-32-38.

Naumov V. B. (2024) *Problemy tsifrovogo sokhraneniya kul'turnogo naslediya: v poiskakh sotsial'no-pravovykh reshenii* [Problems of digital preservation of cultural heritage: in search of social and legal solutions]. In *Trudy po intellektual'noi sobstvennosti*, no. 4, pp. 37–50.

¹ Чичерин Б. Н. Несколько современных вопросов. М.: Изд. К. Солдатенкова, 1862. С. 249–264.

Naumov V. B. (2024) Pravo na otkaz ot tsifrovyykh tekhnologii v sfere iskusstvennogo intellekta [The right to opt out of digital technologies in the field of artificial intelligence]. In *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGYuA)*, no. 10, pp. 26–36, DOI: 10.17803/2311-5998.2024.122.10.026-03.

Perevalov V. D. (1995) O kontseptsii razvitiya sistemy yuridicheskogo obrazovaniya v Rossii [On the concept of development of the legal education system in Russia]. In *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal*, no. 4, pp. 27–35.

Rusinov R. K. (2014) *Metodicheskie voprosy yuridicheskogo obrazovaniya. Chemu i kak uchit' budushchikh yuristov: nauchno-metodicheskoe posobie* [Methodological issues of legal education. What and how to teach future lawyers: scientific and methodological manual]. Yekaterinburg, Izdatel'skii dom «Ural'skaya gosudarstvennaya yuridicheskaya akademiya», 220 p.

Remorenko I. M. (2011) Perekhod k innovatsionnoi ekonomike: vozmozhnosti i ogranicheniya dlya sistemy obrazovaniya [Transition to an Innovative Economy: Opportunities and Limitations for the Education System]. In *Voprosy obrazovaniya*, no. 3, pp. 54–71.

Sinyukov V. N. (2010) *Rossiiskaya pravovaya sistema. Vvedenie v obshchuyu teoriyu* [Russian legal system. Introduction to the general theory]. Moscow, Norma, 670 p.

Tikhomirov L. A. (1997) *Kritika demokratii* [Criticism of democracy]. Moscow, Moskva, 665 p.

Yakovlev V. F. (2012) *Pravovoe gosudarstvo: voprosy formirovaniya: uchebnoe posobie* [The rule of law: issues of formation: textbook]. Moscow, Statut, 488 p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 01.09.2025

Дата принятия рукописи в печать: 23.03.2026

УДК / UDC 34.04

DOI: 10.34076/22196838_2026_2_94

ПРАВОВОЕ БУДУЩЕЕ РОССИИ КАК ПРАВОВОЙ ПРОГРЕСС**Рец. на кн.: Архипов С. И. Правовой прогресс: зарождение, развитие, кризис идеи: монография. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2025. – 272 с.****Семитко Алексей Павлович**

Старший научный сотрудник РАН, декан юридического факультета, заведующий кафедрой публичного права Гуманитарного университета (Екатеринбург), доктор юридических наук, профессор, ORCID: 0000-0003-4425-3053, e-mail: asemitko@mail.ru.

Для цитирования: Семитко А. П. Правовое будущее России как правовой прогресс. Рец. на кн.: Архипов С. И. Правовой прогресс: зарождение, развитие, кризис идеи: монография. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2025. – 272 с. // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2026. № 2. С. 94–105. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2026_2_94.

THE LEGAL FUTURE OF RUSSIA AS LEGAL PROGRESS**Review of the book: Arkhipov S. I. Legal Progress: The Emergence, Development and Crisis of an Idea: monography. – Moscow: Norma: INFRA-M, 2025. – 272 p.****Semitko Alexey**

Senior researcher of RAS, dean of the law faculty, head of the chair, Humanitarian University (Yekaterinburg), doctor of legal sciences, ORCID: 0000-0003-4425-3053, e-mail: asemitko@mail.ru.

For citation: Semitko A. (2026) The legal future of Russia as legal progress. Review of the book: Arkhipov S. I. Legal Progress: The Emergence, Development and Crisis of an Idea: monography. – Moscow: Norma: INFRA-M, 2025. – 272 p. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskoyu zhurnalu»*, no. 2, pp. 94–105, DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2026_2_94.

Известный в российской юридической науке автор, выпустивший ряд серьезных монографий¹, подготовил и опубликовал новую работу, которая (как, впрочем, и все предыдущие) заслуживает пристального внимания. Книга посвящена одной из важнейших проблем юриспруденции и гуманитаристики в целом – идее социально-правового прогресса. Эта идея стала своего рода интеллектуальным нервом, политико-правовым камертоном эпохи Просвещения, нацеленным на движение ко все большей свободе, счастью и благополучию человечества. И сегодня, когда с разных сторон слышна критика идеи свободы, да и всего интеллектуального и даже институционального политико-правового наследия эпохи Просвещения, обращение к данной теме имеет фундаментальный характер для развития как российской, так и мировой юриспруденции.

В недавно опубликованном у нас переводе на русский язык книги всемирно известного автора Стивена Пинкера, посвященной защите идей Просвещения, отмечается, что принцип этой эпохи, согласно которому рациональное мышление и соперничество – путь к процветанию человечества, подвергается сегодня не просто забвению, но критике как устаревший и далеко не такой очевидный (тем более, добавим,

¹ Архипов С. И. Субъект права: теоретическое исследование: моногр. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004. 469 с.; *Его же*. Собственность: правовые грани: моногр. М.: Юрлитинформ, 2014. 296 с.; *Его же*. Современные теории права: учеб. пособие. Екатеринбург: Изд. дом Урал. гос. юрид. ун-та, 2018. 88 с.; *Его же*. Собственность: теоретико-правовые проблемы: учеб. пособие. Екатеринбург: Изд. дом Урал. гос. юрид. ун-та, 2018. 164 с.; *Его же*. Субъекты права: теоретико-методологические проблемы: учеб. пособие. Екатеринбург: Изд. дом Урал. гос. юрид. ун-та, 2018. 164 с.; *Его же*. Современные проблемы юридической науки: учеб. пособие. Екатеринбург: Изд. дом Урал. гос. юрид. ун-та, 2019. 404 с.

не такой самоочевидный¹⁾, как это представлялось выдающимся мыслителям XVIII в., поэтому «сейчас идеалы разума, науки, гуманизма и прогресса нуждаются в решительной защите как никогда прежде»²⁾. Сергей Иванович Архипов возложил на себя эту крайне тяжелую в современных условиях миссию, и, забегаая несколько вперед, отметим, что выполнил ее не просто вполне достойно, а на исключительно высоком уровне.

Любое гениальное произведение содержит как минимум одну великую идею, и в данной работе такая идея имеется, хотя формулировки ее могут быть разные. Одна из них вынесена в название рецензии: у России не будет никакого правового (а значит, и никакого другого достойного) будущего, если она не пойдет по пути правового прогресса. Если великие идеи овладевают массами, то они становятся реальной движущей силой, меняют судьбу человечества. Причем мастерство автора рецензируемого произведения состоит еще и в том, что он нигде прямо не формулирует данное положение (в таком именно или близком к нему виде), однако не оставляет внимательному читателю никакого шанса, чтобы он сам не пришел к такому именно выводу: без правового прогресса у России не будет никакого будущего, не говоря уже о великом будущем, а правовой прогресс – это и есть тот магистральный путь движения в данном направлении. Этот путь состоит, по мысли С. И. Архипова, в переходе от политического типа коммуникации к правовому (с. 180), т. е. заключается – расшифруем эту сложную авторскую конструкцию – в восходящем движении общества по пути верховенства права, независимости судебной власти, более прочной, надежной и эффективной защиты прав человека, при реальном, разумеется, уважении человеческого достоинства или, как у автора, уважении и развитии правовой личности, это движение по пути созидания юриспруденцией как «точной социально-инженерной наукой» алгоритмов правового развития общества (с. 179) и воплощения их на практике – алгоритмов, необходимых для удовлетворения конкретных жизненных интересов и целей участников правовой коммуникации. Уточнение, сделанное выше, что без правового развития у страны не будет и никакого иного достойного будущего, конечно, тоже подробно обосновывается в книге: социальный прогресс в целом невозможен без прогресса правового. Последняя мысль в той или иной мере освоена выдающимися представителями не только гуманитарных, но и естественных наук, однако проблема в том, чтобы эта идея стала достоянием политической элиты и всего общества в целом.

Работа состоит из шести глав. В первой рассматривается линейная теория социально-правового прогресса – ее истоки, а также дальнейшее развитие в трудах Тюрго, Кондорсе, Канта и Гегеля. Особой притягательностью среди представлений Канта о правовом прогрессе, отмечает С. И. Архипов, обладает идеал, к которому, по мысли кенигсбергского затворника, должно стремиться человечество, – достижение всемирно-гражданского состояния: «После двух мировых и множества локальных войн в XX столетии осознание необходимости построения системы всеобщего мира стало еще более актуальным, чем двести лет назад. Каждый новый виток международной политической напряженности, кровавый военный конфликт, акт агрессии одного государства по отношению к другому подталкивает народы к пониманию неизбежности следования тому пути развития, который был предложен Кантом. Человечество за прошедшее время не открыло для себя другой, более актуальной цели социально-правового прогресса» (с. 25).

В учении Гегеля очень важным моментом, отмеченным в свое время В. С. Нерсесянцем, является идея о том, что «прогресс свободы в социальной истории в принципе возможен лишь в правовой форме, лишь как прогресс права (и государства как правового института)»³⁾. Эта идея важна не только для юристов, как верно отмечает С. И. Архипов, но и для гуманитариев в целом, поскольку в иной форме восходящее

¹ Глубокие и убедительные рассуждения по поводу самоочевидности великой идеи Просвещения о правах человека см.: Хант Л. Изобретение прав человека: история / пер. с англ. Н. Алешиной. М.: Новое лит. обозрение, 2023. С. 10–35 и далее.

² Линкер С. Просвещение продолжается. В защиту разума, науки, гуманизма и прогресса. М.: Альпина Нон-фикшн, 2021. С. 20.

³ Цит. по: Архипов С. И. Правовой прогресс: зарождение, развитие, кризис идеи: моногр. М.: Норма: ИНФРА-М, 2025. С. 32.

развитие человечества после перехода его от варварства к цивилизации попросту невозможно, и понимание такой закономерности находит сегодня отражение в работах, посвященных социальному прогрессу в целом¹. Можно сказать и еще больше: идея о том, что социальный прогресс реален лишь в форме правового, имеет значение для политической и предпринимательской элит при условии, конечно, если последние стремятся к развитию страны во всех отношениях и в общих (а не сугубо индивидуальных) интересах, а также к закономерному в таком случае выходу государства на лидирующие позиции в мире. В обществе должно быть достигнуто всеобщее понимание, что без совершенствования права, правовых институтов – механизмов, учреждений – и роста правовой культуры в целом (формирования независимого правосудия, реального, работающего конституционализма, защищенности прав и свобод человека и т. д.) социальный прогресс невозможен. Поэтому следует подчеркнуть, что книга С. И. Архипова, посвященная дальнейшему развитию теории правового прогресса, является фундаментальной по научно-эвристической, политико-правовой и культурной значимости не только для юристов и гуманитариев, не только для политической и прочей элиты, но и для всей читающей и мыслящей общественности.

Вторая глава посвящена анализу циклических теорий социально-правового прогресса. Идея исторического круговорота, сменяющих друг друга социальных циклов, отмечает автор, – одна из наиболее ранних общественных идей в истории человечества, которая нашла выражение уже в Экклезиасте, обсуждалась в произведениях античных философов, в трудах мыслителей Древней Индии, Китая, других стран. Эта идея получила мощное развитие в XVIII в. в работе Дж. Вико, а позже в трудах О. Шпенглера, А. Тойнби. Автор верно подмечает, что Дж. Вико задолго до Канта открыл источник социального прогресса в человеческих пороках (свирепость, скупость, честолюбие), которые заставляют людей проявлять активность, развиваться. Если бы общество состояло из одних только альтруистов, то право оказалось бы в нем излишним элементом: в единстве этих противоположных начал заключен источник социально-правового прогресса человечества.

Анализируя теорию замкнутых культур О. Шпенглера, автор отмечает, что выделение мыслителем «высших» культур противоречит его же тезису об отсутствии единого исторического процесса и идеи автономии (замкнутости) культур, поскольку понятие высшего предполагает не просто сопоставление одного явления с другим, но наличие новой ступени в рамках единой развивающейся, т. е. прогрессирующей системы, предполагающей неявный ориентир мыслителя на принцип исторического прогресса и критерии, на основе которых осуществляется градация культур (с. 53).

Серьезным шагом вперед в анализе исторического процесса является цивилизационная теория А. Тойнби, который под прогрессом понимал «последовательное совершенствование нашего культурного наследия, непрерывное и кумулятивное, от поколения к поколению», а также искал пути спасения гибнущей западной цивилизации, для чего, по мнению мыслителя, необходимо «искоренить войну и классы как таковые – и искоренить их немедленно – под страхом того, что, если мы дрогнем или потерпим неудачу, они сами одержат победу над человеком, которая на этот раз окажется окончательной и бесповоротной»². Недостатком его теории, как отмечает С. И. Архипов, была недооценка роли права в процессе формирования локальных цивилизаций (и особенно западной цивилизации).

Если религиозная идея, лежащая согласно подходам Шпенглера и Тойнби в основании западной цивилизации (культуры) не смогла объединить человечество на основе христианских идеалов, то, пишет С. И. Архипов, это «без видимых усилий, физического или психического насилия смогли осуществить деятели эпохи Просвещения, сформулировавшие притягательные даже для незападного мира представления о будущем ненасильственном правовом строе без войн, кровопролитных конфликтов, межнациональных раздоров, в котором высшей ценностью являются права человека, а отношения между людьми строятся на принципах не господства и подчинения, а взаимного уважения и совмещения интересов. Укоренившись в сознании представителей других цивилизаций, эти идеи стали мировым достоянием, основой орга-

¹ Пинкер С. Лучшее в нас. Почему насилия в мире стало меньше. М.: Альпина Нон-фикшн, 2023. С. 479–601; Его же. Просвещение продолжается. В защиту разума, науки, гуманизма и прогресса. 626 с.

² Цит. по: Архипов С. И. Правовой прогресс: зарождение, развитие, кризис идеи. С. 61, 63.

низации и деятельности ООН, международного правопорядка... Постепенно, начиная с XX в., правовые ценности западной цивилизации через систему международного права стали достоянием других народов и культур» (с. 66–67). Необходимо переосмыслить историю западной цивилизации как процесса правового единения народов и установить, не является ли одной из общих закономерностей всемирно-исторического развития формирование наций как культурно-правовых общностей людей на основе единых правовых ценностей, идеалов (как это имело место в рамках западной цивилизации) и глобальной правовой общности – человечества – через систему международного права и межгосударственных учреждений. Хотя автор и излагает этот вывод в форме риторического вопроса, однако содержание его исследования (здесь и далее) убеждает читателя, что это очень серьезные, глубоко обоснованные положения, которые носят характер закономерностей.

В третьей главе анализируются представления о правовом прогрессе в российской дореволюционной юридической науке. Если концепции основоположников, классиков линейной и циклической теорий социального и социально-правового прогресса, рассмотренные автором под новым углом зрения, изучали и продолжают изучать как в мировой, так и в российской гуманитарной и юридической науке, то представленный в данной главе анализ обладает абсолютной новизной – никто в литературе (до рецензируемого труда) не исследовал так системно, последовательно и всесторонне учение о правовом прогрессе, сложившееся в нашей дореволюционной юриспруденции. Забегая вперед, отметим, что указанный уровень новизны характерен и для проведенного С. И. Архиповым исследования во всех последующих главах его монографии.

Анализируя представления о правовом прогрессе в российской дореволюционной юридической науке, автор указывает, что «сформировавшаяся в западной культуре идея социального прогресса как объективного, закономерного всемирно-исторического процесса восхождения человечества от состояния природной дикости к цивилизации, к общественному устройству, основанному на принципах справедливости, разума и свободы, начиная с XVIII века становится достоянием либеральной российской интеллигенции, отечественных правоведов. Вместе с университетскими профессорами, преподавателями правовых дисциплин, получившими юридическое образование в Германии, Великобритании, Франции, она вошла в отечественную юридическую науку и со временем укоренилась в ней» (с. 68). И очень важное уточнение, сделанное автором, состоит в том, что «эта идея была критически переосмыслена российскими правоведами с учетом национальных традиций, культуры народа, существующего социально-правового уклада», что делает особенно эвристичным и продуктивным дальнейший анализ взглядов дореволюционных ученых и общественно-политических деятелей (С. Е. Десницкий, И. А. Третьяков, Я. П. Козельский, А. Н. Радищев, М. М. Сперанский, Б. Н. Чичерин, М. М. Ковалевский, П. И. Новгородцев, И. А. Покровский, П. А. Сорокин, Н. Н. Алексеев), включая царские персоны (Екатерина II, Александр I). Даже краткое перечисление всего богатства представлений и идей о социально-правовом развитии, которое содержалось в дореволюционной политико-правовой литературе, невозможно, поэтому заинтересованному читателю следует обратиться к тексту рецензируемой монографии (разумеется, не только к указанной главе, но и ко всем остальным). Отметим лишь, что значительная часть этого богатства идей, разработанных дореволюционными учеными и общественно-политическими деятелями, не утратила актуальности до настоящего времени.

Возьмем хотя бы (для примера) некоторые идеи первого русского профессора права Московского университета С. Е. Десницкого (1740–1789), который осторожно, осознавая опасность возможных обвинений в вольнодумстве, проводил мысль, что России необходимо идти по пути социально-правового прогресса, приспособить западную теорию разделения властей к российским реалиям, осуществить «надлежащее и действительное правосудие». Очевидно, что эти конструкции и идеи далеко еще не реализованы в России, да и основания для опасений в вольнодумстве в нашем культурном и политическом пространстве не исчезли полностью и сегодня.

С. Е. Десницкий призывал также к гуманизации посредством права и просвещения народных нравов, писал, в частности, о необходимости «искоренения варварских

обычаев унижения достоинства женщин, насильственного подчинения ее власти мужа» (с. 71). Защита женщин от семейного (домашнего) насилия остается актуальной задачей в нашем обществе и сегодня: так, в 2019 г. широко обсуждался проект закона о профилактике семейно-бытового насилия¹. Подобные законы (о противодействии семейному насилию) имеются в большинстве стран мира². Упомянутый проект был разработан и вынесен на обсуждение в том числе потому, что проблема семейного насилия резко обострилась после декриминализации Федеральным законом от 7 февраля 2017 г. № 8-ФЗ³ побоев в семье, когда подобные действия стали квалифицироваться по ст. 6.1.1 КоАП РФ наравне с действиями, совершенными в отношении посторонних лиц. Снижение уровня правовой защиты жертв семейного (домашнего) насилия от уголовно-правового до административно-правового, если критерием правового прогресса считать объем и уровень защищенности прав и свобод человека, является несомненным правовым регрессом. Нацеленный на частичную нейтрализацию последнего упомянутый законопроект, к сожалению, так и не был принят, поскольку его противники увидели в нем угрозу традиционным российским ценностям.

В юридической литературе, тем не менее, справедливо отмечается, что положения данного законопроекта «вызывают научный интерес и в настоящее время»⁴. Депутаты по-прежнему вносят близкие по сути законопроекты, чтобы смягчить существующие в этой области проблемы, повысить уровень защищенности женщин – жертв домашнего насилия⁵. В Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2017–2022 годы констатировалось, что «реализуемые меры профилактики насилия в отношении женщин, в том числе семейно-бытового насилия, также недостаточны»⁶. Еще больше внимания вопросу «профилактики насилия в отношении женщин, включая насилие в семье», уделено в актуальной Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2023–2030 годы⁷. Все это говорит о сохраняющихся серьезных препятствиях на пути дальнейшего правового прогресса в данной области общественных отношений, отмеченных первым русским профессором права еще 250 лет назад.

Заметим, что в трудах практически каждого дореволюционного мыслителя, а не только С. Е. Десницкого, мы можем найти идеи и положения, которые пока не реализованы, а порой даже еще не осознаны в полной мере элитой, обществом и потому не воплощаются в государственно-правовую практику в России, да и во многих странах мира тоже.

Так, И. А. Третьяков усматривал причины бедности народов помимо прочего также в политических (гражданских) обстоятельствах (с. 72), т. е. в государственно-правовых институтах и уровне развития гражданского самосознания.

Я. П. Козельский считал необходимым беречь общество от конфликтов и войн и в качестве средства сохранения внешней безопасности общества рекомендовал доброе и справедливое обхождение с другими народами, налаживание союзных, договорных отношений с ними (с. 74).

А. Н. Радищев и М. М. Сперанский – разные по своим политическим взглядам и месту в российской истории мыслители – ориентировались на естественно-правовые подходы и писали не только о правах государя, но и об обязанностях его перед народом, о том, что принимаемые им законы должны учреждаться во благо народа

¹ Проект закона о профилактике семейно-бытового насилия // Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. URL: <http://council.gov.ru/services/discussions/themes/110611/> (дата обращения: 11.01.2026).

² Равнюшкин А. В. Публично-правовой механизм защиты граждан от семейного насилия // Сибирское юридическое обозрение. 2024. № 3. С. 353–371.

³ Федеральный закон от 7 февраля 2017 г. № 8-ФЗ «О внесении изменения в статью 116 Уголовного кодекса Российской Федерации».

⁴ Равнюшкин А. В. Указ. соч.

⁵ См., например: Паспорт проекта Федерального закона № 840397-8 «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (об установлении административной ответственности за публичное оправдание семейно-бытового насилия)» (внесен депутатом Государственной Думы ФС РФ К. А. Горячевой). Законопроект был снят с рассмотрения по причине отклонения его Государственной Думой Федерального Собрания.

⁶ Распоряжение Правительства РФ от 8 марта 2017 г. № 410-р «Об утверждении Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2017–2022 годы».

⁷ Распоряжение Правительства РФ от 29 декабря 2022 г. № 4356-р «Об утверждении Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2023–2030 годы».

и отдельных граждан, а законное правительство должно быть основано на общей воле народа (с. 74–82).

Б. Н. Чичерин настаивал на универсальности истинного социального (а значит, и правового) идеала, на том, что он не может быть национальным, а является общим достоянием человечества, в котором должны гармонически сочетаться две противоположности: личность и общество (с. 88). Он писал также, что вечный мир, о котором мечтают последователи Канта, может быть достигнут «только в результате тяжелых испытаний и бед в самом конце социальной истории» (с. 89).

М. М. Ковалевский считал, что основным общественным законом является закон прогресса, заключающийся в росте человеческой солидарности как внутри государств, так и в их отношениях между собой, в последнем случае «солидарность должна воплотиться не в проекте единого общепланетарного государства, а в постоянных союзах или федерациях государств» (с. 92); в их основе должны лежать прежде всего экономические интересы, возможности и преимущества свободного рынка (что, заметим в скобках, забывает сегодня известная правящая элита, которая строит политику на введении драконовских таможенных пошлин и барьеров со всем миром).

П. И. Новгородцев ориентиром, целью и критерием социального прогресса называл личность, что отражено, по сути дела, в закрепленном в ст. 2 Конституции 1993 г. приоритете прав и свобод человека (но оспаривается некоторыми российскими учеными как ошибочное конституционное решение¹). И. А. Покровский также считал, что главным ориентиром для всех правовых построений является самобытная, неповторимая правовая личность и настаивал на том, что «законодатель и судебная система должны обеспечить всемерную защиту личности, ее творческих способностей, „право чудака на существование“» (с. 110); право должно поспевать за развитием личности, оно не должно «утюжить» ее посредством принудительных нормативных шаблонов, законодательных типизаций и усреднений.

П. А. Сорокин основным фактором социальной эволюции называл науку, знания, коллективный опыт человечества (сокращение в ряде стран образовательных и научных программ и учреждений, введение административных ограничений на количество обучающихся в вузах даже за собственные деньги в нашей стране отнюдь не способствует социальному, в том числе правовому, прогрессу).

Евразиец Н. Н. Алексеев помимо массы важных и по сей день актуальных, по мнению С. И. Архипова, идей разрабатывал концепции «государства правды» и «гарантийного» государства, в которых обозначались контуры нового государственного устройства, которое должно прийти на смену советской власти, хотя в этой смене он, по-видимому, сомневался, когда, оценивая перспективы эволюции советского строя, писал, что «на обломках коммунизма водворится новый капитализм... здание капитализма снова будут разрушать новые социалисты и коммунисты. Замечательный исторический план, напоминающий какой-то скверный анекдот» (с. 134–135). Независимо от часто заслуженной критики капитализма не хотелось бы такого скверного исторического круговорота с регулярным возвращением к коммунистическому прошлому.

Следует заметить, что в рецензируемой монографии по итогам всестороннего, скрупулезного и глубокого анализа каждой концепции отмечаются как позитивные ее стороны, так и положения, которые, по мнению С. И. Архипова, заслуживают критики, о чем в рецензии сказать даже очень кратко, к сожалению, невозможно, хотя и представляет колоссальный интерес для любого читателя, интересующегося обсуждаемой темой.

В четвертой главе автор анализирует идею правового прогресса, представления о правовом будущем страны в советской (Я. А. Канторович, Е. Б. Пашуканис, М. А. Рейснер, П. И. Стучка) и современной российской юридической науке (С. С. Алексеев, В. С. Нерсисянц, В. Д. Зорькин, А. П. Семитко), подвергая подробному, обстоятельному разбору концепции указанных авторов.

Особое, можно даже сказать, центральное место в ряду указанных концепций принадлежит учению о правовом прогрессе С. С. Алексеева, который уже в советский период последовательно отстаивал мысль, что без права социальный прогресс не-

¹ Критику этой позиции см.: Семитко А. П. Приоритет прав и свобод человека как одно из правовых оснований либерализма // Вестник Гуманитарного университета. 2015. № 4. С. 59–83.

возможен. В постсоветский период творчества идея социально-правового прогресса была им кардинально переосмыслена в контексте теорий естественного права, прав человека, гуманистических, либеральных воззрений. Основываясь на дореволюционной российской либерально-правовой традиции, С. С. Алексеев в качестве основной цели права, его исторической миссии определял служение личности, обеспечение ее свободы от произвола власти. Показателем правового прогресса является развитие гуманитарного содержания права, осуществление прав человека и гражданина в ходе многоступенчатого движения от права сильного к праву гражданского общества. Кроме содержательного, гуманистического критерия прогресса, основателем уральской школы теории права был разработан и специально-юридический критерий, характеризующий право с технико-юридической стороны (с. 149–152). В работе, посвященной учению Канта о праве, С. С. Алексеев предложил новую теоретическую модель – «механизм восходящего развития человеческого рода» как механизм восходящего правового развития, правового прогресса (с. 152–153). Ученый также сформулировал и развил идею «ступеней восхождения к праву», своего рода уровней правового прогресса (с. 153–154). Обсуждая правовое будущее страны, российский правовед отмечал, что центральным пунктом в новой системе социальных координат должен быть человек, его интересы, права и свободы. Для поступательного развития общества в данном направлении необходимо сформировать цивилизованную собственность: производительная частная собственность, по мнению С. С. Алексеева, «заключает в себе мощные стимулы к напряженному труду, инвестициям, побуждает к рачительному, хозяйскому отношению к вещам. Социально-правовой прогресс не может произойти без духовного российского возрождения, без освобождения человека от всех форм политического гнета, пресса государственной идеологии, без создания системы, в которой торжествуют не формальные юридические нормы, а правозаконность»¹. В процессе правового возрождения России особая миссия уготована системе частного права, в которой мыслитель видел главный источник правового прогресса. Подводя итог рассмотрению концепции правового прогресса основателя уральской школы теории права, С. И. Архипов отмечает: «Идеи С. С. Алексеева о всемирном правовом прогрессе и особенностях правового развития страны получили воплощение в правовой системе России, в Конституции 1993 г., Гражданском кодексе, других законодательных актах, в разработке которых он принимал активное участие. В них материализовались представления российского правоведа о необходимости конституционного закрепления естественных, неотчуждаемых прав человека, о разумном социальном устройстве на основе принципов правового равенства, свободы и справедливости» (с. 157).

Пятая глава посвящена анализу причин кризиса идеи правового прогресса и путей его преодоления, а также соотношению концепции правового прогресса и представлений о наличии (или отсутствии) законов социального развития. Одной из главных причин утраты веры в правовой прогресс является, по мнению С. И. Архипова, убеждение в его неизбежности, неотвратимости, вытекающее из мысли о том, что природа человека будет неизменно вести его и общество в целом к идеальному правовому состоянию. Однако среди природных задатков человека, верно отмечает автор, есть не только те, которые «способствуют правовому прогрессу (коммуникативность, альтруизм и др.), но и те, которые препятствуют ему (властолюбие, эгоизм, враждебность по отношению к чужакам). Они предполагают совершенно иной – антиправовой – сценарий социального развития, который вопреки ожиданиям сторонников линейной теории правового прогресса осуществился в XX в., когда идея правового прогресса, столкнувшись с негативными человеческими задатками, оказалась поверженной низменной человеческой природой» (с. 170).

Проанализировав шесть причин кризиса идеи (методологические, правовые, социальные и др.), автор предлагает соответствующие им пути его преодоления. «Идея правового прогресса, – пишет ученый, – должна быть перенесена из мира утопий в мир науки. Она не может и не должна быть исключена правовой наукой из предмета своих исследований, поскольку является одной из важнейших, ключевых идей, от которых зависит будущее человечества. Без теории правового прогресса ей уготована

¹ Цит. по: Архипов С. И. Правовой прогресс: зарождение, развитие, кризис идеи. С. 156.

судьба второстепенной, служебной по отношению к политике отрасли знаний. От нацеленности правовой науки на будущее, на социальный прогресс зависит ее статус, место среди других социальных наук» (с. 178–179). Правовая наука может и должна быть наукой социального прогресса – «точной социально-инженерной наукой, определяющей на основе анализа конкретных жизненных интересов, потребностей, целей участников правовой коммуникации алгоритмы правового развития общества», – продолжает далее автор (с. 179, выделено нами. – А. С.). Это, с моей точки зрения, одно из важнейших положений работы, которое следует всячески поддерживать и развивать в дальнейших исследованиях как автора монографии, так и других представителей научной юридической общественности.

Кроме того, важным моментом этой главы является определенная «переключка» с идеями учителя С. И. Архипова – С. С. Алексеева, который в работе «Восхождение к праву» писал, что главной сферой научно-прикладных исследований и практического использования потенциала права призвана быть, по сути дела, инженерная разработка юридических конструкций, что входило бы в задачу не только юристов-теоретиков разных направлений, но и правоведов-конструкторов, совершенствующих юридическую материю по запросам практики и на перспективу, по аналогии с конструкторской деятельностью представителей технических, инженерных областей науки и практики, которые занимаются разработкой новейшей материальной техники¹. Если С. С. Алексеев имел в виду прежде всего специально-юридический, инструментальный аспект правовых разработок, то С. И. Архипов пишет о социально-правовом, социально-инженерном аспекте; вполне очевидно, что эти два аспекта неразрывно связаны друг с другом: один не может существовать без другого.

В социально-правовом плане необходимым условием для того, чтобы человечество могло и дальше идти по пути правового прогресса, является, по мнению автора, переход от политического к правовому типу коммуникации, их четкое разграничение. Если в основе первого типа лежит идея власти, доведенная до логического предела в виде бесконечной и не контролируемой никем власти, то в основе второго – правового типа коммуникации – лежит идея свободы, равенства субъектов права и рационального совмещения их интересов. Это положение выступает для автора одним из ключевых, именно с ним он связывает наиболее общий показатель правового прогресса: «Степень правового развития общества, правовой прогресс можно оценить, измерить исходя из того, какой тип коммуникации является доминирующим в нем: политический или правовой. Данный критерий можно использовать в качестве наиболее общего показателя наличия правового прогресса» (с. 180–181, см. также с. 246). Придание правовому типу коммуникации ведущего, доминирующего значения, подчинение политики праву – это, на самом деле, магистральный путь правового прогресса и одно из центральных положений рецензируемой монографии. С. И. Архипов развивает традицию, заложенную И. Кантом (который писал, что «всей политике следует преклонить колени перед правом»²) и продолженную в дальнейшем в правовой доктрине (идеи о правлении права, разделении властей, формировании независимой судебной власти, становлении правозаконности и др.), в том числе в учении С. С. Алексеева, который обращался к идее абсолютно необходимого первенства права над политикой в ряде своих работ³.

Автор развивает далее упомянутую им ранее в связи с анализом концепции И. Канта и С. С. Алексеева идею «механизма восходящего развития человеческого рода» (МВР) как механизма восходящего правового развития, правового прогресса. Кроме социальных антагонизмов, которые заложены в этом механизме, «должны быть учтены и другие движущие силы социально-правового прогресса: юридическое со-

¹ Алексеев С. С. Восхождение к праву. Поиски и решения (2002) // Алексеев С. С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 6: Восхождение к праву. М.: Статут, 2010. С. 551. См. об этом: Семитко А. П. Учение С. С. Алексеева о праве: краткая научная биография. Екатеринбург: Гуманитар. ун-т, 2024. С. 760.

² Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. Т. 1. М.: Камі, 1994. С. 461.

³ Процитированное положение И. Канта (в более расширенном виде) используется С. С. Алексеевым в качестве эпиграфа к работе «Философия права» и выражает одну из важнейших идей этой работы. См.: Алексеев С. С. Философия права: История и современность. Проблемы. Тенденции. Перспективы. М.: Норма, 1997. 330 с. См. также: Алексеев С. С. Самое святое, что есть у Бога на земле: Иммануил Кант и проблемы права в современную эпоху. 2-е изд. М.: Норма, 2013. 448 с.; Его же. Восхождение к праву. Поиски и решения (2002).

общество, среднее сословие (класс), иные социальные группы, заинтересованные в поступательном развитии общества. При этом важно определить условия, которые обеспечивают осуществление ими социальной роли „двигателей“ прогресса. Также должны быть учтены внутренние и внешние факторы, способствующие социально-правовому прогрессу, различного рода социальные стимулы, которые могут быть использованы для ускорения процесса общественного развития» (с. 181). В рамках МВР, по мнению автора, необходимо отдельно выделить и исследовать психологическую сторону, мотивационную составляющую социально-правового прогресса, в том числе чувство права. Важнейшим элементом МВР, пишет автор, ссылаясь на позицию С. С. Алексеева, является право и добавляет, что «не любая система норм, а заключающая в себе идею восходящего правового развития, нацеленную на социальный прогресс. Возможно, есть смысл раздвинуть рамки, не ограничиваться только нормами права. В конечном счете весь механизм правового регулирования, теоретическую конструкцию которого в свое время разработал С. С. Алексеев, должен быть ориентирован на социально-правовой прогресс, плюс совокупность, система правовых учреждений, организационно-правовых структур» (с. 183).

С. И. Архипов анализирует также социально-правовую инфраструктуру, без развития которой невозможен правовой прогресс, отмечает важную роль юридического научного и профессионально-практического сообщества: существующие правовые учреждения должны быть деполитизированы для того, чтобы они могли функционировать на основе принципов правовой коммуникации: равенства, свободы и совмещения интересов всех участников отношений. «Реализуемая на практике идея суда как органа политической власти есть препятствующая поступательному правовому развитию общества идея. Чтобы дух свободы стал достоянием системы правосудия, необходимо вернуться к исходным правовым принципам, началам: объективности, беспристрастности суда, его независимости от всех участников правовой коммуникации, включая государство» (с. 188). Однако государственная власть, совершенно верно замечает ученый, не заинтересована в независимом суде, и для того, чтобы судьи были действительно независимы от государства, ими должна быть создана самоуправляемая корпорация, взаимодействующая с государством на договорной основе. Вопросы внутреннего устройства и функционирования судебной корпорации должны регулироваться самой корпорацией (съездом судей и иными ее органами). Автор уделяет необходимое внимание юридической науке и юридическому образованию, которые должны быть нацелены на правовой прогресс. В отношении дальнейшего развития юридического образования было бы исключительно важным шагом в дополнение к тому, что пишет автор, ввести в программы магистратуры курс по правовому прогрессу. Тем более что рецензируемая монография является не только солидным научным трудом, но и может быть в таком случае прекрасным педагогическим источником – фундаментальной основой, настольным учебником для уровня магистратуры и выше.

И, наконец, наиважнейший институт, от которого зависит правовое будущее человечества, – это система международного права и обеспечивающие его функционирование структуры. Автор ссылается на идею Канта, для которого достижение человечеством состояния всеобщего мира – это одна из стратегических правовых целей на пути исторического прогресса, и отмечает, что, к сожалению, человечество за последние 30 лет не приблизилось к осуществлению этой цели, но, напротив, отдаляется от нее. Для достижения этой цели необходима целенаправленная, упорная борьба участников международно-правовой коммуникации за всеобщий мир, переход от политического типа международной коммуникации с разделением государств на тех, кто правит миром, и их вассалов к типу коммуникации, основанному на принципах равенства и свободы.

Высказанные С. И. Архиповым идеи и предложения (в том числе не упомянутые в данной рецензии по причине ее вынужденно не очень большого объема) о путях и способах преодоления кризиса идеи правового прогресса являются, с нашей точки зрения, исключительно важными для всей работы, поэтому книга заслуженно могла бы быть названа «Правовой прогресс: зарождение, развитие, кризис идеи и пути его преодоления». Однако автор проявил определенную скромность и не стал включать

этот ключевой момент данного исследования в название монографии. Полагаю, что назвать работу «Правовое будущее России как правовой прогресс», исходя из ее основной, великой идеи, о чем упомянуто выше, было бы крайне сложно потому, что такое название потребовало бы совершенно иной структуры и других акцентов, а также исключало бы свободный выбор читателя сделать те выводы, которые он может и сам вынести из прочтения данного исследования.

После анализа кризиса идеи правового прогресса, практики ее реализации в мире и России, а также путей и способов преодоления этого состояния автор закономерно переходит в завершающей, шестой, главе работы к рассмотрению правового будущего России, отмечая, что в современной российской юридической науке правовое будущее нашей страны, перспективы ее социально-правового развития обычно обсуждаются либо в рамках западной правовой традиции, но с учетом специфики правового сознания, правовой культуры русского народа (о чем шла речь в четвертой главе работы), либо в контексте собственного национального цивилизационно-правового пути развития. Подходы сторонников последнего, представленные в работах В. Н. Синюкова, А. Н. Кокотова, В. В. Сорокина, ряда других авторов, плодотворно анализируются далее в форме весьма увлекательной и всегда уважительной к мнению оппонентов дискуссии.

Во втором параграфе «Наш цивилизационный выбор» С. И. Архипов отмечает, что «сегодня политическое, экономическое и военное противостояние России Западу достигает состояния цивилизационного разрыва, когда дилемма „Восток – Запад“, „быть или не быть частью западного либо восточного мира“ вновь актуальна для российского государства и общества» (с. 217). Идеологические попытки «очистить» Россию от всего прозападного или вытравить «остатки Востока» – это уже, по мнению автора, не просто борьба двух противоположных точек зрения, конкурирующих идеологий, а «почти анатомическая операция по разделению культурной плоти русского человека на две половины», поскольку «главным следствием западных социально-правовых реформ в России стал модифицированный культурный код народа, и теперь он двух-элементный – западно-восточный». Проблема, по мнению автора, не в том, что «Запад проник в наше сознание, а в том, что „восточная“ и „западная“ его половины противостоят друг другу, внешний цивилизационный конфликт стал внутренним. Индивидуальное сознание оказалось расколотым на две противоборствующие части, которые не могут „договориться“. Отсюда одна из важнейших задач дальнейшего социально-правового развития страны – совмещение этих „культурных антиподов“ доступными правовыми средствами» (с. 218). Это исключительно важная констатация автора, которая объясняет многие проблемы нынешнего бытия и существенную «пробуксовку», если даже не движение вспять на пути социально-правового прогресса России. Помимо различных причин этого положения (фактор давления внешней среды, социальные катастрофы начала и конца XX в., имперское общественное сознание, «дебильный, – по выражению М. Н. Марченко, – русский капитализм» и др.), автор отмечает также, что правящей российской элите «недостает способности к управлению государством, высокой внутренней культуры, национальной самоидентификации, патриотизма, ответственности перед народом, профессионализма и т. д.» (с. 221–222); юридическому сообществу в основной своей массе присуще стремление служить не правовой свободе, а власти (с. 175, 244–245); судьи оказываются зависимыми от суверена, его воли, «становятся своего рода юридическим пролетариатом, наемными работниками государства» и т. д. (с. 188–189, 248).

Для формирования более прогрессивной цивилизации в России необходим переход от политического к правовому типу коммуникации, о котором автор упоминал ранее. Для осуществления данного перехода необходимо критически переосмыслить правовое наследие Запада и Востока, разработать цивилизационную теорию правового прогресса, ориентированную, с одной стороны, на культурные традиции русского народа, с другой – на правовую интеграцию, взаимодействие с другими нациями, народами, цивилизациями. При этом следует учесть «передовой опыт других цивилизаций, прежде всего современной западной и античной (греко-римской). Конечным результатом научных изысканий в данной сфере должна быть теория не национально-правового обособления России от остального мира, а правового

восхождения от национального, особенного, к правовому всеобщему» (с. 241). Автор уточняет, развивает это положение в «Основных выводах», где добавляет, что «речь идет о теории не национального обособления, противостояния России Западу или Востоку, а культурно-правового сближения, объединения народов. Нам важно не потерять себя в глобальном мире, но нельзя и ограничиваться своей самобытностью, упиваться ею, нужен правовой путь восхождения от национального, особенного, к общечеловеческому, всеобщему» – этими положениями автор завершает и последнюю, шестую, главу книги, и всю ее в целом в кратком заключении. Хотелось бы не просто присоединиться к этой идее, не только всячески поприветствовать ее, но и охарактеризовать как наилучший и, с нашей точки зрения, единственно возможный (для процветания России) магистральный путь прогрессивного развития отечественной правовой культуры, а значит, и всего российского социума в целом.

В заключении работы мы находим исключительно важный восьмистраничный раздел «Основные выводы», о котором уже упоминалось выше и в котором ученый подводит сжатый итог проделанной им фундаментальной работы. Отвлекаясь от содержания этого раздела (от содержания, с которым рецензент в целом согласен), следует подчеркнуть, что реально в «Основных выводах» перед нами представлена фактически вся работа в миниатюре и хотелось бы, чтобы такой стиль изложения научных идей стал традиционным в нашей науке и использовался не только в диссертационных работах (где он чаще всего и встречается), но и в научных монографиях, поскольку в такой форме, т. е. в свернутом виде, мы получаем квинтэссенцию разработанных автором положений, которыми он обогатил современную юриспруденцию.

Особо следует отметить также блестящий стиль изложения на протяжении всей монографии: с одной стороны, этот стиль строго научный, академический, четкий, конкретный, лаконичный, с другой – не лишен (в подходящих контекстах и каждый раз вполне уместно) образности, метафоричности, иронии, запоминающихся афористичных выражений, а потому работа читается, как принято говорить в подобных случаях, «на одном дыхании» и одновременно заставляет задуматься, пробуждает желание продолжить размышлять над проблемами, которые поднимает ученый. В заключение укажем, что рецензируемая книга – это, без всякого преувеличения, выдающаяся страница в потоке нашей юридической литературы, и она неизбежно займет достойное место в ряду других выдающихся работ как наших современников, так и учителей советского и российского (в том числе дореволюционного) периодов.

Список литературы

Алексеев С. С. Восхождение к праву. Поиски и решения (2002) // Алексеев С. С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 6: Восхождение к праву. М.: Статут, 2010. С. 7–557.

Алексеев С. С. Самое святое, что есть у Бога на земле: Иммануил Кант и проблемы права в современную эпоху. 2-е изд. М.: Норма, 2013. 448 с.

Алексеев С. С. Философия права: История и современность. Проблемы. Тенденции. Перспективы. М.: Норма, 1997. 330 с.

Архипов С. И. Правовой прогресс: зарождение, развитие, кризис идеи: моногр. М.: Норма: ИНФРА-М, 2025. 272 с.

Архипов С. И. Собственность: правовые грани: моногр. М.: Юрлитинформ, 2014. 296 с.

Архипов С. И. Собственность: теоретико-правовые проблемы: учеб. пособие. Екатеринбург: Изд. дом Урал. гос. юрид. ун-та, 2018. 164 с.

Архипов С. И. Современные проблемы юридической науки: учеб. пособие. Екатеринбург: Изд. дом Урал. гос. юрид. ун-та, 2019. 404 с.

Архипов С. И. Современные теории права: учеб. пособие. Екатеринбург: Изд. дом Урал. гос. юрид. ун-та, 2018. 88 с.

Архипов С. И. Субъект права: теоретическое исследование: моногр. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004. 469 с.

Архипов С. И. Субъекты права: теоретико-методологические проблемы: учеб. пособие. Екатеринбург: Изд. дом Урал. гос. юрид. ун-та, 2018. 164 с.

Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. Т. 1. М.: Камі, 1994. 584 с.

Пинкер С. Лучшее в нас. Почему насилия в мире стало меньше. М.: Альпина Нон-фикшн, 2023. 952 с.

Пинкер С. Просвещение продолжается. В защиту разума, науки, гуманизма и прогресса. М.: Альпина Нон-фикшн, 2021. 626 с.

Равнюшкин А. В. Публично-правовой механизм защиты граждан от семейного насилия // Сибирское юридическое обозрение. 2024. № 3. С. 353–371.

Семитко А. П. Приоритет прав и свобод человека как одно из правовых оснований либерализма // Вестник Гуманитарного университета. 2015. № 4. С. 59–83.

Семитко А. П. Учение С. С. Алексеева о праве: краткая научная биография. Екатеринбург: Гуманитар. ун-т, 2024. 805 с.

Хант Л. Изобретение прав человека: история / пер. с англ. Н. Алешиной. М.: Новое лит. обозрение, 2023. 272 с.

References

Alekseev S. S. (1997) *Filosofiya prava: Istoriya i sovremennost'. Problemy. Tendentsii. Perspektivy* [Philosophy of Law: History and Modernity. Problems. Trends. Perspectives]. Moscow, Norma, 330 p.

Alekseev S. S. (2010) *Voskhozhdenie k pravu. Poiski i resheniya (2002)* [The Ascent to Law. Searches and Solutions (2002)]. In Alekseev S. S. *Sobranie sochinenii: v 10 t. T. 6: Voskhozhdenie k pravu*, Moscow, Statut, pp. 7–557.

Alekseev S. S. (2013) *Samoe svyatoe, chto est' u Boga na zemle: Immanuel Kant i problemy prava v sovremennuyu epokhu* [The Most Sacred Thing God Has on Earth: Immanuel Kant and Problems of Law in the Modern Era], 2nd ed. Moscow, Norma, 448 p.

Arkhipov S. I. (2004) *Sub'ekt prava: teoreticheskoe issledovanie: monografiya* [Subject of law: theoretical study: monography]. Saint-Petersburg, Izdatel'stvo R. Aslanova «Yuridicheskii tsentr Press», 469 p.

Arkhipov S. I. (2014) *Sobstvennost': pravovye grani: monografiya* [Property: Legal Aspects: monography]. Moscow, Yurlitinform, 296 p.

Arkhipov S. I. (2018) *Sobstvennost': teoretiko-pravovye problemy: uchebnoe posobie* [Property: Theoretical and Legal Problems: textbook]. Yekaterinburg, Izdatel'skii dom Ural'skogo gosudarstvennogo yuridicheskogo universiteta, 164 p.

Arkhipov S. I. (2018) *Sovremennye teorii prava: uchebnoe posobie* [Contemporary theories of law: textbook]. Yekaterinburg, Izdatel'skii dom Ural'skogo gosudarstvennogo yuridicheskogo universiteta, 88 p.

Arkhipov S. I. (2018) *Sub'ekty prava: teoretiko-metodologicheskie problemy: uchebnoe posobie* [Subjects of Law: Theoretical and Methodological Problems: textbook]. Yekaterinburg: Izdatel'skii dom Ural'skogo gosudarstvennogo yuridicheskogo universiteta, 164 p.

Arkhipov S. I. (2019) *Sovremennye problemy yuridicheskoi nauki: uchebnoe posobie* [Contemporary Problems of Legal Science: textbook]. Yekaterinburg, Izdatel'skii dom Ural'skogo gosudarstvennogo yuridicheskogo universiteta, 404 p.

Arkhipov S. I. (2025) *Pravovoi progress: zarozhdenie, razvitie, krizis idei: monografiya* [Legal progress: the emergence, development and crisis of the idea: monography]. Moscow, Norma: INFRA-M, 272 p.

Hant L. (2023) *Izobretenie prav cheloveka: istoriya* [The Invention of Human Rights: A History]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 272 p.

Kant I. (1994) *Sochineniya na nemetskom i russkom yazykakh* [Works in German and Russian]. Moscow, Kami, vol. 1, 586 p.

Pinker S. (2021) *Prosveshchenie prodolzhaetsya. V zashchitu razuma, nauki, gumanizma i progressa* [Enlightenment Continues: In Defence of Reason, Science, Humanism and Progress]. Moscow, Al'pina Non-fikshn, 626 p.

Pinker S. (2023) *Luchshee v nas. Pochemu nasiliya v mire stalo men'she* [The Better Angels of Our Nature: Why Violence Has Declined]. Moscow, Al'pina Non-fikshn, 952 p.

Ravnyushkin A. V. (2024) *Publichno-pravovoi mekhanizm zashchity grazhdan ot semeinogo nasiliya* [Public-legal mechanism for protecting citizens from domestic violence]. In *Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie*, no. 3, pp. 353–371.

Semitko A. P. (2015) *Prioritet prav i svobod cheloveka kak jedno iz pravovykh osnovanii liberalizma* [The priority of human rights and freedoms as one of the legal foundations of liberalism]. In *Vestnik Gumanitarnogo universiteta*, no. 4, pp. 59–83.

Semitko A. P. (2024) *Uchenie S. S. Alekseeva o prave: kratkaya nauchnaya biografiya* [S. S. Alekseev's teachings on law: a brief academic biography]. Yekaterinburg, Gumanitarnyi universitet, 805 p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 20.01.2026

Дата принятия рукописи в печать: 23.03.2026

ЭЛЕКТРОННОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ К «РОССИЙСКОМУ ЮРИДИЧЕСКОМУ ЖУРНАЛУ»

Свидетельство о госрегистрации СМИ Эл № ФС 77-41478 выд. Роскомнадзор РФ 28.07.2010 г.
Маркировке не подлежит согласно п. 1 ч. 2 ст. 1, ч. 4 ст. 11 ФЗ от 29.12.2010 г. N 436-ФЗ

Редакторы О. Ю. Петрова, К. С. Семенюк, Ю. В. Тельминова
Дизайн обложки С. Е. Шеметова
Компьютерная верстка О. Ю. Петровой

Подписано к использованию 08.05.26.
Уч.-изд. л. 12,37. Объем 2,03 МВ

Точки зрения авторов статей, иных материалов не обязательно совпадают
с точкой зрения редакции

Адрес редакции: 620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 23, оф. 207
Корреспонденцию и статьи направляйте по адресу:
620137 Екатеринбург ул. Комсомольская д. 21, УрГЮУ
Редакция «Российского юридического журнала».

Тел./факс (343) 375-54-20.
E-mail: ruzh@usla.ru.
electronic.ruzh.org.